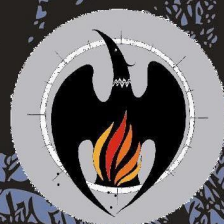

Игорь Ушаков

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЕГОРИЯ

САН - ДИЕГО
2008

Игорь Ушаков

**ЕВАНГЕЛИЕ
ОТ
ЕГОРИЯ**

Сан-Диего
2013

Дизайн обложки Кристины Ушаковой.

© Игорь Ушаков, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Часть 1: ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО	7
ПРЕДВАРЕНИЕ	7
РОДИТЕЛИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ	8
БЛАГАЯ ВЕСТЬ	13
ДЕВА МАРИЯ	16
МАРИЯ-БОГОРОДИЦА	20
МАРИЯ-ЖЕНА	24
РОЖДЕНИЕ ИИСУСА	26
Часть 2: ЮНОСТЬ И МЛАДЫЕ ГОДЫ	39
ПРОЩАНИЕ С РОДИТЕЛЯМИ	39
ЕГИПЕТ	42
КРИТ	49
ГРЕЦИЯ	54
ПЕРСИЯ	61
ИНДИЯ	67
Часть 3: ДЕЯНИЯ	80
ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ	80
КРЕЩЕНИЕ ИИСУСА	82
СИМОН И АНДРЕЙ	86
ИАКОВ С ИОАННОМ И ФИЛИПП	87
ФАДДЕЙ И МАТФЕЙ	90
ЗАТОЧЕНИЕ ИОАННА	92
ПОДАРОК ПРОДА САЛОМЕЕ	93
ИУДА	95
ПОЯВЛЕНИЕ ИУДЫ	99
АПОСТОЛЫ	101
ПОКАЯНИЕ ВАРФОЛОМЕЯ	102
ВСТРЕЧА С МАГДАЛИНОЙ	104
ИСЦЕЛЕНИЕ КОСНОЯЗЫЧНОГО	107
НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ	109
БОГ ИУДЫ	112
КТО МАТЕРЬ МОЯ?	114
КОРМЛЕНИЕ ПЯТЬЮ ХЛЕБАМИ	115
ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ АКИ ПО СУХУ	117
ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МЕССИИ	118
ВАРТИМЕЙ	120
СУББОТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА	122
БОГАЧ И НИЩИЙ	125

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЕГОРИЯ

БЛУДНЫЙ СЫН.....	129
ИЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ ХАНАНЕЯНКИ.....	132
ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ.....	134
ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ.....	137
Часть 4. ШЕСТВИЕ НА КАЗНЬ	141
БЕССМЕРТИЕ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ	141
ПЕРВОЕ ОТКРЫТОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ.....	145
ВИДЕНИЕ МОИСЕЯ И ПЛАШИ	146
ВХОЖДЕНИЕ ВО ИЕРУСАЛИМ.....	148
ПРОЩАНИЕ С МАГДАЛИНОЮ	150
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ	154
ПОЦЕЛУИ ПУДЫ.....	157
СУД ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ	160
ИИСУС У ПИЛАТА.....	163
ГОЛГОФА.....	170

Предисловие

Берем Библию. Открываем Новый Завет. Видим: "От Матфея Святое Благовествование". Начинаем читать Главу Первую:

Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его; Иуда родил Фареса и Зару от Фамари; Фарес родил Есрома; Есром родил Арама; Арам родил Аминадава; Аминадав родил Наассона; Наассон родил Салмона; Салмон родил Вооза от Рахавы; Вооз родил Овида от Руфи; Овид родил Иессея; Иессей родил Давида царя; Давид царь родил Соломона от бывшей за Уриею; Соломон родил Ровоама; Ровоам родил Авию; Авия родил Асу; Аса родил Иосафата; Иосафат родил Иорама; Иорам родил Озию; Озия родил Иоафама; Иоафам родил Ахаза; Ахаз родил Езекию; Езекия родил Манассию; Манассия родил Амона; Амон родил Иосию; Иосия родил Иоакима; Иоаким родил Иехонию и братьев его, перед переселением в Вавилон.

По переселении же в Вавилон, Иехония родил Салафишиля; Салафишиль родил Зоровавеля; Зоровавель родил Авияуду; Авияуд родил Елиакима; Елиаким родил Азора; Азор родил Садока; Садок родил Ахима; Ахим родил Елиуду; Елиуд родил Елеазара; Елеазар родил Матфана; Матфан родил Иакова; Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос.

Ба-ба-ба! Что-то мытарю Левия Матфею изменяет логика: пишет "Родословие Иисуса Христа, сына Давидова", а приводит родословие Иосифа-плотника, мужа Марии-Богородицы... Но ведь Иосиф не был отцом Иисуса! Он был всего лишь его отчимом: женился он на Марии, когда у той уже пошел шестой месяц после непорочного зачатия от Духа Святого, ниспосланного самим Господом, известным также под именами Адоная, Яхве, Иеговы и Саваофа...

Что-то не складывается... А может, и вообще все было не так?..

Однако же хотел бы просить верующих далее эту книгу даже не листать: не хотелось бы, хотя и ненароком, кого-нибудь обидеть – вера ведь дело такое деликатное.

Часть 1: ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО

ПРЕДВАРЕНИЕ

Действие, описываемое здесь, происходило в пятнадцатый год правления Тиберия кесаря, императора Римского, в Царстве Израиля, включавшем в себя Иудею, Самаритию и Галилею. Разношерстным было это государство: даже на этом небольшом пятачке земли бушевали страсти: иудеи и галилеяне враждовали с зажатыми между ними, как в тиски, с севера и юга самаритянами. Да и между евреями Иудеи и Галилеи не всегда был добрый мир.

В те времена в Палестине начальствовали римские наместники – прокураторы, которые правили страной умело: вроде бы жестко, но в то же самое время и достаточно гибко. Царем Иудейским был Ирод Великий. Центром иудейской веры был священный город Иерусалим, который, как и все столицы мира во все времена, был смешением многих культур, языков и обычаев, привнесенных пришельцами отовсюду.

Трудное было время, смутное. Удерживала еще Великая Римская империя свои позиции в восточных и южных провинциях и на северных границах с варварами, но уже начало трещать по швам разбухшее и неповоротливое государство. Попытки притормозить поступь времени при помощи традиционной политики кнута и пряника становились все менее и менее успешными: порабощенные в прежних войнах провинции требовали пряник все толще и все слаще, а на пощелкивание кнута уже, осмелев, щерили свои крепнущие зубы, как собака, у которой из-под носа отнимают миску с недоглоданными костями.

Немало забот у римлян было и с Царством Израиля, небольшой народец которого был упорен, горд и свободолюбив. Их проповедники ежегодно на весеннем празднике Пасхи, которым они ежегодно отмечали исход евреев из Египта под водительством Моисея, напоминали евреям об избавлении от египетского ига, буквально намекая, что теперь они попали под новое иго – римское. Римляне, как могли, ублажали непокорных евреев: позволили им относительно независимое самоуправление, разрешили им поклоняться своему богу, соблюдать свои обычаи. Конечно, евреи в Римской империи не были рабами, как они были в те давние вре-

мена в Египте. Да и времена-то переменялись с тех пор – сколько воды, чай, утекло!

Но как волка ни корми – все в лес смотрит! А и правда, почему волк должен в чьей-то клетке томиться? Все мы рождены свободными! Так и в народе еврейском шло брожение... А уж коли забродило вино в закупоренной бутылки – рано или поздно вылетит пробка к чертовой матери, а то еще и бутылка разорвется на мелкие осколки!

Но довольно истории и философии. Обратимся к героям – ну, если и не совсем к героям, то уж наверняка к главным действующим лицам – нашего повествования.

РОДИТЕЛИ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

Во дни Ирода Великого, царя Иудейского, был священник из колена Авиева, которого звали Захария. Был он простой священник, не Бог весть, какого ума и ораторского таланта, но продвигался по службе достаточно успешно. Много ли надо священнику? Слушайся начальство да убожай паству, а остальное само придет... Но на самом деле, залогом успехов Захарии была его жена, Елисавета, происходившая из самого рода Ааронова. И не только потому, что из знатного рода была она, но и просто потому, что баба она была боевая, настырная и понимала, что к чему. Она руководила своим мужем и вела его тем путем, который сама выбрала для него и за него.

Кстати, для тех, кто не помнит, кто такой Аарон, давайте освежим в памяти те давние времена, когда Пророк Моисей удумал вывести народ еврейский из Египетского плена. Собственно пленом назвать пребывание евреев в Египте можно было бы только с большой натяжкой, поскольку умный и предприимчивый народ этот расплылся со своей исконной земли во все стороны света: кто помышлял торговлей с Восточными царствами, начиная с относительно близкой Персии и кончая далекими Индией и Желтой Империей, оседая там; кто переселялся на север на берега спокойного Черного моря и еще дальше на север к варварам, поклонявшимся Богу Перуну; кто устремлял свои стопы – и их было большинство – в сторону богатейшего Египетского Царства, которым правили Фараоны.

Одним из первых проник в Египет, правда, не по своей воле, Иосиф, проданный в рабство своими же кровными братьями. Он был не только красив внешне, за что получил прозвище Прекрасного, но и ума необыкновенного. Начав с прорицания снов, он быстро достиг невысказанных высот, став правой рукой одного из богатейших египетских вельмож. Впоследствии он щедро облагодетельствовал своих братьев, которые более заслуживали кары, нежели такой милости. Но мы отвлеклись от темы Аарона, заглядевшись на красавца Иосифа.

Так вот, был в Египте и второй великий еврейский лидер, который был ни кем-нибудь, а аж приемным сыном дочери самого фараона! Звали того человека Моисей. Мать Моисея, желая, конечно же, сыну только добра, положила малютку, которому от роду было всего несколько недель, в плетеную корзину и пустила в свободное плавание по полноводной реке Нил. О чем думала мать Моисея, предпринимая эти действия, трудно даже догадаться: река кишела крокодилами и всяческими прочими мерзкими гадами, которые, естественно, были бы не прочь откупать свеженького мясца. Но повезло малышу: корзинку, которую мать его - нужно отдать ей должное - тщательно просмолила, чтобы не сразу она затонула, прибило к камышам, на мелководье. Младенец, покряхтев в намоченных на этот раз не по его вине пеленках, не выдержал и жалобно заплакал. На его счастье, прямо за камышами была купальня дочери фараона, которая, услышав детский плач, моментально оказалась около корзины и спасла младенца.

Оказалась острая нужда в кормилице, и - О, великий Господь! - нашлась молодая женщина, недавно потерявшая сына, но еще, как тельная корова, полная теплого парного молока. Нетрудно догадаться, что это была родная мать Моисея! Младенец рос в любви и достатке, его приемная мать, дочь фараона, не могла на него нарадоваться: смывленный, внимательный, послушный... Родная же мать Моисея была рада, что ее отчаянный и, в общем-то, более чем неблаговидный, поступок привел к такому триумфальному завершению.

Как часто бывает, зов крови одолевает здравый смысл: узнав, что сам он еврей, Моисей возненавидел египтян, а особенно фараона, дочь которого он и был спасен. Нет бы подумать, что родная мать бросила его на верную поги-

бель, а фараонова дочь спасла и взрастила его! Но, повторимся, кровь - есть кровь!

Убив однажды в поле египетского стражника, Моисей понял, что в Египте ему уже не жить. Вот тут-то и возникла идея всеобщего исхода евреев из страны, где им, если уж смотреть правде в глаза, не очень сладко жилось: спокойно и сытно, но все же в полной зависимости от чванливых египтян. Только самым талантливым или же пронырливым удавалось достичь хорошего положения в египетском обществе, основная же масса жила ниже среднего... Но сознаемся, разве не так и в любом государстве? Разве не относят людей ко второму сорту только из-за того, что они не имеют глубоких корней в той стране, в которой они живут?

Как гласит молва, наделав много пакостей Египетскому Фараону, который противился исходу евреев из страны, Моисей увел народ свой в пустыню, где блуждал, видимо, потеряв всяческую ориентацию, сорок долгих лет...

Брата своего единокровного, Аарона, он сделал первым еврейским первосвященником, сказав своему народу, что такова воля Божья. Это, однако, не помешало Аарону, когда Моисей пошел на гору Синай за скрижалями с заповедями Господними, сотворить для измучившихся людей того самого Златого Тельца, который потом стал на века притчей во языцех.

Как известно, рука Моисея по воле Божьей (конечно же, а по чьей же еще?) жестоко покарала непокорных, но Аарон и весь род его по той же воле, несмотря на явное ренегатство Аароново, были объявлены родом священников. (Опять же кровь родная: как не порадеть братцу родному, хоть он и предал идею!)

Вот именно из этого колена и происходила Елисавета, жена Захарии. Что еще можно сказать о Елисавете? Всем была хороша в юности Елисавета: и умна, и лицом недурна, и фигура статная. Да и в свои почти пятьдесят она выглядела не старше, чем на тридцать: узкая талия и необычно аккуратные для восточных женщин в таком возрасте бедра.

На Елисавету и сейчас еще засматривались мужчины, особенно те, которым, как говорится, бес в ребро... Среди ее обожателей был и ее духовный отец, раввин Иосафат, который служил при той же синагоге, что и Захария, но был чином повыше.

В юности Елисавета числилась в местных красавицах, и все, не зная ее подноготной, дивились, как такая красавица умудрилась выйти замуж за невзрачного и незначительного Захария? А дело-то было проще пареной репы: несмотря на знатное происхождение свое, была Елисавета бесприданницей. Поэтому, когда настал срок оборваться перезревшему плоду с родительской ветки, она была отдана первому, кто предложил не только руку и сердце, но и некоторый капитал.

Жили Захария с женой своей Елисаветой, если и не душа в душу, то, в общем-то, нормально, не хуже, чем остальные. Да вот одна завычка вышла: не дала Елисавета Захарии наследника. Это было какое-то наказание Господне, но за что? Сам Захария был праведник, а уж про Елисавету и говорить не приходится.

Захарий был человек книжный, знал тору от корки до корки, веры в Бога был непреклонной. И вот припомнил он притчу про Аврама и Сару, коим Бог даровал - при их бесплодии - ребенка, Исаака. Но до рождения этого благословенного отрока, бездетные Аврам и Сара решились на иной шаг.

И рассказал Захарий сию притчу жене своей, Елисавете. А история была такова. Жили-были Аврам и Сара, жили дружно, в миру и согласии. Все было у них, чего только их душеньки могли пожелать, да вот лишь Сара была неплодна, как старая иссохшая смоковница. По обычаям той страны, где они жили, коли родит служанка от мужа на колени жены его, то ребенок считается той, чьих коленей он впервые коснулся, иначе говоря, матерью его в этом случае считается не служанка, а госпожа.

– Ави, – обратилась Сара к мужу своему Авраму, – заключил Господь чрево мое, чтобы мне не рожать. Но нельзя нам жить без продолжения рода нашего. Войди к служанке моей, египтянке именем Агарь, пусть она родит ребенка мне на мои колени.

– Послушен я жене своей, – отвечивал Аврам. – Как скажешь, так и будет. Семя у меня есть, даст Бог поле плодородное –

и урожай будет!

И вошел Аврам к Агари, и она зачала. И родила Авраму сына, которого нарек Аврам Измаилом. Вот такова история рождения первого сына Аврамова, Пророка иудейского. Это потом уже Авраам и Сара, нареченные Богом «новыми» именами - Авраамом и Саррой, родили Исаака, своего родного сына, но это было после, когда Бог разрешил чрево Саррино. А прежде случилась та история с Агарью.

Рассказал Захария эту притчу жене своей, намекая на то, не поступить ли и им так же. Возражала Елисавета, говоря, что Захария уже далеко за пятьдесят, совсем старик, неспособный и к ней-то войти, как следует, зачем же позориться перед молодой девкой.

Но как ни противилась в душе Елисавета, пришлось ей, в конце концов, принять предложение мужнино. Ей и самой уже было лет немало, а дитя, хоть и не родное, может, даст какое-то утешение в старости. Согласилась Елисавета на то, чтобы Захария переспал с ее служанкой.

Служанкой у Елисаветы была молоденькая хананеянка: бойкая: глаза-вишенки, большущие; плотная вся, упругая, как говорится, «кровь с молоком». Купили ее, сироту, когда она была еще несмышленышем, заплатив какому-то ее дальнему родственнику два сикеля серебра. Так она и жила с Захарием и Елисаветой – наполовину рабыня, наполовину приемная дочь...

И вот взошел Захария к служанке и спал с ней. Но прошло время, а служанка не понесла. Тогда Захария взошел еще, потом еще и еще... Словом, вошел Захария во вкус и, как говорят охотники, бил в цель, не давая осечек! Но будто насмеялся над ним Бог – не давал девице зачатия.

Вся эта история поднадоела Елисавете. Муж спит со служанкой, совсем ее забыл. Вот и вышло: вместо того, чтобы сына на свои бедра положить, положила она своего мужа на бедра служанки своей!

С этими горестями пришла она к своему духовнику – раввину Иосафату. Когда-то была влюблена Елисавета в него, да и он был к ней более чем равнодушен. Еще когда в девушках ходила, сватался он к ней, и она была согласна. Но не успел Иосафат с официальным предложением: пришел он перед вечерней трапезой

просить руки Елисаветы, но родители ее буквально за три часа до того, сосватали ее Захарии. Проплакала тогда Елисавета две ночи кряду, что за нелюбимого выдают, но куда деться? Как говорили старики: «Стерпится – слюбится». Так и стала она Захариевой женой. И правда, стерпелось и слюбилось...

А Иосафат вскоре женился на такой замухрышке, что и подумывать страшно, но ведь надо было в священный сан вступить, а безбрачному это было нельзя по закону Моисееву.

Елисавета выбрала Иосафата своим духовником и частенько навещала его в трудные моменты своей жизни. Вот и в этот раз поплакалась Елисавета Иосафату: зачастил Захария к служанке, а на брачное ложе уж и не всходит... Но чем помочь?

БЛАГАЯ ВЕСТЬ

Однажды Захария по жребию, по обыкновению еврейских священников, вошел в синагогу помолиться во время каждения. Остальные же при этом в соответствии с ритуалом молились вне. Молитва у Захарии была уже много лет одна и та же: просил он у Господа ниспослать им с Елисаветой чадо.

Утомленный насыщенным днем службы в синагоге, Захария расслабился, если не сказать, что вздремнул слегка. И явился ему – ну, прямо, как наяву! – бесплотный и как бы прозрачный Ангел Господень, стоя по правую сторону жертвенника кадильного. Захария, увидев его, немного напугался, но Ангел сказал ему: «Не бойся, Захария, ибо услышана молитва твоя, и жена твоя Елисавета родит тебе сына, и наречешь его Иоанном». Очнулся он – Ангела и след простыл. Но был, был Ангел! Захария мог дать голову на отсечение, что был!

Захарий помчался после богослужения домой, где ждала его Елисавета. Рассказал Захария про свое видение жене своей. Но ведь все женщины одинаковы; негодуяще вращая глазами, Елисавета спросила ехидно:

– Что, опять по своей хананеяночке соскучился? Нет уж, старый козел! Не бывать этому больше!

– Да нет, Лиса... Ангел про тебя говорил... Не про то, что служанка твоя родит тебе на колени...

– Совсем спятил, старый дурень! У меня уж и обычное женское не каждый месяц, а ты про ребенка!

Но согласилась Лисавета, хоть давно уже не знала мужа своего. Чем черт не шутит, когда Господь спит? Взошел к ней Захария... Взойти-то взошел, да... Словом, то, что со служанкой получалось, как говорится, раз плюнуть, с Елисаветой – ни тпру, ни ну... Вот тебе и Ангел!

И опять пришла Елисавета к Иосафату в слезах и рассказала ему все без утайки: и провидение Захарии Ангела, и про имя реченное их будущему наследнику, и про то, что Захарий не имеет силы мужской... Посмотрел на нее Иосафат грустными глазами, будто все еще жалея, что жизнь их с Елисаветой не сложилась, как они того желали.

– Хочешь ли благодати Божьей, дочь моя?

– А как ее получить-то? Ведь я неплодна...

– Ты ли? Не муж ли твой? Пойдем со мной в мою келью. Дам я тебе прочесть Псалом Семидесятый в Книге Третьей Псалтыря. Ежели истинно веруешь в Господа нашего, то да снизойдет на тебя благодать Его. Должна ты только молиться, истово молиться, чтобы услышан был глас твой...

– Да, я готова, отец мой...

Пришли они в келью, Иосафат дал Елисавете какой-то порошок толченый, белый, как мука пшеничная, и сказал, чтобы выпила она его. Выпила порошок Елисавета и встала на колени перед лампадкой, открыла Псалтирь, данный ей Иосафатом и стала читать:

– На тебя, Господи, уповаю; да не постыжусь вовек. По правде твоей избавь меня и освободи меня; приклони ухо твое ко мне, и спаси меня...

И по мере того, как говорила она, какая-то жаркая волна захлестывала ее, затуманивала ее очи, помрачала ее сознание... И вот она стала легкая, как душа ребенка невинного. И стало ей самой легко. Вдруг сильные руки обхватили ее и повлекли ввысь, рассекая облака, оставляя все земное далеко-далеко внизу. Впереди было

только звездное небо и тьма, тьма, тьма... И услышала она позади себя дыхание и почувствовала, как кто-то крепко-крепко прижал ее к себе.

– Это Господь! Это Господь! – пронеслось у нее в затуманенном подсознании. Она попыталась оглянуться, но это ей не удалось... И она продолжала нестись дальше и дальше ввысь...

Когда Елисавета очнулась от своего забытья, она была в келье одна. Но буквально через мгновение открылась дверь, и вошел Иосафат.

– Ну, дочь моя, было ли тебе видение? Господь должен был снять с тебя проклятие неплодия.

– Да, было видение... Было, как наяву. Отец мой, я даже почувствовала то, что никогда не чувствовала со своим мужем: будто огненный столб пронзил мои чресла. Это, конечно, был восторг избавления меня от моего порока неплодия... Это было так замечательно! Да будет счастлива всякая жена так, как я, познавшая благодать Господа!

– Иди с Богом, дочь моя! Скажи своему супругу, благочестивому Захарии, чтобы и он явился ко мне. Пусть и он прочитает тот же Псалом, чтобы Господь простер десницу Свою и на него. Будет милость Божья, будете вы иметь сына!

Примчалась домой Елисавета и рассказала о видении своем мужу своему. Задумался Захария:

– Чем черт не шутит... Свят-свят-свят! Прости, Господи, за слова вырвавшиеся неволью!

И пошел он тут же к Иосафату, и отвел его Иосафат в келью, и дал ему порошка молебственного, и уселся Захария за Псалом Семидесятый, и... И раздался звук трубный, и запели ангелы тоненькими голосами. И вот явился ему Ангел Господень Гавриил и изрек:

– Услышана молитва твоя и жены твоей; родит тебе Елисавета сына, и наречешь ты ему имя... как его там?.. Ах, да – Иоанн. И будет он велик перед Господом!

Пришел Захария домой счастливый. Прогнал прочь служанку, которая уже опять стелила постель для господина своего, предвкушая ночное с ним пиршество. И пал Захария в ноги жены своей и в слезах рассказал ей все о благой вести. И взошли они на ло-

же брачное. И, закрыв глаза, представил Захария, что с ним служанка его, и вышло у него то, что не выходило ранее с женою Елисаветой. Но была холодна к нему жена его, которую не покидали сладостные воспоминания о том пронзившем ее огненном столбе во время свидания с Богом...

И зачала Елисавета в тот же день... Потом пройдут положенные девять месяцев, и разрешится Елисавета тем самым Иоанном-Крестителем, называемым также Предтечей, который будет впоследствии крестить Иисуса. Но об этом в свое время...

ДЕВА МАРИЯ

Темноволосая, с удивительными для жгучей брюнетки ясными лазоревыми очами, Мария была той девушкой, на которой, как говорится, глаз отдыхал. От нее веяло такой чистотой, таким теплом, что ни одно мужское сердце не могло остаться равнодушным к ней. Юноши, да и более взрослые мужчины вились вокруг нее, как пчелы вокруг ароматного цветка, полного жизненным нектаром. Многие сватались к ней, и ее родители уже были готовы отдать свою дочь за более или менее достойного жениха. О каком-то особом выборе речь не шла: приданого за Марией практически не было, так как семья ее была бедна.

Мария и в свои неполные семнадцать лет знала свою женскую силу, но вела себя безукоризненно и никому не давала даже повода для каких-либо дурных мыслей. Были у нее и многочисленные друзья, но со всеми она держала приличествующую дистанцию. О браке она не задумывалась особо, считая, что ее брак - это дело родительское, это отец с матерью должны определить ее судьбу. Она же, как и приличествует девушке из достойной еврейской семьи, примет их решение с благоговением. Однако, будучи девушкой с сильным характером, она умело руководила и своими родителями. Она просила их не торопиться с ее замужеством - ведь только в юности женщине и можно потешиться какой-никакой свободой, а там... Родители души в Марии не чаяли, поскольку была она у них единственным ребенком, а потому ни за что бы ни поступили против воли своей обожаемой

дочери.

Тихая, скромная, вечно потупившая свой взор, Мария считалась красою всего Назарета, этого большого поселения Галилейского. Тихая-то тихая, да в тихом омуте черти водятся... Однажды ей приглянулся молодой римский легионер, квартировавший со своей боевой когортой в Назарете.

Молодой римлянин был высок, строен, белокур и тоже голубоглаз, как и Мария. Словом, пара эта восхищала всех: скромная еврейская красавица и красивый, как молодой бог, римский солдат. Дружить им никто не мешал, но всем, включая Марино и ее друга, было ясно, что браку их никогда не суждено свершиться: не мог солдат римской армии взять себе в жену девушку из народа той страны, за порядком в которой он следил.

Как известно, мужчины считают, что они выбирают женщину. На самом же деле, именно женщина выбирает того мужчину, который ей желанен, а уж потом лишь позволяет избраннику добиться ее благосклонности. И чем больше мужчина уверен, что именно он завоевал сердце той, которая ему нужна больше жизни, тем приятнее женщине чувствовать свою силу над ним.

Так же было и на этот раз. Молодой легионер, имя которому было Юлиан, влюбился по уши в молодую галилеянку, а она, намеренно игнорируя его сначала, не обращая внимания на его ухаживания, потом – как бы нехотя – соблаговолила отвечать ему то улыбкой, то добрым взглядом на проявления его настойчивости.

Если бы Юлиан только догадывался о том, что творилось в сердце Марии! Как она не находила себе места, если Юлиана вдруг по какой-то причине не выпускали вечером из казармы! Как она кусала губы в кровь, когда видела его с другой! Тогда она, руководимая каким-то женским чутьем, становилась еще более недоступной, но в то же время как бы оставляла ему больше возможностей для победы, делая себя еще более желанной для Юлиана.

И вот эта игра в кошки-мышки завершилась полной победой мышки. Женское сердце оказалось сильнее мужского ума. Может, веди себя Мария по-другому, она и не была бы для Юлиана столь желанна, кто знает? Ведь пойманная добыча убивает охотничий азарт! Может, в этом и есть та чарующе-волшебная сила женской интуиции и женского очарования?

Собственно говоря, отношения их были чисты и целомудренны, не подумайте ничего плохого. Мария с подругами и несколько молодых римлян прохаживались по улицам, заходили на местный базар, где можно было купить за дешево прекрасные фрукты или в жару выпить холодного кислого козьего молока. Иногда они садились на ствол поваленного бурей дерева на одной из тихих улочек и потихоньку вместе напевали мелодичные и грустные еврейские песни.

Как только последний луч солнца растворялся в небе, и начинало быстро темнеть, все девушки моментально расходились по домам: нравы были строги в то время. Но и эти встречи Марии и Юлиана бывали в основном только по субботам, когда работать было грехом по законам Моисеевым. Остальные дни Мария проводила с утра до ночи в делах праведных, помогая отцу с матерью по хозяйству.

Говорят, в старости время летит очень быстро, потому что его мало осталось. Это и так, и не так. В юности вся жизнь еще впереди, но и в юности время бежит неумолимо быстро. Настал срок смены легионеров, охранявших эту римскую провинцию. Ожидалась смена из Рима. Нельзя сказать, чтобы этому были рады сами солдаты или жители Иудеи: они привыкли друг к другу и даже сдружились. Именно поэтому-то и был введен порядок смены легионеров: нельзя, чтобы войска империи сближались с местным населением подвластных колоний, поскольку это ослабляет империю, делает невозможным бороться с бунтами и самовластием завоеванных провинций.

И вот накануне отбытия Юлиана, вечером, Мария дождалась, когда уставшие за длинный весенний рабочий день родители сомкнут свои очи и погрузятся в праведный сон тружеников, а сама тайком вышла попрощаться со своим возлюбленным.

На небе уже проступили первые звезды, которые становились все ярче и ярче на догорающем небе. Пахло свежими зелеными побегами и уже лопнувшими почками проснувшихся деревьев, воздух был наполнен стрекотанием кузнечиков, звоном цикад и другими звуками молодой жизни. Был уже конец марта — первого месяца весны.

Юлиан ждал Марию около ее дома, вставши под всепоглощающую тень большого тутового дерева: очень быстро, как все-

гда это бывает на Юге, наступила тьма тьмуцая – хоть глаз выколи. Луны на небе не было, а от звезд струился свет такой нежный и спокойный, что он почти не отражался от глинобитных стен.

Мария шёпотом окликнула Юлиана, он так же тихо откликнулся. Она подошла к нему и, взяв за руку, повела за дом, где можно было сесть на низенький, состоящий из тонких стволов заборчик, который отгораживал хлев от двора. Они сели молча на бревнышки. Мария не смогла сдержать слез. Юлиан начал ее успокаивать, тихонечко взяв за плечи. Она уткнулась мокрым от слез лицом в его рубаху. Их руки встретились... Мария подняла лицо навстречу мерцающим звездам, ее губы призывно полуоткрылись, глаза, застланные слезами, невольно сомкнулись... Она почувствовала жаркий поцелуй своего возлюбленного, его сильные руки. Стук его сердца, как колокол, отдавался в ее груди... Потом все поплыло, закружилось, завертелось...

Очнулась она на охалке сена, которая лежала рядом с заборчиком. Юлиан жадно целовал ее шею, ее обнаженные груди. Она гладила его шелковистые волосы, а когда он понял, что она очнулась от своего девичьего обморока, то приблизился к ней и стал, как безумный целовать ее лицо...

Потом она встала, стряхнула на ощупь приставшие к юбке соломинки, поправила волосы. Юлиан тоже привел себя в порядок. Мария чувствовала какое-то божественное успокоение, лишь сердце ее все еще учащенно колотилось, да какая-то сладкая теплота разливалась внизу живота. Они, стоя друг против друга, опять обнялись и слились в долгом поцелуе. Мария вновь заплакала... Но это уже были не слезы разлуки, а слезы пусть совсем мимолетного, но все же счастья.

Юлиан, не зная причины ее слез, пытался ее утешить. Но как? Он не мог взять ее с собой – это было невозможно для солдата римской армии. А если бы он даже вернулся обратно в Галилею, отслужив свой срок, то Марию за него не выдали бы ее родители. Они оба понимали безысходность положения.

Мария перестала плакать.

– Я буду любить тебя всю жизнь!.. – шептала, всхлипывая, Мария. – Вся моя жизнь освящена навеки нашей любовью. Если бы не было этой любви, мне незачем было бы и

жить...

– Я тоже тебя никогда не забуду... Ты самая красивая, ты самая лучшая. Ты похожа на римскую Богиню Красоты... Нет! Ты красивее ее! Но дело и не в том. Главное, что я тебя люблю больше самой жизни!

Они простояли так до тех пор, пока на светлеющем уже от рождающейся зари небе не начали таять звезды, а в курятнике спросонья лениво не закудахтали куры. Спусти мгновение, где-то вдалеке прокричал первый петух.- Ну, прощай, мой возлюбленный! Прощай, свет моих очей! Вспоминай меня!

– Прощай, моя любимая! Я буду любить тебя вечно... Сердце мое навеки останется с тобой...

Они в последний раз поцеловались долгим-долгим поцелуем, от которого негасимым жаром любви потом весь последующий день горели их губы. Мария потихоньку отворила дверь и шмыгнула в дом. Жизнь кончилась, подумала она.

МАРИЯ-БОГОРОДИЦА

Прошло около двух месяцев с того момента, когда Юлиан уехал из страны. Мария сильно изменилась. Ее не радовали вечерние посиделки с подругами, взгляд ее погрузнел, даже походка как-то изменилась – будто она смертельно от чего-то устала. Грусти ее не было предела.

Вдруг однажды она почувствовала себя дурно: ее подташнивало, суставы начали ныть, как перед плохой погодой. В довершение всего во рту появился привкус, будто она только что облизала медную ложку, вынутую из рыбного супа. И тут Мария вдруг вспомнила - как яркая вспышка всполохнулась ее мозгу - ведь это же, как говорила знакомая повивальная бабка, признак того, что она понесла...

Первое чувство, которое возникло – это был страх, страх почти животный: ведь блудниц забивали камнями на улице, наглумившись сначала над ними вдосталь. Нет предела человеческой жестокости! Ведь нет безгрешных, есть только те, кто скрывают свой грех. Но именно поэтому так ожесточенно люди до

смерти забивают тех, чей грех стал из тайного явным.

"Неужели такая же участь ждет и меня? – Думала Мария. – Разве это такой грех – иметь во чреве от любимого человека? Разве не больший грех рожать детей от нелюбимого, постылого мужа?"

Надо было что-то придумать, что-то делать. Отчаяние – плохой советчик в трудной ситуации... Может, выйти замуж? Ну, родится ребеночек прежде срока, но ведь в этом ничего диковинного нет! Правда, недоношенные рождаются обычно хиленькими и маленькими, но ведь это же только правило! А ведь коли есть правило, то должны быть и исключения. Но нет, дело серьезное, его так с бухты-барухты не решишь. Надо бы найти кого-то, кто помог бы с мудрым советом.

И тут вспомнила Мария, что родственница ее, Елисавета, жена Захарии, которую все считали неплодной, зачала в старости своей, и сейчас находилась уже на шестом месяце. Якобы спустилось на нее и на мужа ее, Захария, благодать Божья и зачали они после почти тридцати лет бесплодного брака. Бывают же чудеса! Может, Елисавета, пришедшаяся Марии двоюродной теткой, и поможет хотя бы советом? Но как открыться? Что сказать? С чего начать? Эх, надо ехать, а там – куда кривая вывезет – либо Сатана подскажет, либо Бог надоумит!

Отпросилась Мария у родителей навестить отцову двоюродную сестру Елисавету в большом Иудином городе – Иерусалиме. Хотели родители ее отговорить: трудный, мол, и долгий путь. Но Марию трудно свернуть, если ей что в голову втемяшится. Пристроил тогда отец дочку свою к каравану знакомого купца, отправлявшегося на Юг – все-таки под присмотром.

Действительно, длинный был путь: два долгих дня шли груженные ослы и верблюды по пустыне да по горным тропкам. Купец, очарованный красотой Марии, позволил ей ехать на своем осле. Когда же он ее подсаживал однажды после остановки, взявши ее как бы ненароком за грудь, она обожгла его таким взглядом, что у того отпала всякая охота к дальнейшим поползновениям: даже на ночлег положил ее в шатре, разбитом для него самого, а сам с двумя погонщиками устроился спать у костра.

Прибыла, наконец, Мария в Иерусалим, город Иудин. Быстро отыскала она дом своей тетушки по понятному описанию,

которое составил для нее отец. Войдя в дом, она увидела свою двоюродную тетю, сидящую на подушке на полу перед очагом. Лисавету Мария помнила смутно: когда-то, когда она была совсем еще маленькой, тетя Лиса, как ее звали в семье, со своим мужем Захарием навещала их после поездки в Капернаум.

Когда Мария подошла к Лисавете и назвалась, та обрадованно улыбнулась:

– Мария, как ты повзрослела! Я же не видела тебя лет шесть или семь, наверное?

Она хотела было встать, но не смогла поднять свое обремененное ребенком тело. За эту неуклюжую попытку она получила толчок ножкой от утробного дитяти – будь, мол, поосторожнее в движениях!

– Мой-то брыкается! Чуть что не по его – дает о себе знать! Наверняка мальчик!

И стала рассказывать Елисавета, как было ей видение небесное, как Господь снял с нее проклятие неплодия, как пронзил ее раскаленный столб, и что она испытала. Мария сразу же вспомнила то волшебное ощущение, которое она испытала, когда была та единственная и неповторимая ночь прощания с Юлианом. Она поразилась тому, насколько ее ощущения совпадали с тем, что описывала сейчас Елисавета.

– А уж не от Бога ли ты зачала, тетя Лиса? – то ли шутя, то ли всерьез сказала Мария.

– Господь с тобой, Мара! Хотя... Нет, нет! Бог только разрешил мне зачать от Захария... Но этот обжигающий столб...

Тут Елисавета почему-то зарделась, отвела глаза, будто вспомнила о чем-то таком, о чем нельзя сказать даже очень близкому человеку. До нее дошло, что с ней произошло! Ведь и Захария рассказывал ей, что он был почти в беспамятстве, когда с ним говорил Архангел Гавриил... Значит, Отец Иосафат – отец?!

Но на счастье Елисаветы, Мария не заметила ее смущения, так как сама в это время залилась горячими слезами.

– Ах, тетя Лиса! Мне страшно! Что со мной будет?

– В чем дело, моя милая?

– Я беременна...

Тетушка стала ее успокаивать, но еще горше плакала Мария. Елисавета не нашла ничего лучше, как спросить:

– Ну, а кто же отец ребенка, можешь ли мне открыть? Могла я его видеть?

– Нет, я не могу назвать имени отца ребенка. И увидеть его ты не могла и не можешь...

– Ты что, не знаешь, как его зовут?

– Знаю, но не могу произнести его имени...

– Но ведь только Божье имя нельзя произносить!

Тут яркий всполох озарил мозг Марии: Да! Да! Это Божий сын! Какая замечательная мысль!

Набожная же Елисавета, которой та же мысль пришла одновременно, сразу же запричитала:

– Боже мой, Боже праведный! Да святится имя Твое! Вот почему мой сын во чреве так взбрыкнул ножоночками своими! Почуял, почуял сына Божьего!

Мария сквозь слезы улыбнулась Елисавете. Ее распирало от счастья: решение найдено! Конечно, у нее во чреве сын Божий! А собственно, разве не был Юлиан для нее истинным молодым богом? Да, да, да!

*****

Прогостила Мария у Елисаветы почти три месяца.

Елисавета рассказала о тайне Марии Захарии, но взяла с него обет молчания. Какая же женщина утерпит и не расскажет о чужой тайне? Конечно, под большим секретом, конечно, под честное слово, что никому и никогда...

Обратный путь Мария проделала с караваном того же знакомого купца, который возвращался обратно в Назарет из дальнего странствия.

Вскоре после отъезда Марии, настало время Елисавете родить сына. На восьмой день после рождения его, по иудейскому обычаю, пришли они к раввину Иосафату, чтобы сделать своему сыну обрезание и дать ему имя. Родственники советовали назвать ребенка по отцу, Захарией, на что Елисавета дала решительный отказ. Они с Захарией дали сыну имя – Иоанн. Разве можно ослушаться гласа небесного?

МАРИЯ-ЖЕНА

Шел уже шестой месяц, как Мария носила во чреве. Одевшись надлежащим образом, она еще могла водить окружающих за нос, скрывая беременность. Но надо было срочно реализовать свой гениальный план.

Мария знала, что у ее матери и отца составлен целый список претендентов на ее руку и сердце. Среди многих соискателей сердца и руки Марии, выбор ее остановился на Иосифе, который был известным мастером столярного и плотницкого дела. Был он, правда, почти в два раза старше нее, не так богат, как хотелось бы ее родителям, но зато был спокойным и рассудительным человеком, жил скромно, но в достатке.

Он так долго не женился, потому что лет пятнадцать тому назад его сосватанная уже невеста вдруг покончила с собой. Он горевал безутешно, не понимая, что могло толкнуть девушку в петлю. Злые языки нашептывали, что невеста была беременна от кого-то другого и боялась позора и побоев камнями, когда ее грех откроется. Иосиф посылал голову пеплом, раскачиваясь, читал какие-то молитвы и, всхлипывая, говорил, что он бы любил свою нареченную независимо от того, чей ребенок был в ее чреве. После этого от него отшатнулись даже друзья: как же так? разве можно простить такое? К тому же самоубийство – это такой грех, что и оплакивание самоубийцы греховно!

Но время лечит все, хотя и не всегда бесследно – и на душе, как на теле, остаются неизгладимые рубцы от пережитого. Настала пора Иосифу подумать о женитьбе. Почему он решил свататься за Марию? Да просто он видел, что эта девушка – скромная, аккуратная, трудолюбивая. Красоты ее он и не замечал, поскольку все время преследовал его немеркнувший образ его первой невесты.

И вот Мария остановила свой выбор на Иосифе, историю которого она знала. Она надеялась, что он – даже если и догадается о правде – будет милосердным к ней. Ведь был же он уже однажды милосерден к женщине, которую любил? Ей удалось легко убедить родителей в том, что Иосиф – лучший выбор, хотя им самим ее выбор был не совсем по душе. Однако Мария привела не-

отразимый аргумент: ведь известно, что Иосиф – из колена Давида, а это такая честь породниться со столь знатным и почти святым родом!

*****

Сочетался Иосиф с Марией у главного Назаретского раввина. Сыграли скромную свадьбу в узком семейном кругу, даже не всех родственников позвали. В первую же брачную ночь Иосиф обнаружил, что молодая жена его в пикантном положении. Он был в недоумении: зачем она его обманула? Иосиф сказал Марии, что готов ее тайно отпустить, не оглашая ничего и никому, даже ее родителям, если есть ей куда пойти. Мария разрыдалась, и тут произошел разговор, точь-в-точь напоминавший разговор Марии с Лисаветой. Иосиф спросил, кто же отец ребенка, на что Мария ответила, что не может назвать его имени. На это Иосиф заметил, что только имя Господа нельзя произносить. Мария, про себя обрадовавшаяся тому, что Иосиф сам подсказывает себе такую идею, ответила ему:

– Я не могу сказать... Я не могу назвать тебе имени... Ты должен услышать это от того, кому ты веришь. Подожди, не подгоняй коней, тебе все скоро станет ясно.

Иосиф помолчал, потом поцеловал Марию в лоб, как отцы целуют своих дочерей, и сказал:

– Спи, бедняжка... Да поможет тебе Бог!

Он повернулся к стенке, и вскоре его ровное дыхание перешло в легкое посапывание – так посапывают во сне только праведники и дети. У Марии созрел дерзкий план, но что делать: либо пан, либо пропал! Она решила нашептать на ухо спящему Иосифу, что она, Мария, носит во чреве своем сына от самого Бога. Не дай Бог, Иосиф проснется от ее голоса, тогда обман ее откроется. Но в то же время, он может так крепко спать, что даже если и увидит сон, то утром ничего и не вспомнит... Одна надежда на то, что увидев сон, наваянный ее словами, он проснется, и сон тот запечатлится в его памяти. Ну, была ни была! И Мария сначала зашептала низким, измененным голосом:

– О Иосиф, сын Давидов! Я, Ангел Господень, явился тебе, чтобы сказать: Не бойся принять Марию, жену твою, ибо зачатый ею есть сын Божий. Наречешь сына Иисусом... – и после неболь-

шой паузы опять: – О, Иосиф, сын Давидов! Я, Ангел Господень...

И она опять и опять повторяла то же самое, переходя с шепота на нормальный голос. Наконец она заметила, что Иосиф вот-вот проснется, он уже начал беспокойно метаться по подушке и что-то невразумительное мычать. Не теряя больше времени, Мария растолкала его и спросила, как бы в испуге:

– Муж мой, что с тобой? Ты метался во сне, будто тебе приснилось что-то чудное. Скажи, что это было?

– Было мне видение, Мария... Архангел Гавриил... Трубный глас спустился ко мне с небес и изрек, что носишь ты во чреве своем сына Божьего... Я явственно слышал его голос... Теперь я понимаю, почему ты не произнесла имени отца ребенка! Будь благословенна, жена моя и мать сына Божьего!

Мария, подавив в себе волну нахлынувшей радости, поцеловала Иосифа в лоб, совсем так же, как он поцеловал ее давеча, и сказала:

– Теперь ты все знаешь не от меня. Да простит Бог сомнения твои. А теперь давай спать.

Иосиф, весь светящийся от радости, тоже поцеловал Марию и заснул опять сном праведника. Мария же еще долго не могла заснуть, лежа неподвижно и глядя в потолок. Она была так благодарна этому доброму и наивному старику, годившемуся ей в отцы. Она радовалась за свою жизнь и за жизнь своего будущего ребенка. Оставалась только одна забота: нужно, чтобы родился мальчик! Ну, а родится девочка... Будем решать проблемы по мере их возникновения! Думать все время про завтра – значит, не жить сегодня.

РОЖДЕНИЕ ИИСУСА

В начале декабря по всей земле Палестинской пронеслась весть о том, что кесарь Римский – Август повелевает сделать перепись народонаселения по всем Римским провинциям. И приказано было каждому жителю придти в тот город, где он был рожден, и записаться там в список у представителя Римской администрации.

Иосиф, взяв с собой жену, направился из Галилеи, из горо-

да Назарета, где они жили с Марией, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что сам он был из дома и рода Давидова. Мария была уже на сносях, ходить на такие огромные расстояния ей было уже не то, чтобы трудно, а просто невозможно. Поэтому посадил ее Иосиф на осла, и побрели они опять по той же дороге, по которой почти полгода назад Мария ехала к тетке своей, Лисавете. Благо, что дни стояли нежаркие, наступила зима, и в горах по ночам было даже несколько прохладно. Иосиф укутал Марию теплыми одеялами, опасаясь за здоровье ее и будущего младенца.

После почти трех дней изнурительной езды по диким горным тропинкам, Иосиф и Мария поздно вечером прибыли к месту своего назначения – захудалый провинциальный городишко Вифлеем, который скорее напоминал большое село, нежели город. Искать родственников Иосифа не было ни времени, ни сил. Да к тому же, вряд ли знатные горожане из рода Давидова были бы рады видеть своего неудачливого родственника. Поэтому Иосиф с Марией зашли на ночлег на небольшой постоялый двор на самой окраине Вифлеема. Они постучали в дверь, на их стук из столовой залы вышел хозяин постоялого двора, где он трапезничал со своими постояльцами. Оглядев запыленных и измученных пришельцев, он сказал им,ковыряя ногтем в зубах и цыкая, что в его гостинице «местов нету», и что лучше им поискать ночлег в другом месте.

Тяготы ли нелегкой дороги или же просто наступившие сроки, – непонятно, что подействовало больше, – но пришло время Марии рожать. Еще только-только проехав Иерусалим, который лежал на их пути, Мария почувствовала приближающиеся схватки, но каким-то чудом удержалась на последних трех-четырех стадиях дороги. И вот, наконец-то, с трудом слезши с осла и отогревшись в тепле сельской гостиницы, она почувствовала, что момент наступил. Она прошептала об этом Иосифу, и тот, достав из кожаного мешочка, который он носил на поясе, пару серебряных сестерциев протянул их хозяину постоялого двора. Деньги сработали лучше всяких уговоров, и хозяин предложил им провести ночь в хлеву, где есть большая куча сена для скотины.

– Да вы не думайте, что там хуже, чем в номерах. – Сказал

он, проводя их в хлев. – Там в каждой комнате вповалку спят по шесть-семь человек на деревянных лавках. Вам-то даже комфортнее будет спать: лежанка мягче да и теплее – эва, как скотина-то тепла понадышала!

Едва хозяин ушел, Мария со стоном завалилась на сено и тут же разрешилась от бремени. Иосиф, как мог, помогал ей: перевязал новорожденному пуповину, обтер его немногими сохранившимися в относительной чистоте тряпочками, запеленал младенца в заранее припасенную простыночку и остороженько положил в пустые ясли.

Скотина в хлеве взбудоражена была присутствием незнакомцев. Овцы и бараны сбились в кучку в противоположном углу хлева и противно блеяли, нахохлившиеся куры на шесте отряхивались, будто намокшие, и недовольно кудахтали. Одна только корова, меланхолично жуя сено, молча смотрела своими глупыми глазами прямо в люльку на спящее дитя.

Родился младенец позднею ночью в декабрьский день, буквально перед началом нового года: а шел тогда 753 ab urbe condita, то есть 753 год с основания города Рима...

Иосиф и Мария, склонившись над яслями, в которых лежал младенец, разговаривали между собой о том, что раз их мальчик – Божий сын, то и быть ему помазанником Божиим и править всеми еврейскими землями от Иудеи до Галилеи. Вот уж эти гордецы из колена Давидова подергаются тогда, подумал Иосиф, но тут же отогнал эту злорадную мысль, как недостойную праведного человека.

В это время, из трапезной залы вышел по малой нужде один из пастухов, возвращавшихся с пастбища на пересменок. Услышал он странные речи прибывших странников, увидел младенца, почивающего в яслях, и побежал опять к столу, где его собутыльники вели обычный разговор ни о чем, как это всегда ведется у полупьяного мужичья.

Прибежавший со двора пастух громко, но каким-то полупшепотом, сказал, вытаращив глаза:

– Мужики!.. Там, ета, как ево... Помните мужик-то приехал с бабой-то брюхатой давеча? Так она, ета, таво, разродилась в хлеву. И гуторят мужик-то с бабою своей о

том, что мол, сын у них от Бога!

– Да иди ты! Пил бы поменьше! Ясное дело, все дети – от Бога! От кого же еще? – сказал кто-то насмешливо.

– Не-е-а, правда! Они там все про род Давидов талдычат, жена мужа своего называет "сыном Давидовым"...

– А што, можа, и правда... - откликнулся другой. – Ведь идет же молва, что скоро народится новый пророк Божий, покрепче прочих. Он, гряд, уже и супостатов римлянских накажет, да и Аароновых приблютков в узде содержать будет.

– Ну, да! Ведь не зря же уж второй день висит над Вифлеемом звезда хвостатая. Не иначе, как Божье знамение!

– А и впрямь, ждем не дождемся Мессию. Хоть бы уж скорее. Совсем жисти нетути. Как говорят, ни тпру, ни ну...

– А вдруг и взавравашний сын Божий во хлеве? Ай, нам бы не сплоснать! Надо бы младенца-то умаслить!

– А что как он вовсе и не Божий сын?

– А у тебя что, убудет что ли, дурень, если подарочек сделаешь? Если зря, так потеряешь немного, а если не зря – о-го-го!

– И то верно, – добавил кто-то, – убытка на два асса, а прибытку может быть на шекель серебра!

– Ладно, пойдем, поприветствуем родителей да подарочки какие никакие сделаем мальцу новорожденному. Ясное дело, что ничего не прогадаем...

И пошли пастухи во двор, и постучали в ворота хлева. Отворил им Иосиф, видит быдло какое-то полупьяное, стоят, с ноги на ногу переминаются. Тут один из них – тот, что во дворе мочился – и говорит:

– Примите дары наши скромные для сыночка вашего. Поздравляем с новорожденным! Дай Бог здоровьица сыну Божию да и Вам также.

И тут стали все класть на полочку около яслей, кто чем был богат: кто свиристелку, кто горсть фиг сушеных, кто кус брынзы овечьей... Изумился Иосиф: знать и этим людям Ангел Небесный вещал о сыне Божьем! Окончательно уверовал он в великое предназначение сына Марии. И вспомнил, что говорил ему самому Ангел Небесный: Прими сына Божьего, да снизойдет на тебя тогда

цев мужеского пола младше двух лет... Как сказано было: «убивать всех отроков, не мочащихся к стене».

И вернулся Иосиф со своим семейством в землю Израилеву только после смерти Ирода Великого, когда на троне царском в Иудее уже воцарился царь Архелай.

Вот такой долгий был путь святого семейства из Вифлесема в Назарет! И невдомек было Иосифу, почему же всемогущий Боже не смог спасти сына своего более простым способом, например, убив Ирода. Ведь нагнал же он когда-то на целый Египет мор и мух песьих?

Ведь помог же он когда-то народу своему перейти Черемное море, расступившееся перед евреями? Ведь угошил же он многочисленное египетское воинство, когда воды того же моря вновь сомкнулись за благополучно прошедшими по его дну евреями? Ведь вывел же он толпу одичавших от сорокалетнего странствия людей в Палестину? Ведь все может Всевышний, ежели только захочет! Вот захочет ли...

Иосифу это было невдомек, а бывшая Дева Мария знала все, а потому была рада, что не проснулась в Иосифе гордыня, и не стал он надеяться на то, что Бог всяко спасет сына своего. Она-то понимала глубину поговорки: "На бога надейся, но сам не плошай!"

ДЕТСТВО ИИСУСА

Мария не могла нарадоваться на сына. Был он весь в своего отца Юлиана – такой же кудрявый, светловолосый, с невинными голубыми глазами. И нос у него был прямой, продолговатый, без обычной иудейской горбинки. Мария часто радовалась, что Юлиан вовремя исчез из Назарета, ибо сходство Иисуса с ним было столь разительным, что каждый мог бы построить на этом любую фантазию, включая и ту, которая бы совпала с действительностью. Ведь не зря же злые языки придумали поговорку: «Не в мать, ни в отца, а в проезжего молодца».

Был Иисус, вдобавок, мальчиком смышленным. Шалить не любил, с погодками не знался, а больше читал всякие книги. Научился он читать лет семи от роду, благодаря практически безгра-

мотному отцу своему Иосифу. Тот любил читать и перечитывать тору, водя пальцем по строчкам и бормоча себе под нос. Сначала любознательный малец, подглядывая через его плечо, потом стал садиться рядышком и следить за отцовым пальцем и вслушиваясь в его чтение вслух. Когда мальчик вдруг терял нить, то останавливал отца и просил повторить только что прочитанное. Вскоре Иисус читал уже намного лучше отца.

Иосиф боялся и любил сына. Он боялся его как сына Божьего, потому как не во всем и не всегда был согласен с Господом. Любил же он Иисуса, как родного, как первенца своего, хоть и зачат он был не им, а Святым Духом.

Да и то правда: тот ли отец, который родил ребенка, или же тот, который с ним нянчился, играл, учил его нехитрым житейским правилам, сидел у его колыбельки во время болезни? Особенно часто вспоминал Иосиф, как едва не погубили они с Марией своего первенца, когда бежали в Египет от Ирода Великого.

Мария, держа запеленатого сына, ехала на осле, которого Иосиф вел за уздечку. Шли они, в основном, вечерами и по ночам, когда не палило немилосердное солнце. Днем же отсыпались под развесистыми ветвями случайно попавшей одинокой чинары или же где-нибудь на дне балки в тени густого кустарника.

И вот однажды, когда Мария, только что покормив сына грудью, положила его на травку под кустом каких-то диких ягод, а сама стояла рядом с Иосифом, отвернувшись от младенца и вытирая свои сосцы, Иосиф заметил, как с кустов свесилась змея и потянулась к личику малыша. Он замер, боясь пошелохнуться, ибо знал, что напуганная змея может сделать любое непредсказуемое действие. Вдруг Мария повернулась, увидела страшную картину, и ужас отразился на ее лице. Она уже собралась закричать и броситься защищать сына – плоть от плоти и кровь от крови ее. Но Иосиф молниеносно схватил ее, зажав ей рот, и они оба застыли.

Змея, тем временем, зловеще высовывая свой раздвоенный язычок, будто обнюхивала младенца, который не шевелился, ибо был туго спеленат и тихонько посапывал. Змея слизнула несколько капелек молока с губ младенца, убедилась, что больше поживиться нечем, и благополучно исчезла в тех же кустах.

Мария потеряла сознание и обмякла в руках Иосифа. От переживаний у нее пропало молоко. Младенец без материнского мо-

лока начал буквально на глазах сохнуть... Сначала он плакал от голода, но через два дня совсем притих. Иосиф и Мария почти бегом бежали вперед. Куда? Они не понимали, куда. Просто движение было лучше, чем пассивные мучения от безысходности. Но тут вдруг – о радость! – они увидели на горизонте какое-то селение, потом услышали блеяние овец и мычание коров... Они и сын их были спасены!

Потратив несколько серебряных монет, Иосиф купил молока Иисусу и немного еды для себя и Марии. С густого козьего молока Иисус крепчал час от часу. Правда, его мучил животик, и Мария постоянно нежными круговыми движениями поглаживала его тельце.

Они были спасены вдвойне: они не только спасли сына от голодной смерти, но и сами были спасены – земля, в которую они пришли, была Египтом.

Пожалуй, это был самый страшный случай в их жизни...

*****

Мария проводила все свое свободное время с сыном. Она исподволь внушала ему мысль о его высоком предназначении. Она часто называла его «мой сын Божий». Когда мальчик спрашивал, почему она его так называет, Мария отвечала ему, что она зачала его от Бога. Иисус этого долго не понимал, спрашивая: «А кто же тогда мой папа? Значит Иосиф мне не родной отец? А кто такой Бог? Почему он никогда не навещает меня, если он мой отец?»

Мария ответить на все эти вопросы не могла. Она только повторяла одно и то же: «ты – сын Божий». Вскоре Иисус к этому привык и перестал задавать вопросы. Ну, и правда, что толку спрашивать: а почему солнце светит? а почему в небе звезды? а почему вода жидкая? Что на это могут ответить? Только - «потому, что»!

Он не стал задавать этих же вопросов отцу своему, Иосифу, боясь, что они могут ранить его душу. Но у Иисуса складывалось впечатление, что и отец его знает что-то о его, Иисуса, происхождении, чего не может сказать своему сыну.

Отец проводил с сыном долгие беседы, разговаривая с ним, как со взрослым. Он объяснял ему то, что учил уму-разуму

по-своему, в меру своего понимания жизни и ее ценностей:

– Ты вошел в мир, и сейчас, пока ты мал, – ты в мире. Но когда ты вырастешь и станешь мудрым, то тогда мир будет в тебе. И тогда все, что ты будешь делать людям, ты это будешь делать и для себя: сделаешь добро человеку – значит, сделаешь добро и для себя; сделаешь человеку зло – сделаешь зло и для себя.

Ты знаешь, я верую в Бога единого. Все мы – Божьи дети. Может, среди всех его детей есть избранные. Даже не «может быть», а наверняка. Возьми Великих Пророков наших; Авраама и Моисея... У них много мудрости, но, мне кажется, у них иногда не хватает главного – добра, любви к ближнему. Вот возьми законы Моисеевы о нанесении ран: «Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу»... А ведь иногда и простить надобно врага своего, особенно ежели он и не враг вовсе, а причинил тебе ущерб, не желая того, не замышляя зла.

Правда, иногда даже убийство человека может и не быть грехом: разве правильно давать творить преступное зло насильникам, растлителям детей и маниакальным убийцам? Не лучше ли будет для всех убить этих негодяев, чтобы спасти их будущие жертвы?

Но все же не человеку судить другого человека: что правда для одного, то есть неправда для другого. Бог – высший судия, но он не должен предавать слишком много власти одному человеку, будь тот даже святым. Божий разум может быть только в честном народном суде. Хотя, сын мой, что означает «честный»? Что означает «народный»? Кто знает...

Но вот говорят еще: «Не судите, да несудимы будете». А что значит «не судите»? Значит, не различайте белого от черного, добра от зла, любви от ненависти? Это же полное безразличие к окружающим, равнодушие к ближнему. Но истинно сказано, что друг может предать, враг может убить, но и то, и другое может свершиться только с молчаливого согласия равнодушных... так хорошо ли быть этим равнодушным, не имеющим никакого своего суждения?

Много чего еще говорил Иисусу отец его Иосиф, и

слова его падали, как зерна в свежевспаханную борозду.

ОТРОЧЕСТВО ИИСУСА

Иисус рос, укреплялся духом и наполнялся мудростью не по годам. Его беседы с отцом его Иосифом давали ему очень много в понимании сути жизни, основных принципов, движущих людьми. Отец же дал ему и основные исходные правила логики и дидактики. Иисус порой удивлялся, как простой и, по сути дела, необразованный человек может так глубоко и стройно мыслить.

Иисус любил присутствовать при беседах взрослых, хотя обычно молчал и лишь ограничивался уместными вопросами. Он замечал все логические огрехи и искажения правды в словах собеседников, но всегда хранил молчание, памятуя о том, что «яйца курицу не учат». Но когда достиг он двенадцати лет, то и его начали воспринимать всерьез во время различных дискуссий. Помогало в этом не только то, что Иисус был смышленным мальчиком, но и то, что Иисус был в отца, легионера Юлиана – такой же высокий, такой же хорошо сложенный и казавшийся не по годам взрослым.

Однажды, когда Иисусу уже исполнилось двенадцать, его родители, собравшись всей семьей на Пасху отправиться паломниками в Иерусалим. К тому времени родители Иисуса умножили свою семью: Мария принесла Иосифу еще двух мальчиков и четырех девочек. Все они были – вылитый Иосиф: черноглазые, с черными и жесткими вьющимися волосами и с носами с горбинкой. Иисус смотрелся между ними, как лебединый птенец среди утят. Тем не менее, праведный Иосиф не делал различия между родными детьми и пасынком, часто вовсе забывая о его Божественном происхождении. Более того, любил он сына беспредельно.

И вот все семейство Иосифа, погрузив необходимый в походе скарб на ослов, двинулось в путь. Кавалькада состояла из трех ослов, на которых попеременно ехали Мария и младшие дети. Иисус, как старший, шел впереди с отцом и вел с ним разговоры на различные религиозные темы.

По прибытии в Иерусалим, они походили по синагогам, приняли участие в многочисленных службах. Группа паломников

из Назарета была довольно большой, но как всегда это получается, людям проще разъединиться, чем объединиться: они и прибыли поврозь, и собирались покинуть праздник небольшими группками. Однако нужно отдать им должное: держались они более-менее кучно – на расстоянии прямой видимости – из-за того, что на дорогах между Иудой и Галилеей промышляли какие-то головорезы-разбойники, грабившие одиноких странников.

Покинули Иерусалим и Иисусовы родители. Иосиф с Марией усталые и удовлетворенные возвращались домой. Иисуса с ними не было, но они думали, что он присоединился к кому-то из соседей и ждали, что он вот-вот догонит их и присоединится к своей семье. Прошло полдня в дороге. Иисуса все не было. Мария стала волноваться, на что Иосиф заметил, что Иисус почти уже взрослый и к тому же, в крайнем случае, Бог не даст в обиду своего сына. Мария, не разделяя по понятным соображениям оптимизма своего мужа, настояла на том, чтоб повернуть обратно, оставив остальных своих детей на временное попечительство каких-то своих дальних родственников, идущих также в Назарет.

Вернулись Иосиф с Марией в Иерусалим, три дня искали сына по постоянным дворам, базарам, палаточным лагерям паломников, но безуспешно. Уставши от мытарств, Иосиф с женой зашли в Храм помолиться Господу, чтобы он помог им сыскать потерявшегося сына. И тут-то они увидели своего сына, сидящего среди книжников и слушающего их. Книжникам понравился отрок, который проявляет такой интерес к торе и задает непростые вопросы. Мальчик к тому же хорошо знал греческую мифологию и нередко ставил в тупик книжников, проводя параллели между греческими мифами и легендами Ветхого Завета. Правда, последнее приводило их зачастую в раздражение: ведь мы никогда не любим, когда нас выставляют в глупом свете!

Увидев сына, Мария бросилась к нему со словами:

– Чадо! Что ты сделал с нами? Отец твой и я пребывали в большой тревоге за тебя. Мы обыскали все базары и постоянные дворы. Мало ли что может случиться в чужом городе?

– Зачем было вам искать меня? Можно было бы и догадаться, что мне должно быть в том доме, что принадлежит Отцу моему.

И понял Иосиф, что сын его осознал свое предназначение. И возрадовалась душа его за сына.

И поняла Мария, что сын ее, сын Юлиана, взял на себя не свое предназначение. Это, конечно, хорошо – нести свет, нести добро, нести любовь... Но человек неблагодарен и злонамерен: ни одно доброе дело не остается безнаказанным. Что-то будет с моим сыном? И затрепетала душа ее от страха за судьбу сына.

Иисус же встал и без пререканий пошел за своими родителями. Уже на следующий день они нагнали караван, нашли своих детей и все вместе пошли домой, в Назарет. И опять Иосиф шел со своим любимцем, переполненный гордостью за него. И опять обсуждали они притчи Ветхого Завета: отец рассказывал ему, как Авраам приносил в жертву заклания первенца своего и единственного сына – Исаака. И опять в Иосифе подсознательно пробуждались бунтарские чувства, он удивлялся тому, как мог Бог так искушать бедного отца, толкая его на сыноубийство:

– Я бы ни за что не послал тебя на мучения. Ни за какую идею, ни за какую любовь, даже за любовь к Всевышнему! Даже несмышленные птички, даже звери дикие защищают свое гнездо или логово с малыми детьми своими, жертвуя своей жизнью, ибо что может быть дороже жизни детей – нашего продолжения в этом мире после нашей смерти? А тут Бог и толкает отца на детоубийство!

Если бы Бог стал заставляя меня принести тебя в жертву ради него, я бы проклял его, я бы вступил с ним в борьбу, как вступил с ним в борьбу богоборец Иаков. Лучше смерть, чем предательство, тем паче предательство, учиненное собственному сыну.

Промолчал Иисус, поражаясь человечности и логике своего отца Иосифа – простого плотника, простолюдина, который в жизни, может, и не читал ничего, кроме торы. И чего стоят все эти ученые книжники, которые лишь заучили все, но не понимают сути? А Иосиф, тем временем, продолжал:

– А возьми, сынок, притчу про Иова. Говорится же в Ветхом Завете, что был он непорочен, справедлив и богобоязнен, и удался от зла. Было у него семь сыновей и три дочери, и все были

праведны. И ведь пришел к Господу Сатана и каким-то образом заставил Бога начать искушение Иова. И лишил Бог Иова детей, жены, всего его богатства, а потом и на самого Иова наслал в довершение всего проказу. И за что? Что же это за искушение такое? За что казнь такая праведнику? Или Господь слеп и глух, что не видит и не слышит? Или Господь помутился разумом, коли не разумеет, что деяния его богомерзки? Или Господь вовсе не тот, за кого мы его почитаем? Или же Сатана правит Богом? Не могу я найти ответа!..

По мне, так если ты Бог, то знай. Если же не знаешь – веруй! Если Человек верит в Бога, то и Бог должен верить в Человека. Как можно было так бесчеловечно отнестись к праведнику Иову?

А после этого, когда не отрекся Иов от Бога, то тот «восполнил» потери Иова и наградил его: дал ему новую прекрасную жену, родила она ему новых семерых сыновей и трех дочерей, и скота ему дал вдвое по сравнению с тем, что было прежде. Скажешь, милость Божья? А не издевательство ли это над Человеком?

Да убей Бог мою Марию, тебя, твоих братьев и сестер, а потом верни мне все сторицей – новую жену, новых детей... Разве не прокляну я его за то, что лишил он меня моих любимых, а взамен дал новых, которые – как бы хороши они ни были – никогда не смогут мне заменить моей прежней семьи!

Помолчав, Иосиф добавил:

–А вспомни первые Дни Творения... Всего-то в хозяйстве у Господа после изгнания Адама с Евой было четыре человека: они да их сыновья Авель с Каином. И, несмотря на это, Бог вопрошал Каина: «Где Авель, брат твой?» Это он-то, Вездесущий? А убит был Авель не по молчаливому ли согласию Божьему? Ведь «и волос с головы не упадет без воли на то Божьей»!

Такие откровения находили на Иосифа не часто. Он был обычный богобоязненный человек, но с сыном он позволял себе такое иногда. Он подсознательно надеялся, что Сын Божий донесет до Небожителя ту боль и те сомнения, которые носил в своей душе столько лет...

Что возразишь на все это отцу? Промолчал Иисус – его ведь тоже брали сомнения, когда читал он в торе ветхозаветные притчи... И понял Иисус, что вера его в Авраамова и Моисеева Бога

пошатнулась. И осознал он также, насколько свят и чист в своих помыслах его отец – Иосиф. И понял Иисус, что его и Иосифа Бог, – это другой Бог, не жестокий и бесчеловечный Бог Авраама и Моисея. Это, конечно, тот же Бог, поскольку Бог един, но в то же время и другой, совершенно другой Бог. Наверное, думал Иисус, меняются люди, и вместе с ними должен меняться и их Бог. И настало время Богу измениться, стать добрее. И если он, Иисус, действительно, Божий сын, то они с Богом – одно целое, а значит, Бог должен стать другим!

Часть 2: ЮНОСТЬ И МЛАДЫЕ ГОДЫ

ПРОЩАНИЕ С РОДИТЕЛЯМИ

Вот и прошло детство... Иисусу семнадцать лет. Внутренний мир его раздвоился: с одной стороны, он чувствовал каким-то внутренним чутьем свое необычное предназначение – об этом ему неоднократно впрямую говорила его мать, называя его Сыном Божьим; с другой стороны, многочисленные беседы его с Иосифом приводили его в смятение, в сомнение относительно праведности Бога Авраамова и Моисеева. Он опять и опять приходил к мысли, что Бог, как все сущее, не есть нечто навсегда застывшее, а он меняется со временем, меняется вместе с тем, как меняется человек. Ведь если Человек создан по образу и подобию Божьему, то и все изменения, заложенные в Человеке Богом, должны быть присущи и самому Богу? Иначе Человек перерастет Бога!

Но все это требовало спокойных размышлений, лучшего познания окружающего мира. Иисус чувствовал, что Назарет и даже Иерусалим – это весьма ограниченный мирок, хотя иудаизм и провозглашал эту мизерную страну, Палестину, центром вселен-

ной, а евреев избранным народом... Все это не устраивало Иисуса: он понимал, что мир – это нечто огромное, что кичиться избранностью – удел в чем-то слабых и эгоцентричных людей, много мнивших о себе. Ведь Бог создал Человека, а не конкретно еврея. Все ведь от Адама с Евой, от прародителей наших!

Много нерешенных вопросов ставила перед Иисусом жизнь. Ответа не давала ни синагога, ни умные раввины, ни Ветхий Завет... Все это было взаимосвязано, повязано одной и той же логической нитью. Из этого замкнутого круга необходимо было вырваться. И решил Иисус постранствовать по миру, чтобы понять его.

– Отец, – сказал Иисус, – я бы хотел посмотреть мир, узнать, как живут люди и ради чего они живут. Благословишь ли ты меня на это странствие?

– Сын мой возлюбленный! Не тебе у меня спрашивать, а мне у тебя. Что я могу тебе сказать? Делай, как тебе подсказывает твой внутренний голос, – ответил Иосиф.

– Так ты благословляешь меня?

– Конечно, сын мой! Ты прав, выбрав свою стезю. Хорошо, когда дети слушают родителей, но иногда они должны делать то, что им подсказывает их совесть, ум или внутреннее чутье. Иначе, если бы юность не искала своих собственных путей, все бы так и стояло на одном месте! С Богом, сын мой! Да хранит тебя Отец Небесный!

– А куда бы ты посоветовал мне двинуть стопы свои сначала?

– А Небесный Отец не подсказал тебе? – невольно ухмыльнулся Иосиф. – Ну, что же, пойдя для начала в Египет... Это та удивительная страна, которая для евреев всегда одновременно и злая мачеха, и родная мать. – Иосиф помолчал, а потом продолжил. – Обязательно посети Крит и Грецию. Что я тебе могу сказать больше? Я же простой человек, мои родители, хоть и были из знатного рода Давидова, были бедны и не дали мне никакого образования.

– О, отец! Что такое образование? Ты – мудр, ты добр. Что еще надо? А сколько бродит среди нас книжников, которые знают все буквы, но не могут составить из них и единого слова?

Благословил Иосиф сына своего, и тот пошел прощаться с

матерью. Мария в это время доила козу около хлева, сидя на низенькой скамеечке. Сын подошел и сел рядом на землю, сложив ноги калачиком. Взглянув в добрые, усталые глаза матери, он не сразу решился открыть, зачем он пришел, но Мария сама предварила:

– Ну, что сынок, время птенцу выпорхнуть из родительского гнезда?

– Да, мама... Я пришел получить твоё материнское благословение: хочу пойти постранствовать по миру, понять жизнь и найти в ней свое предназначение... С отцом я уже говорил, и он благословил меня.

– Ох, опасное ты затеял дело, сынок! Мир так недобр, так жесток и несправедлив! Но уж раз ты решил, то решил...

– Не бойся, мама! Ведь Господь защитит сына своего, ежели что, не правда ли? К тому же я и сам не из тех, кто легко сдается в трудных ситуациях...

– Конечно, конечно! Ты ведь есмь Сын Божий... Но неисповедимы пути Господни! Ведь Господь любил и Авраама с Иовом, а как испытывал!

– О, мама, уж ежели Господь решит меня как-то испытать, то ему не обязательно ждать, пока я выберусь за околицу дома!

– И то верно, сынок... Но боюсь я за тебя очень. Иди, коли решил. Я буду молиться за тебя Отцу Небесному.

Собрали родители сыну нехитрые пожитки, снабдили его провиантом на первые дни, а там – на Бога надейся да сам не плошай: на что тебе голова да руки дадены! Встал Иисус рано утром на следующий день и пошел на Запад. За его спиной вспыхнули первые лучи солнца, запищали и засвиристели проснувшиеся ранние пичужки, ожила прочая живность, свежий ветер пахнул ему в лицо. Перед ним лежал долгий путь, который не единожды проходили евреи и в ту, и в другую сторону...

В напутствие отец рассказал ему историю, как они все бежали от Иродова избияния младенцев. Объяснил он Иисусу, как побыстрее добраться до Египта:

– А то, не дай Бог, будешь плутать, как праотец наш Моисей, будто тень слепого верблюда по пустыне!..

С этими напутствиями и краткими объяснениями Иисус отправился в дорогу. Да, перед ним лежал долгий путь, длинной, пожалуй, в целую жизнь...

ЕГИПЕТ

Иисус бодро преодолевал трудный переход через пустыню. А путь был воистину нелегкий. Временами по бандитски внезапно налетавший самум закручивался тугой спиралью вокруг его тела, пытаясь сорвать с него одежду. То вдруг ураганный ветер дул в лицо с такой силой, что чуть ли не отбрасывал тело назад, как осенний листок. Мельчайший песок забивался всюду: в уши, в ноздри, залепляла узкую щелочку между веками. В такое время лучше всего было лечь, накрывшись своим одеянием с головой и переждать песчаный ураган.

А когда ветер стихал, и наступало звенящее в ушах затишье, было не лучше: неистовое солнце немилосердно жгло все его тело, глаза слезились от ослепительно яркого света, раскаленный песок обжигал его ноги даже через сандалии...

Но Иисусу даже нравилось все это: он чувствовал радость преодоления враждебных сил природы, будто бы пытавшейся столкнуть его с выбранного пути, чувствовал радость победы над собственными слабостями.

Относительно скоро, менее, чем за два месяца, Иисус достиг берегов Нила. Увидев вдали выросший, будто во сне, город на горизонте, он истинно обрадовался, и у него невольно мелькнула насмешливая мысль:

– Как же должен был плутать Моисей, чтобы вести несчастных евреев через эту пустыню сорок лет! Он что, не знал, что солнце восходит на Востоке, а идти ему надо на Запад? Или он умышленно испытывал людей, чтобы больше обрадовались «Земле Обетованной», куда бы он их не привел? Ведь моряк после длительного блуждания в злобных морских волнах с радостью кричит «Земля!», даже не подозревая, что она может ему принести!

*****

Египет превзошел все ожидания Иисуса. Мало того, что

страна если и не сказать, что очень радушно, то и вовсе не неравнодушно встретила странника: хочешь поработать – пожалуйста! Рабочие руки нужны, особенно при сборе урожая. Сюда всегда стекались на отхожий промысел сезонные работники из соседних царств. Не то, чтобы земли в тех царствах были хуже, не то, чтобы были какие нелады с погодой – вроде все так же, как и в Египте, да что-то не так! Будто руки у правителей тех стран были приставлены не тем концом, или же головы были абсолютно пусты: что бы они ни делали – все не впрок, люди пухли с голода, но бунтовать не решались. А если когда и бунтовали, то лишь ужесточали судьбу свою, ибо и бунтовали они, стоя на коленях...

А уж ежели в Египте появлялся кто-нибудь образованный – и писать, и считать горазд, да и соображаловка работает, – то уж он-то просто процветал в этой стране. До сих пор в народе жила легенда о том, как Иосиф Прекрасный, проданный родными братьями в рабство в Египет начальнику телохранителей фараона Потифару, из простого раба дорос за считанные годы до первого советника фараона. Одним словом, страна равных возможностей для всех, хотя, конечно, своих в той стране, как водится, не забывали: самые высокие посты занимали только коренные египтяне. Тот израильтянин Иосиф Прекрасный был все же исключением из правил.

Так что Иисус с его способностью мыслить быстро и рассудительно, с даром легко все схватывать на лету, с талантом каллиграфа и умением производить в уме безошибочные вычисления, скоро добрался до больших высот в египетской иерархии: он стал управляющим в хозяйстве самого Снофру – одного из богатейших египтян, священнослужителя и родственника последнего фараона.

Снофру был назван в честь одного из фараонов Четвертой Династии, которая правила еще в те достославные времена, когда были воздвигнуты величественные пирамиды – одно из Семи Чудес Света, а также был сотворен сам священный Шесеп-анкса, которого греки называли Сфинксом. Жил Снофру в крупном городе Пер-Бастет, расположенном в устье Нила, где был он главным Хери-хебом – вещим служителем одного из крупнейших египетских храмов.

Снофру владел плодороднейшими землями на Восточном берегу Нила возле самого устья. Конечно, позиции его немного

ослабли, когда римляне завоевали Египет, но богатство – всегда богатство. Какая бы власть не была – Снофру оставался одним из могущественнейших людей Египта.

Иисус много работал, ведя счетные и долговые книги, давая советы по размещению различных сельскохозяйственных культур с учетом местного климата. Все он делал без спешки, даже как-то нарочито медленно, но результаты его работы были всегда быстрыми и весьма успешными. Говорили, что у него настоящий талант управляющего, который одним словом мог достичь большего, чем другой при помощи кнута.

У Снофру была великолепная библиотека, в которой были собраны и древние египетские папирусы, и шумерские глиняные таблички, и греческие манускрипты. Он быстро научил Иисуса новым, неизвестным для него языкам: тот схватывал все буквально на лету. Много времени Снофру проводил в беседах со своим управляющим, погружая его в загадочную историю страны и в тайны происхождения Египетских Богов. Именно такого познания страны и желал Иисус.

Много интересного узнал Иисус из старинных манускриптов, хранившихся в библиотеке Снофру. Много рассказал ему и сам хозяин библиотеки, человек редких знаний и гибкого аналитического ума.

Иисус узнал, что в Египте во все времена более всего почитали двух Богов: Бога Солнца – Ра и Бога Подземного Царства – Озириса.

Когда каждый день Ра уходит на ночь под землю, на него нападает Апифис – гигантская змея, живущая за краем Земли. И каждый раз начинается ожесточенная борьба Добра со Злом, Света с Тьмой. И Добро каждый раз побеждало, и каждое утро Ра опять появлялся из-за горизонта с другой стороны Земли на радость египтянам. И те воздают ему хвалу и, воздев руки к небу, поют свои священные гимны.

Бог Озирис, единственный, кто был равен Ра, женился на сестре своей – Изиде, которая была Богиней плодородия и символом женственности. Она была настолько умна, что про нее говорили, что она «умнее сонма Богов». Голова ее была украшена коровьими рогами, поскольку именно корова священное животное: она кормит человека от люльки до гробовой доски.

Был у Озириса и Изиды брат, которого звали Сет. Был он властолюбивый и злой. Поссорившись как-то с Озирисом, он обратился в бешеного быка и затоптал Озириса насмерть, а останки его своими рогами разбросал на все четыре стороны. Недолго плакала Изида – слезами горю не можешь! Собрала она тайно останки Озириса, по кусочкам слепила снова тело любимого мужа и вдохнула в него жизнь – чего только не сделает сила настоящей любви? Оживив Озириса, зачала она от него. Желая сбегать своего мужа навеки, Изида пригласила Бога Анубиса, покровителя умерших, и тот, используя волшебные мази и колдовские травы, сделал тело Озириса нетленным. Говорят последние слова Озириса, которые он произнес перед переселением в Загробное Царство были таковы: «Жив ли я или мертв - неважно. Я всегда остаюсь Озирисом. И в каждом из вас я рождаюсь вновь, расту в каждом из вас, старею и умираю с тем, чтобы вновь родится в каждой новой жизни».

Покинул Озирис свою возлюбленную жену, когда она еще носила во чреве. Опасаясь за жизнь свою и своего будущего ребенка, убежала Изида из страны, которой начал править деспотичный Сет, добралась до поселения Хеммис, расположенного у болот в дельте Нила, и родила там сына Хоруса. Тайно, вдали от людей, воспитала Изида своего сына.

Однажды, когда Хорус был еще младенцем, вынуждена была Изида отправиться в путь. Для охраны она взяла с собой семь скорпионов, которые защищали ее в дороге от диких зверей. Путь был долгий, и пришлось Изиде искать место для ночлега в одном селении. Постучала она в дверь одного богатого дома, но вышедшая на стук хозяйка даже не пустила ее на порог. Пошла она дальше, пока не встретила старую и бедную вдову, которая с радостью приютила странницу.

Осерчали скорпионы на хозяйку богатого дома. Собрали они свой яд и напоили им одного из них, самого сильного и самого свирепого. Тот, забравшись в дом той богатой женщины, ужалил ее сына, и тот умер.

Когда Изида узнала о мщении скорпионов и о смерти ребенка, она опечалилась, но, как всегда полная решимости, а не пассивного созерцания, тут же пошла в тот богатый дом и воскресила

своими магическими чарами убиенного младенца. Скорпионы недоумевали, почему она пожалела злую хозяйку богатого дома. На это Изиды ответила им:

– Дитя ни в чем не виновато, а потому не должно страдать за грехи своих родителей. Но и мать этого ребенка наказывать так сурово нельзя: тем самым опять же будет наказан невинный младенец. Ведь кто нужен ребенку больше, чем родная мать? Боги должны быть не только справедливы, но и милосердны.

– Моисей учит: око за око, зуб за зуб... – задумался Иисус. – А тут, наоборот, милосердие и прощение. А ведь права Изиды! И почему надо наказывать человека за грех совершенный его предками? А ведь именно это вещает наш Господь: «Накажу до третьего колена за нераскаянный и неисповеданный грех вашего рода». Правильно ли это, справедливо ли это? Наверное, мой отец, Иосиф, был прав: Бог должен меняться вместе с человеком, иначе между старым Богом и новым Человеком образуется непроходимая пропасть...

Когда Хорус вырос, он вернулся на родину, где с помощью своей матери Изиды отнял силой престол у Сета и сам стал правителем Египта. С тех пор каждый египетский фараон назывался «живущий Хорус». Это означало, что фараон богоподобен, что он является тем невидимым мостиком, который соединяет человека с Богом. Остальные же люди – пыль и прах, носимые ветром по пустыне.

Хорус женился на прекрасной Хатор, которая представляла в разных ликах: то женщины, то коровы, то змеи, то львицы, то сикомора – платанового дерева. Это была Богиня Неба, олицетворявшая саму Природу. Кроме того, Хатор чтилась как Богиня красоты, танцев и музыки.

Через много-много лет после правления Хоруса и Хатор, в Египте появилась Первая династия фараонов, которая правила страной двести лет.

Много было Богов в Египте. Кроме Ра и Озириса, был святой бык Апис – Бог Плодородия, и чтимая в Египте священная кошка Бастет – Богиня Радости и Веселья, и священное животное крокодил Себек – Бог Воды, и многие другие.

И была еще златохвостая птица Вени, которую греки-ионийцы называли Фениксом. Каждые полтысячи лет сжигали злые силы эту птицу, но она каждый раз восставала из пепла, будучи еще более прекрасной и могущественной.

По каждому поводу египтяне обзаводились богом. И различных храмов было столько же сколько и богов: у Анубиса был храм в городе Киса, который греки называли Кинополь – Город Собаки; у Хатор – главный храм в городе Дендера; у Аписа был храм Апейон близ Мемфиса, у Себека – храм в Файумском оазисе, что близ Крокодилополя...

– Нет, – подумал Иисус, – многобожие – это неподходящий путь. Это ближе к суевериям, чем к вере. И служить люди должны только Единому Богу, а если какие-то святые и нужны, они должны быть на сто голов ниже, они должны быть несравнимы с Богом.

Конечно же, конечно же, Бог должен быть один! – думал Иисус. – Люди, поклоняющиеся разным Богам, всегда будут разединены. Почему чаще всего воюют страны? Потому что они либо веруют в разных Богов, либо не чтят Бога вовсе.

Но вот на египетский трон взошел фараон Аменхотеп, муж прекраснейшей из прекрасных во все века – божественной Нефертити. Искоренил он всех многочисленных человеко- и звероподобных древних Богов, запретил поклоняться им, а Бога Солнца – Ра возвеличил и повелел почитать за единственного истинного Бога. До него Ра олицетворялся в нескольких образах, но Аменхотеп повелел всюду помещать единственное изображение: Золотой диск с расходящимися лучами. Этот образ Бога Ра назывался Атон. Сам Аменхотеп изменил свое имя на Эхнатон, что означало «Слава Солнцу». В честь Бога Атона он построил прекрасный новый город Эхетатон и перенес туда свою столицу из старинных Фив. И был в этом городе воздвигнут величественный храм Богу Солнца.

Когда умер Эхнатон, новая единобожная религия умерла, из небытия опять восстали многочисленные египетские Боги. Восстали, как златохвостая птица Вени-Феникс из пепла. Трудно одному Богу бороться со многими Богами! Но Бог Атон, покинув непокорных египтян, отошел от Египта и стал искать удобные себе людские души за Черным морем. Сохранилась легенда, что

этот Бог возродился в Иудейской вере в образе Яхве...

Многое узнал Иисус, живя в Египте, о многом стал задумываться. Жизнь мирская его совершенно не интересовала, он был весь в мыслях о Боге. Порой, правда, возникала у него крамольная мысль: а есть ли Бог вообще? Ибо если он есть, то почему творится в мире столько несправедливости и насилия? Почему негодьям и злодеям сходит с рук то зло, которое они творят? И как показывает история с Иовом, Бог и сам не безгрешен и не столь уж справедлив: зачем он подверг жесточайшим испытаниям праведника, поддав под влияние Сатаны, который направил помыслы Божьи... Искушение?! Да ты же, Господи, Всемогущ и Всезнающ – ты же должен был и так знать, что Иов – святой! А вдруг и в Загробной Жизни, если она есть, так же по ошибке душе праведника не отдадут должного, а душу великого грешника по ошибке же облагодетельствуют? Так и будет потом всю оставшуюся вечную жизнь один бесконечно мучиться безвинно, а другой – незаслуженно наслаждаться!

Дела Иисуса процветали, его суверен стал, благодаря умелому управлению Иисуса, еще богаче прежнего. Иисус настолько полюбился Снофру, что тот не скрывал своего намерения отдать за него дочь свою, красавицу Анат. Анат была уже совсем взрослая девушка – ей исполнилось четырнадцать лет. Женившись на Анат, Иисус становился бы прямым наследником Снофру, у которого не было сыновей.

Где-то в глубине души, Иисус поддавался соблазну тихой и спокойной жизни с молодой женой, принадлежащей к такому видному роду. Но он отогнал это искушение: он видел иное свое предназначение. В грандиозные планы Иисуса, которые, нужно признать, еще не были четко определены им самим, не входила перспектива обзавестись семейством и пустить корни в гостеприимной стране.

Иисус понимал, что его отказ от женитьбы будет воспринят Снофру как большая обида, нанесенная ему неблагодарным иноземцем. Когда ему было сделано недвусмысленное предложение его благодетелем принять египетскую религию, поскольку иначе он не может выдать за него свою дочь, Иисус не отказался, но попросил разрешения поехать на неделю в пустыню, чтобы последний раз помолиться своему Богу и покаяться. В этой просьбе ему

отказано не было, и он в сопровождении двух слуг, которые были приставлены к нему Снофру для слежки за ним, отправился на Восток.

Три всадника скакали и скакали на Восток, останавливаясь только в редких оазисах чтобы пополнить запасы воды. Один из тайных стражников Иисуса как-то заметил ему, что они уже в двух днях езды от Пер-Бастета, а Иисус до сих пор еще не выбрал места для моления. Они остановились, наконец, в одном оазисе и приготовились к ночевке: Иисус сказал, что завтра утром он начнет свое последнее покаянное богослужение.

Когда утомленные долгой и тяжелой дорогой, стражники уснули глубоким сном, Иисус потихоньку поднялся, растреножил всех трех коней, оставил спавшим без задних ног египтянам провианта на пару дней, а сам налегке поскакал, прихватив и двух других коней, что было мочи на Восток, подальше от Пер-Бастета. Его расчет был прост: когда стражники очухаются и поймут, что Иисус исчез, им понадобится неделя, не меньше, чтобы спешными добраться до Пер-Бастета. Он был уверен, что Снофру снарядит за ним погоню. Но в это время Иисус будет уже далеко-далеко. Как говорят, ищи следы вчерашнего самума в бескрайней пустыне!

Конечно, он согрешил, украв коней, нарушил Моисееву заповедь: «Не укради». Но ведь и кража краже рознь! Почему бы ни рассматривать этих коней как скромное вознаграждение за труд? К тому же цель у Иисуса была святая, а ради святой цели разве не стоит слегка подправить принципы?

КРИТ

Достигнув первого же портового города, Иисус выгодно продал трех прекрасных арабских скакунов и поспешил найти корабль, отправлявшийся на Крит.

Только когда сел он на корабль, то почувствовал себя в безопасности. Уставший от довольно долгого бегства из Египта, Иисус заснул сном праведника. Наутро он проснулся в благодушном настроении и, помолившись, снял с себя грех кражи: в конце концов,

он оставил у Снофру столько своего добра, что оно сторицей окупит этих скакунов. Это не обман – это просто обмен!

Через несколько дней корабль пришвартовался в порту столицы Крита – славном городе Кноссе, расположенном на северном побережье острова.

Остров оказался чудесным местом – просто земной рай да и только! Погода весь год замечательная, теплое море, безоблачное небо... Только жаркий ветер сирокко иногда приносит тучи мельчайшего песка с юга, из пустынь Египта. Будто злитесь иссушенная африканская земля, что не досталось ей от Господа такой благодати, какая дана Криту.

Неспроста именно Крит стал колыбелью прекрасной эллинской культуры. И в основе этой древней культуры, как и в Египте, была религия. Но эллинская религия была другой, отличающейся от египетской. Видимо, сыграли свою роль и благодатная природа Крита и даже удивительная живописность этого острова: обрывистые скалы у морских берегов, величественные горы в центре острова, плодородная земля, на которой раскинулись оливковые рощи и виноградники. Вся природа прямо-таки призывала людей придумывать красивые мифы-сказки о богах, героях и смертных, которые были равны им.

Иисус понимал, что по-настоящему узнать жизнь людей, их веру и их обычаи можно только растворившись в этом народе, превратившись на время в одного из обычных жителей страны, как это удалось ему в Египте. В Египте он оказался одним из самых умных, а что делать здесь, где все самые умные?

Благодаря своему домашнему воспитанию, Иисус не чурался никакой работы. Он быстро устроился поденщиком собирать оливки. Но и здесь его трудолюбие быстро выделило его среди умных критян, которые – как большинство умных людей – были достаточно ленивы. Его быстро заметил хозяин оливковой плантации, Телемах, и поставил надсмотрщиком над другими поденщиками. Но, как и в Египте, Иисус стал не надсмотрщиком, а фактически управляющим. Он опять деликатными и разумными приказами спокойно и в то же время жестко руководил работниками, не брезгуя иногда показать и на личном примере, как надо работать.

Телемах полюбил приятного в обращении молодого человека, приблизил его к себе, сделав почти членом своей семьи. Ему

очень нравился этот еще совсем молодой светловолосый красавец: умное лицо, выразительные голубые – под цвет лазурного критского моря – глаза, косая сажень в плечах.

Вскоре Телемах познакомил его со своим братом, Филоклетом, который был служителем Храма Зевса, расположенного поблизости от той глубокой пещеры в горах, где по преданию был рожден Зевс-Громовержец. Во время перерывов между сборами урожая, который созревал на острове три раза в год, Иисус стал гостить у Филоклета, читая древние манускрипты и беседуя с ним на религиозные темы.

Критская религия, основа той, которая впоследствии перекинулась и на материковую Грецию с окружающими ее архипелагами, имела так же, как и египетская, множество Богов. Эллинские Боги жили совсем, как люди: любили, мстили друг другу, воевали, боролись за власть.

Начало возникновения мира в греческих мифах до удивления напоминало то, которое описано в торе. Иисус даже подумал, что видимо, действительно, Бог у всех един – и у евреев, и у египтян и у греков. Просто каждый народ добавляет удобных для себя дополнительных Богов и Пророков, чтобы религия наиболее органично сочеталась с народными традициями, с хранимыми и передаваемыми из поколения в поколение, с историей народа, отраженной в его мифах и преданиях старины.

Как видели греки происхождение мира? Да почти так же, как и евреи! Вначале был Хаос. Это было темное ничто, простиравшееся без границ и существовавшее вечно.

Ведь если есть граница мироздания, то возникает вопрос: а что за этой границей? Если за этой границей есть что-то, то и это включается в мироздание. Значит, мир беспределен. Это невозможно представить, но это так!

Если мир существовал не вечно, то что же было до того, как он появился? А если что-то было до начала, то это «то» должно было иметь начало? Начнем считать время от того нового начала... Но что-то было и до этого «начала»! Значит, мир вечен. Это невозможно представить, но это так!

Столь же вечно в этом мире был заключен и источник жизни, который то разгорался, то затухал надолго. И вот в один из мо-

ментов из той самой вечности ниоткуда возникла Гея – Богиня Земли. Но она не могла существовать одна и породила Урана – Бога Неба, который воцарился во всем мире. Взял Уран себе в жены свою мать Гею, и родились у них шесть сынов и шесть дочерей. Разгневавшись однажды на них, Уран заточил их обратно во чрево их матери Геи. Страшно давило это бремя и мучило Гею. Умоляла она своих детей восстать против жестокого отца и свергнуть его. Но только Кронос – Бог Времени пошел на это. И он победил: ведь ничто и никто не может устоять против неударжимого времени!

Стал Кронос править миром. Взял он себе в жены сестру свою, Рею. Всегда помнил он судьбу своего отца, которого сам же он сверг. И начал он тоже бояться собственных детей: когда жена его давала жизнь очередному ребенку, он отбирал его у матери и проглатывал. Когда Рея носила во чреве своем очередного младенца, то по совету матери своей Геи она удалилась на остров Крит и там, в глубокой пещере дала жизнь сыну – Зевсу. Мужу же своему, Кроносу, дала она проглотить продолговатый камень, завернутый в пеленки. Так был спасен Зевс от неминуемой смерти.

Вырос и возмужал Зевс, и начал он, как и его предшественники, борьбу за власть над миром. Долгая и трудная была борьба, поскольку на стороне Кроноса были титаны, которых родила Гея. Но победил, в конце концов, Зевс, а победив, он решил править не один, а с другими богами-олимпийцами, чем и прекратил дальнейшую борьбу за единовластие. Он оставался главным Богом, но каждый из других Богов-олимпийцев получил власть над той или иной сферой земной жизни.

– Опять, как и в Египте, множество Богов, – задумался Иисус, – и они, прямо как люди, борются за власть. И борьба эта жестокая, бескомпромиссная. Сын восстает на отца, брат на брата, и никто не стесняется средствами: борьба шла до уничтожения соперника. Небожители ничем не отличаются от земных людей!

Нет, на Небе должен быть Единый Бог, понял Иисус. – И если я и правда, Сын Божий, то я и мой Небесный Отец должны быть одним целым! Как? А неважно, как! Что это значит? А не нужно об этом думать! Люди должны в это просто поверить – пусть кто-нибудь попробует доказать, что это не так!

Но если Пророк Моисей был силен тем, что общался с Богом, получал от него советы и поддержку и за это был чтим наро-

дом еврейским, то чтобы быть выше Моисея, необходимо быть именно Божьим Сыном. Значит, найден ответ на вопрос: для чего же я предназначен? Нужна новая вера с новым Богом и с представителем его на земле – Сыном Божьим.

И вера эта должна быть не для какого-то одного народа, а для людей, независимо от того, в какой стране они живут, на каком языке говорят. И тогда это будет та вера, которая сплотит людей, сделает их добрее и терпимее.

Поразило Иисуса в греческой мифологии то, что смертные совершенно на равных общались с Богами, спорили с ними, не покорялись им, боролись с ними. А Боги делили сферы влияния, поддерживали каждый своего любимчика.

Ну, например, привлечение молодого пастуха Париса в качестве третейского судьи в споре за Золотое Яблоко, прозванное «Яблоком Раздора».

Значит, допускают греки, что Человек может быть равен Богу? Иисусу было важно это подтверждение, поскольку он понимал, что если он и Божий Сын, то все же хотя бы наполовину он Сын Человеческий: его мать, Мария, была обыкновенной земной женщиной. Мать его всю жизнь внушала, что он Сын Божий... Может, мать его и права, кто знает? Ведь греческие боги выбирали же себе в жен дочерей человеческих?

Не все было ясно Иисусу в его происхождении, но он, запутавшись окончательно, старался об этом думать меньше. Ведь если он Сын Божий, то почему его Отец Небесный ни разу не посетил его? Ведь общался же он через Ангела с праотцем Авраамом? А с Пророком Моисеем и вообще вел длительные беседы...

Но сомнения сомнениями, а в душе Иисуса крепло убеждение, что независимо от того, кем является он, Иисус, людям нужна какая-то новая общечеловеческая религия, выходящая за рамки иудаизма, чисто еврейского учения.

Пробыл Иисус на Крите три года. Когда он собрался покинуть Крит, чтобы поехать в Грецию, Телемах не хотел его отпустить. Очень полюбил он Иисуса, который стал ему ближе родного сына, уговаривал его остаться, судил златые горы. Но Иисус был вежливо непреклонен, сказав, что он выполняет завет своего отца, а это – свято. Ничего не оставалось Телемаху, как только от-

пустить Иисуса. Он щедро вознаградил Иисуса и благословил в путь.

Пришел проводить Иисуса и Филоктет, который дал адрес своего друга, проживавшего в Афинах. Друг его был известный философ и эскулап, который, по мнению, Филоктета, мог быть весьма полезен для Иисуса.

ГРЕЦИЯ

Иисус за время своей работы на Крите скопил достаточно денег, чтобы воспользоваться рекомендацией Филоктета и поучиться медицине у его афинского друга, звали которого Фемистокла.

Найдя по описаниям Филоктета дом Фемистокла, Иисус вошел в него и представился хозяину. Было время трапезы и гостеприимный хозяин пригласил пришельца в дом. Порасспрашивав Иисуса о своем друге Филоктете, он спросил о цели, с которой тот приехал в Грецию. Когда он узнал, что Иисус хотел бы взять у него курс медицины, он даже с удовольствием дал согласие: Фемистоклу сразу понравился скромный и, видимо, умный юноша, и он предложил Иисусу поработать у него помощником.

Каждый день Фемистокл с утра рассказывал Иисусу о болезнях, их симптомах и способах их лечения. После этого они каждый день навещали не меньше двух-трех больных: Фемистокл был широко известен в округе: он славился глубиной знаний и успешностью лечения больных. Он лечил буквально все болезни и недуги, начиная от несварения желудка и простуды до сердечных приступов и головных болей. Сам он принадлежал к знаменитой школе Гиппократов, которая за прошедшие четыре столетия добилась больших успехов во врачевании самых разных человеческих болезней.

Опередив на века своих современников, Гиппократ учил, что человеческий организм представляет собой единое целое, в котором отдельные органы, выполняющие свои определенные функции, взаимозависимы. Если не учитывать этого, то лечя одну болезнь, можно вызвать другую, может быть, и более опасную. Как по этому поводу говорил Фемистокл, «одно лечим, другое – калечим».

Как раз, когда Иисус стал работать у Фемистокла, среди гре-

ческих эскулапов велась бурная дискуссия о том, что правильнее: лечить болезнь или лечить больного? Фемистокл занял свою собственную позицию: лечить нужно болезнь конкретного больного! Он приводил простой и понятный пример: пусть больной болен тяжелой болезнью, наиболее вероятным исходом которой является смерть. Лечение существует, но главным фактором является отношение самого пациента к своей судьбе. Одному больному, который по натуре своей борец, нужно сказать, что болезнь очень тяжелая, но побороть ее можно, и тогда тот внутренне мобилизуется, помогая врачу лечить его. Другому больному, склонному к упадническим настроениям, лучше не говорить о тяжелом характере его болезни, ибо это может буквально убить его. Конечно, во втором случае шансов на успех меньше, но что делать? Как говорят, собачьё счастье в собачьих лапах.

Таким же образом объяснял Фемистокл и идею использования плацебо: больной практически вылечивает сам себя. «Главное – вера, – говорил Фемистокл. – Организм обладает неисчерпаемыми внутренними ресурсами, остается только их мобилизовать. Если больной верит, что он на пути к выздоровлению, то шансы его победить болезнь намного повышаются». Он рассказал, как лечил больных, давая им обычную воду, но убеждая, что это целительная микстура.

Многим больным лучше всего помогает «святая вода». При чем больные верят, что вода, взятая из родника, бьющего около храма Афродиты, лечит от бесплодия и помогает сохранять молодость, а вода, взятая из ключа, протекающего через роццу Марса, помогает мужчине стать сильным и храбрым.

– Но ведь ты же понимаешь, – говорил Фемистокл Иисусу, – что храбрость – это то, что зависит от самого человека: это психологическое преодоление страха, а сам по себе страх есть естественная черта человека. И если человеку дать воду из другого источника, а сказать ему, что она взята из ручейка, протекающего в Марсовой роцце, то действие будет тем же самым: человек сам себя делает смелым!

Очень много Фемистокл рассказывал об особых состояниях психики, как греки называли душу человека.

– Психические болезни – одни из самых загадочных и трудноизлечимых. Невежественные люди – а таковых большинство –

полагают, что в больных вселяется бес, – говорил Фемистокл. – На самом же деле, больного во время припадка покидает его душа. И если больной буйный, то душе трудно войти обратно в его тело. Но туг-то и может помочь врач, дав успокоительное зелье. Хуже с теми, кого преследуют бесовские видения, кто теряет ощущение реальности. Иногда помогает, если такого больного подвергнуть сильному шоку – нужно почти умертвить пациента, т.е. очистить его бренное тело. Тогда душа, вновь войдя в тело, сможет правильно им управлять. Конечно, всегда есть опасность, что человек во время лечения совершенно умрет... Но ведь нужно понимать, что черпая воду в каменистом ручье, можно разбить кувшин, сделав неловкое движение!

Рассказал Фемистокл и о летаргическом сне – этом состоянии человека, когда он почти что мертв, будучи на самом деле живым. Дыхание его практически незаметно, сердце бьется очень медленно и слабо. Из-за плохой циркуляции крови человек становится мертвенно-бледным, тело его холодеет. Это такое удивительное состояние человека! Бывали случаи, когда хоронили человека, заснувшего летаргическим сном, а он просыпался и люди, увидевшие это, от страха едва ли ни умирали от разрыва сердца. Вот так и появились мифы о воскресающих покойниках. Почему люди впадают в летаргический сон, никому неизвестно. Может, это какая-то форма самогипноза?

Фемистокл умел пробуждать спящих летаргическим сном, используя примерно те же приемы, что и при самом гипнозе. Он научил этому мастерству и Иисуса. Фемистокл постоянно повторял, что к каждому больному нужен свой подход. Но самое главное – больной должен верить своему врачу, без этого трудно добиться положительного эффекта. Врач, в некотором смысле, сам является плацебо, поэтому он должен быть уверен в себе и, даже будучи полным неучем, всем своим видом показывать ученость. И очень важно обнадеживать больного.

– Ложь – это нехорошо, – говорил Фемистокл, – но бывает благостная ложь: пусть неизлечимый больной хотя бы проживет свои последние дни и часы в вере в исцеление – разве это плохо?

Ведь все мы смертны, но, к счастью, мы не знаем, когда и где смерть настигнет нас. Одному завтра горный орел уронит на голову камень, который он нес в своих когтях не знамо для чего,

другой сподобится наступить на смертоносного скорпиона... Кто знает?.. Ты жив сегодня – и будь счастлив! Ведь, не дай Бог, станет нам известен день и час нашей гибели: мы тут же будем предельно несчастливы, ожидая тот неотвратимый момент. Даже если от того момента нас отделяют годы...

Рассказал он и об интересных экспериментах с гипнозом. Как-то он лечил гипнозом бессонницу у одной знатной дамы. Дама эта находилась в состоянии крайнего физического и психического истощения. Процедуры гипноза проводились ежедневно и были довольно затяжными. Однажды, когда Фемистокл уже начал свой сеанс гипноза, в комнату буквально влетела дочка этой дамы и шепнула ему на ухо, что ее отец упал, задыхается и нуждается в срочной врачебной помощи. Она шептала ему на ухо, поскольку боялась, что известие сильно взволнует ее мать, и та может умереть от волнения.

Нужно было что-то предпринимать. Фемистокл достал из мешочка, который был прикреплен к его поясу, небольшой кусочек горного хрусталя, который носил с собой в качестве талисмана, положил его на краешек стола, чтобы больная его видела, и сказал:

– Госпожа, то, что вы видите, есть магический камень, найденный мною в пещере, где родился Зевс. Смотрите на этот камень так же, как вы смотрите в мои глаза во время сеанса, и при этом про себя повторяйте моим голосом мои обычные слова: «Я спокойна, я совершенно спокойна. Я хочу уснуть. Я уже засыпаю. Я уже сплю, сплю, сплю...» Когда вы третий раз произнесете слово «сплю», вы действительно, заснете. Уверю вас, что этот магический камень подействует на вас даже сильнее, нежели я сам – ведь он из пещеры самого Зевса!

С этими словами он покинул комнату, а женщина, следуя его совету, хорошо уснула сама себя. Фемистокл же оказал за это время необходимую помощь ее мужу.

Много беседовали Фемистокл и Иисус о вере, о Богах. Фемистокл рассказал о философе Ксенофоне Колофонском, жившем около пяти веков назад. Уже тогда он обратил внимание на то, что Боги у разных народов отличаются, и объяснил, почему. Фемистокл прочитал Иисусу стих Ксенофана:

*Если б руками владели быки, или львы, или кони,
Кто бы тогда отразился у них на иконе?
Кони богов рисовали бы с конскою мордой,
Львы же личину свою отражали не менее гордо, Бог у быков
непременно б был с образом бычьим – Всяк чтит себя,
свой народ и народный обычай.
Так же и люди: их боги на них же похожи.
Бог эфиопа - с такою же черною кожей.
Если ж возьмете народ из далекой вы Азии,
Бог их в сравнении с нашим всегда косоглазее.
Голубоокими, русыми бога рисуют фракийцы.
В боге, как в зеркале, их отражаются лица.*

Иисус от неожиданности буквально потерял дар речи: пять веков назад?! Ему вспомнились слова Священного Писания: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божьему сотворил его...»

А ведь Ксенофан прав! – будто пронзила Иисуса мысль. – Это мы сотворили Бога по образу и подобию человеческому! Как это мне самому не пришло в голову? Впрочем, зачем вообще придавать Богу какой-то вещественный образ? Бог есть идея. «Вначале было слово...» Да, да! Именно слово, то есть идея. Идея существования всего сущего и идея жизни. И если мир существует, то жизнь столь же естественна, как свет солнца и звезд, как образование облаков и падение дождя. Почему для нас удивителен феномен жизни? Только потому, что мы сами живые? А разве менее удивительна неживая природа?

Много говорили Фемистокл и Иисус о смысле жизни. Фемистокл принадлежал к школе эпикурейцев, начало которой положил великий философ Эпикур, живший около трехсот лет тому назад. Его жизнеутверждающее учение нашло многих сторонников и продолжателей, так что и через триста лет его имя было почти у всех на устах. К чему звал Эпикур? Радуйся жизни, содержи тело в здоровье, а душу в спокойствии, растворишься в матери-природе, частью которой ты являешься, и тебе не страшна даже смерть. И не нужны тебе Боги! Счастье – высшая и единственная цель жизни.

Трудно было бы возразить что-либо эпикурейцам, кроме того, что такая жизнь может быть уделом только избран-

ных. Иисус же видел, что в мире столько несправедливости и угнетения, нищеты и болезней, что провозглашать такие принципы для всех – это чистой воды бессмыслица. Убедить бедняка, который не может прокормить семью, что надо радоваться жизни? Посоветовать умирающему больному, что бы он заботился о своем здоровье? А о каком душевном спокойствии может идти речь для матери, оплакивающей безвременно ушедшего в мир иной ребенка? Нет, для этих людей религия – единственное спасение, пусть даже граничащее с обманом.

Конечно, в то же время не надо отказываться от нормального человеческого счастья в жизни, как к этому призывают некоторые проповедники-самоистязатели. Для чего мучить себя и лишать обычных радостей? Ради того, чтобы сберечь бессмертную душу? Но зачем же тогда Бог создал тело, а не сотворил бестелесную душу? Значит, и о теле надо думать?

Рассказал Фемистокл Иисусу и о величайшем греческом философе – Сократе, который был не только великим мыслителем всех времен, но и прекрасным педагогом. Среди его учеников были великий философ Платон и крупнейший историк Ксенофонт.

Беседы Сократа отличались смелостью и нетрадиционностью. Он не боялся отстаивать свои взгляды, даже если они шли вразрез с мнением большинства или с догматами правителей.

К сожалению, Сократ никогда не записывал своих мыслей, но это зато делали за него его ученики. После смерти Сократа, его верный ученик, Платон, изложил основные идеи Сократа в своих трудах, и так же, как и его учитель, воспитывал молодежь, проводя с ними беседы в своем саду – Академии. Его занятия с учениками проходили в виде бесед во время прогулки по саду.

Нелегкая судьба выпала на долю Сократа. Один из его учеников, молодой литератор Анит – недобрый и завистливый, – оклеветал своего учителя и подал на него в суд за то, что тот, как он заявил, совращает молодежь инакомыслием. На суде Сократ, сам защищая себя, в пламенной речи отстаивал свои убеждения: «Я просвещаю молодых людей, а не развращаю их», – сказал он в заключение. Но решение суда было predetermined: его посадили в

тюрьму, приговорив к смертной казни. Была у него возможность спасти свою жизнь за большой выкуп, его друзья и ученики уже даже собрали необходимую сумму, но Сократ отказался от выкупа, поскольку был убежден, что нельзя продавать свои идеи, даже если цена эта так велика, как жизнь. У него хватало мужества и спокойствия даже шутить в последние дни перед казнью:

– Что вы плачете? – говорил он Платону и другим своим ученикам, пришедшим навестить его в тюрьме в последние дни перед казнью. – Я ведь давно приговорен к смерти уже тем, что родился!

Он гордо и уверенно отказался от услуг палача, выбрав не самую легкую смерть: сам спокойно и без страха выпил поднесенную ему палачом чашу с цикутой – смертельным ядом, смерть от которого неизбежна, но не наступает мгновенно, а ведет к медленному угасанию, сопровождаемому нечеловеческими мучениями. Долго оплакивали смерть Сократа его ученики, но смерть Учителя дала им новые силы: они считали своим долгом развивать и нести в будущее идеи Сократа. Его смерть послужила стимулом для утверждения его учения...

Слушая рассказ Фемистокла о Сократе, Иисус понял, что идея, освященная смертью Учителя, делается бессмертной. И в этом бессмертии идеи содержится и бессмертие ее творца. Сократ стал для Иисуса идеалом человека идеи, а жизнь его – примером для поклонения.

Иисус много узнал для себя нового. Что-то приводило его в смятение, с чем-то он был категорически не согласен, но он увидел, что все люди в принципе ищут одно и то же: веру. Это может быть вера во многих Богов или же вера в единого Бога, но без веры человек не может. Когда он сказал о своих заключениях Фемистоклу, тот согласился со многими его мыслями и посоветовал ему:

– Мы живем своей жизнью здесь, вокруг этого Лазурного моря, все мы – и греки, и египтяне, и вы, евреи, – все мы так или иначе воздействуем друг на друга, культура одних народов проникает в культуру других. Все мы во многом похожи. Но есть иные страны на Востоке, где все другое – и культура, и религия, и жизненные идеалы.

Очень интересная страна Персия. Еще наш великий исто-

рик Геродот писал про народ, обитающий там:

«Персы против идолов, храмов Божьих и тех, кто служит в храмах, поскольку это, как они считают, лишь проявление невежества».

Пойди на Восток, ты еще молод и сможешь там многому научиться. Дойти до Желтой Империи тебе, возможно, и не удастся. К тому же там не очень-то привечают иноземцев. Но я бы очень советовал тебе посетить самую, пожалуй, загадочную землю – Индию. Сам я там не был, но слышал много рассказов от купцов, побывавших там. Отправляйся туда! И я уверен, что ты не пожалеешь.

ПЕРСИЯ

В Афинах Иисус нашел купцов, которые собирались со своим товаром в далекое путешествие в Индию. Заплатив немного денег, он договорился о том, что те возьмут его с собой. Переправившись через Геллеспонт, караван купцов, к которым присоединился Иисус, направился на Восток южным берегом Эвксинского Понта, то есть Гостеприимного моря, как называли греки это темно-синее море. Местные же жители за темный цвет воды называли это море Черным. Не зря это море греки назвали Гостеприимным, думал Иисус: оно было гораздо спокойнее, чем Эгейское.

Через несколько дней пути, когда берег моря начал уже резко уходить на север, Иисус и его попутчики повернули на юг. Начался второй этап долгого путешествия, который оказался гораздо труднее первого: палящее солнце, выжженная земля, хищные звери, рыскавшие вокруг, многочисленные скорпионы и тарантулы, уберечься от которых было совсем не просто... В Персии, в довершение всего, на караван напали разбойники, но странникам удалось отбиться, поскольку отряд нападавших оказался достаточно малочислен.

Путь был долог, но это было даже на руку Иисусу: он много общался с купцами, научился у них азам языка фарси, наиболее распространенного в Персии. Он узнал язык настолько, что мог бы не пропасть в чужой стране.

Пройдя Соляную пустыню, а потом район кряжистых гор с

труднопроходимыми тропами, караван достиг, наконец, границы государства Бхарат, как называли Индию жители Персии. Караван купцов сделал последнюю остановку на пути в Индию – это был город Фарах. До Индии отсюда было, как говорится, рукой подать, и Иисус решил остаться немного в этом городе и проникнуть в тайны учения великого пророка Заратуштры, а потом уже самостоятельно добраться и до Индии.

Распроцавшись с купцами, с которыми он делил все тяготы долгого пути, Иисус остался в городе. На базаре Фараха, покупая себе для трапезы лаваш и немного козьего сыру, он увидел дервиша, просившего подаяние. Он обратил внимание на умное и приветливое лицо пожилого уже человека, глаза которого светились каким-то необыкновенным светом.

Отломив большой кусок от своего лаваша, Иисус дал его нищему и спросил, не укажет ли тот места, где можно было бы заночевать. Человек тот, звали которого Аббас, с радостью согласился и повел своего нового знакомого куда-то на окраину города. Выйдя из города, они оказались около склона горы, которая была испещрена большими, почти в человеческий рост отверстиями – входами в пещеры. Оказалось, что Аббас – монах, последователь учения Заратуштры. Иисус подумал, что это и впрямь Божье провидение: первый же человек, с которым он заговорил, оказался священником!

Иисус имел натуру открытую и добрую, он умел моментально располагать людей к себе. Буквально к концу первого же вечера, когда они сидели у костра и готовили нехитрую пищу, Аббас предложил Иисусу присоединиться к общине зороастритов и принять их веру. Иисус с радостью согласился, поскольку лучшего пути познания новой религии нельзя было бы и придумать. Он посчитал, что временное поклонение чужой религии – это не грех, а лишь цена за познание. А как еще можно лучше всего познать другого, как только не влезши в его шкуру? К тому же – а в этом он был глубоко убежден – Бог един у всех людей. Разные ритуалы, разные пророки – а Бог-то един! Иначе и быть не может: если бы было много богов, то какой бедлам начался бы в самом Царствии Небесном!

Вот что рассказал Аббас своему новому другу о жизни великого пророка Заратуштры.

Когда и где родился Заратуштра, неизвестно, было это лет пятьсот или шестьсот до того дня, когда встретились Иисус и Аббас. Точно о годе появления Заратуштры на свет никто не знал. Однако, несмотря на то, был каким-то образом известен день его рождения – 26 марта, который отмечался в Персии издавна. Где родился Заратуштра, тоже неизвестно: кто говорит, что в Нейшاپуре, а кто настаивает на Харате – городах царства Хорасант.

Легенда сохранила имена его родителей: отца его звали Пуручаспа, что означало буквально «много лошадей», а мать – Дугхдова, или «доющая молоко». Имя самого Заратуштры происходило от слияния двух слов: «зара», означавшее старый или умудренный, и «уштра» - верблюд. Это было хорошее имя, поскольку лошади и верблюды почитались у персов священными животными.

– Это только совсем недавно некоторые чересчур рьяные последователи зороастризма стали "облагораживать" имя пророка, говоря, что имя его образовано от слов «зарам», что означает «золотой», и «ушас», что означает «свет», – сказал, смеясь, Аббас. – Будто сила учения Учителя зависит от того, насколько «благородно» звучит его имя! Так могут думать лишь те, кому форма сосуда важнее его содержимого! И чем, на самом деле, «Золотой Свет» лучше «Мудрого Верблюда»?

Когда Заратуштра только-только родился, он не заплакал, как обычный ребенок, а громко и радостно засмеялся. Казалось бы, весь мир должен был обрадоваться появлению такого чудесного ребенка! Ан нет, напугало это суеверных соседей так, что они даже замыслили убить младенца за его необычное поведение.

– Ведь люди всегда боятся необычного, во всем им мерещатся сатанинские козни! – сказал Аббас Иисусу.

Пытались сжечь малыша, но огонь не обжигал его. Тогда, от греха подальше, решили отнести его в джунгли и бросить там на съедение диким зверям. Но те не тронули малыша!

– А где же были родители Заратуштры?! – гневно воскликнул Иисус. – Как они могли терпеть все это? Вон, когда Царь Ирод узнал от волхвов, что родился новый царь Иудеи, и приказал убить всех младенцев мужского пола, то мои родители, боясь за мою судьбу, бежали из царства Ирода в Египет!

– Честно говоря, давно это было, быльем поросло, – ответил Аббас. – Кто говорит одно, а кто другое. Одни говорят, что брошен был Заратуштра в лесу, и там выкормила его волчица, а другие говорят, что родителям его, Пуручаспу и Дутхдове удалось уберечь мальчика. Но это, в конечном счете, неважно. Важно, что Заратуштра вырос и стал великим пророком.

Заратуштра рано начал задумываться о природе вещей, о жизни, о Боге... И вот, когда ему уже стукнуло тридцать лет, он увидел Бога Воху Манаха, явившегося перед ним в виде огромного Ангела, который просветил его о прошлом, настоящем и будущем.

– Ну, что ж, – подумал про себя Иисус, – тридцать лет – это хороший возраст! На тебя уже не смотрят, как на мальчишку, но и не видят еще в тебе выжившего из ума старика. Мне до тридцати осталось еще пять с половиной лет. Пожалуй, до Желтой Страны, Империи Мандаринов, я не дойду, а вот Индия – это будет последняя страница моего познания мира. После этого надо возвращаться домой – меня ждет великое поприще!

Аббас рассказал, что вскоре после видения Бога Воху Манаха, что означает «Благая Мысль», Заратуштра стал активно проповедовать новую веру. Слова нового пророка были столь убедительны, его красноречие было столь зачаровывающим, он сам излучал такую внутреннюю силу, что число его последователей росло не по дням, а по часам. Его пригласили ко двору Виштаспа – царя Бактрии. Вскоре Заратуштра женился на дочери царского визиря – Хвови, что означает «Хорошая Корова», у них было шестеро детей – три сына и три дочери.

– Не кажется ли тебе, Иисус, что Хорошая Корова больше походит на жену Мудрого Верблюда, нежели чем на жену Золотого Света? – вопросительно хмыкнул Аббас.

Заратуштра дожил до глубокой старости, до семидесяти семи лет. Говорят, что он был убит одним из своих вечных врагов, Тур-и-Братарвахшем, во время моления в храме.

– Пророк Заратуштра написал священную книгу «Зенд Авеста», на которой зиждется вся его новая вера – зороастризм, – сказал Аббас Иисусу. – Ты хорошо уже овладел языком фарси, на котором и написана эта книга. Прочти ее, она даст тебе во много крат больше того, что я могу рассказать тебе.

Иисус узнал, что Заратуштра признавал единого Бога, Ахурамазда – Мудрого Господа – создавшего Небо и Землю. Ахурамазда существовал вечно в пространстве и времени. При сотворении мира, одновременно был порожден и Ахриман – Сатана, который олицетворяет тьму, смерть и хаос. Хотя Ахриман, как и Ахурамазда, обладал неограниченной силой, Добро всегда, в конце концов, побеждало Зло.

Иисус подумал, что признание существования могучего Сатаны Ахримана наравне со Всемогущим Ахурамаздой является хорошим объяснением того, почему в мире столько горя и несправедливости – все это творит Сатана.

– Однако почему же Мудрый Бог позволяет Сатане творить зло? И чьим творением является Сатана, как не самого Мудрого Ахурмазды? А если так, то зачем? Зачем? – вопрошал самого себя Иисус. – Впрочем, и еврейский Бог сделал фактически то же самое: разве Змей, соблазнивший праматерь нашу Еву, не был порождением самого Бога? А если так, то не с ведома ли Бога Змей и искушал Еву?

В одной из бесед Аббас сказал, что по учению Заратуштры, ежели кому будет сделано добро, то тот и оплатит добром. В то же время, образно говоря, тот, кто ограбил соседа, не должен поражаться, когда его самого ограбят.

Иисус на это возразил:

– Но разве надежда на то, что тебе оплатят добром, должна лежать в основе делания добра? По-моему, надо делать добро бескорыстно – это должно быть основой морали, законом жизни. И вот тогда, когда все будут бескорыстно делать добро другим, вот тогда и наступит такой мир, где все люди будут братья. Человек же, ожидающий вознаграждения за содеянное добро, перестанет творить добро, столкнувшись с неблагодарным!

За такими и подобными беседами друзья проводили долгие часы. Иисусу открывались все новые и новые стороны зороастризма. Он понимал, что иудаизм требует какого-то изменения. Он еще не знал, какого, но чувствовал, что новая религия, прежде всего, должна быть более универсальной, не быть предметом гордыни еврейского народа. Люди отличаются по цвету кожи, по национальности, по странам, в которых они живут. Их не устроит еврейский Бог, им нужен общий Бог, который бы не разъединял их, а наобо-

рот объединял!

Ведь нет же какого-то «еврейского Бога»! Бог ЕДИН! Но как же это будет трудно убедить людей, что Бог один, один для всех – евреев и египтян, греков и индусов, римлян и даже всевозможных варваров! Такова уж натура человеческая – каждый всегда считает себя правым! Принять чужого Бога вместо своего – это все равно, что пустить жить в свою семью первого попавшегося прохожего с улицы.

Особенно понравилась Иисусу часть учения Заратуштры, касавшаяся загробной жизни. По учению Заратуштры у каждого человека есть душа, или фраваша. Это дух, который существовал вечно еще до рождения человека и будет существовать после его смерти.

В каждой душе-фраваша борются между собой Добро и Зло. Ахурамазда всегда стоит на стороне добра, но это вовсе не означает, что Добро в человеке всегда побеждает Зло. Человек сам выбирает себе пути в жизни, сам решает, чему он хочет служить – Добру или Злу?

Праведник получает бессмертие и попадает в рай, а грешник – влачит жалкое существование в аду. Иисус понимал, что вера в загробную жизнь – это сильнейший стимул для верующих вести праведную жизнь на этом свете. А что может быть для истинной веры важнее, чем обращение людей в веру Добра и Любви к ближнему?

– А идея воскрешения? Это извечная несбыточная мечта человека! – Думал Иисус, вспомнив египетский миф о воскрешении Озириса. – Там это было свершено магическими силами великой любви Изиды к своему мужу. Но конечно, воскрешение может происходить только по воле Божьей! Никакая человеческая любовь не в силах воскресить умершего. Впрочем, Изида была богиня...

Аббас рассказал Иисусу, что Заратуштра был одним из величайших магов. Например, царь Бактрии Вишгаспа принял зороастризм, когда Заратуштра при нем лишь жестами и заклинаниями поднял на ноги парализованного коня. «Какой же Бог для людей бывает без чудес?» – спросил Иисуса Аббас с чуточку ироничной улыбкой.

– Да, Аббас прав: без чудес не обойтись... – Подумал Иисус. – А научиться мастерству факиров я смогу в Индии. Жаль, но наста-

ло время прощаться с добрым и умным Аббасом!

В один из погожих дней, когда кончился затяжной период дождей, задуваемых ветром с моря, Иисус прощался со своим другом. У обоих на глазах навернулись невольные скупые слезы: они ведь так сдружились за эти быстро пролетевшие годы. Обняв Аббаса на прощание, Иисус взял паломнический посох и отправился в новый путь. Дорога вилась вверх, на вершину высокого холма. Оборачиваясь, Иисус видел, как Аббас, стоя на пороге их нехитрого жилища, махал ему рукой. Фигурка друга, постепенно уменьшаясь, стала практически неразличимой.

– Прощай, мой верный друг! – Сказал Иисус вслух, как будто Аббас мог услышать его. А впрочем, почему бы и нет? Ведь угадывают же люди на расстоянии мысли и чувства других близких им людей?

ИНДИЯ

Индия поразила Иисуса, прежде всего, своими контрастами: фантастически богатые магараджи с прекрасными дворцами, по которым разгуливают ручные черные пантеры, водимые на золотых цепях холеными слугами, и тут же – тысячи бедных, иссушенных голодом, будто завяленных на жгучем безжалостном солнце людей, влачащих нищенское существование. Народ, разделенный на касты, между которыми зловеще зияют разделяющие их пропасти. И все это воспринимается людьми, как должное, даже самые угнетенные не пытаются восставать против несправедливости.

– Неужели же и этот мир сотворен милосердным Богом? – подумал Иисус, проходя через небольшой городок, попавшийся ему на пути. – Если это справедливость и милосердие, то что же такое несправедливость и жестокость?

В городе жили в основном те, кто придерживался брахманизма – древней индийской религии, существовавшей задолго до того, как Моисей вывел свой народ из Египта и повел его в землю обетованную через пустыню. Иисусу было интересно узнать, эту древнюю религию, понять, в кого верят индусы, как они представляют себе устройство мира, как они смотрят на вечные проблемы жизни

и смерти.

Трудно было пришельцу в новой земле: незнакомый язык, новые обычаи. Несколько имевшихся у него серебряных персидских монет позволили Иисусу просуществовать первое время. Как и в Персии, он опять использовал тот же прием: пошел на рынок и пытался завязать там знакомство с кем-нибудь из молодых людей, похожих на монахов-отшельников, которые могли придти за пополнением провианта.

И ему, действительно, удалось найти относительно молодого человека – хотя о возрасте его было судить весьма трудно: он был худой до неимоверности, двигался неспешно, голос у него был глухой, хотя и отчетливый, и только глаза выдавали, что он действительно молод. Иисус знаками объяснил, что ищет место ночлега, потом, показав пальцем себе на грудь сказал: «Я – Иисус». Его собеседник – если только можно было назвать беседой то, что между ними происходило, – ткнул себя пальцем в грудь и сказал: «Сумонтра, Сумонтра!»

В монашеской общине, куда Сумонтра привел Иисуса, пришельца встретили как-то равнодушно. Но это было и понятно: все были погружены в размышления о бренности бытия и о вечной жизни. Сумонтра оказался среди них самым приветливым и отзывчивым. Видимо, он почувствовал какую-то ответственность за Иисуса, которого он привел с собой.

Иисус, как мы уже говорили, обладал прекрасными человеческими качествами, он нравился людям своей открытостью и искренностью. Его взор светился такой доброжелательностью, что люди невольно улыбались ему в ответ и были готовы ему помочь во всем, попроси он только их об этом.

День за днем Иисус все больше вживался в монашескую общину. Сумонтра учил его местному языку – хинди. Сам он провел в юности какое-то время в соседней Персии, немного знал фарси, поэтому их общение с Иисусом с самого начала получилось довольно живым. Сумонтра посвятил Иисуса в свою религию, надеясь, что Иисус вскоре станет таким же послушником, как и он сам. Они вместе постились, проводили часы в медитации, которой Сумонтра начал обучать Иисуса. Тому нравился аскетический образ жизни брахманов, он легко переносил долгие, по несколько дол-

гих дней, голодные посты, он научился задерживать на несколько минут дыхание, он научился подавлять в себе чувство боли. Постепенно он стал среди брахманов своим: его отличало лишь утонченное светлое лицо, выгоревшие до бледно-соломенного цвета волосы и большие голубые глаза, что выделяло его среди смуглолицых и кареглазых индусов.

Иисуса увлекли идеи брахманизма. В них, действительно, была какая-то магическая сила: они ничего не объясняли, они оставляли тайну тайной, но в то же время они пробуждали в человеке веру в себя, в свои силы, в свою душу.

Брахман – это даже не Бог, это некий абсолют, это духовное начало всего, это основа всего сущего. Он вечен и непознаваем, это и есть истинная реальность. Все то же, что мы видим – это лишь всплески Брахмана. Это его вечное сверхбытие, ниспавшее в нашу жизнь в виде растений, животных, людей... И человек – это Высшее Божественное существо.

Брахман выпускает человека в этот мир, а потом как бы втягивает его обратно напоподобие того, как паук заглатывает обратно паутинку, на которой висит.

– Как это описать словами? – отвечал Сумонтра на вопрос Иисуса. – Это «нети-нетти», то есть и не то, и не то. Нельзя определить Божественное человеческими словами. Можно определить лишь то, что не является Божественным. Вся природа вокруг нас: горы, моря, леса, реки, голубой шатер неба, крадущийся тигр, взлетающая птица, застывший на берегу Ганга крокодил – это все сон, сновидение единого бытия. Это все Брахман выпустил из себя с тем, чтобы потом опять в себя вобрать. А человек... Человек – это обезьяна, он даже не понимает, что он бесконечен, что в нем живет вечный Атман, который есть дух вечного Брахмана.

Двух Богов породил Брахман – Кришну и Вишну. Они даны людям, чтобы те любили их, ибо благочестие человеческое – в любви к Богу. А Брахман – это Абсолютное Начало, это идея, нечто безличное, непознаваемое. Его любить нельзя, им можно только восхищаться, можно перед ним благоговеть.

Так же относится к Брахману и сам Кришна, который сказал: «Абсолютное непостижимо. Познать его можно, только растворившись в нем».

По этому поводу Сумонтра рассказал Иисусу такую притчу:

– Однажды соляной истукан, захотел познать океан. Кришна сказал ему, что для этого тому нужно зайти в океан и постоять в нем. Истукан вошел, вода океана ласково плескалась вокруг ног его. Не замечая того, соляной истукан постепенно растворился в воде, став частью океана. Таково и есть истинное познание!

Брахманы считают, что главное – это познание, осознание Бога в себе. Кришна говорит: «Познавшие не скорбят ни о живых, но об ушедших, ибо я, Кришна, всегда был, также как и ты». Ведь каждый человек единосущен Богу, тождественен с ним. Просто человек об этом не знает.

Но познать можно только лишь видимый мир, познать, что внутри бытия – невозможно, это Божественная тайна.

Рассказал Сумонтра Иисусу еще одну притчу, сказав, что то, что нельзя сказать прямо, удобно выразить иносказательно. «Где найти единое?» – Спрашивает как-то один из учеников своего учителя. «Дай мне плод смоковницы». – Ответствует тот. «Вот он». – «Разломи его и посмотри, что там?» – «Зерна». – «Возьми и разломи одно из зерен. Что видишь там?» – «Ничего, Учитель». – «Вот это ничто и есть основание бытия. Никто не видел его глазам. Его можно понять только сердцем и умом».

Это был хороший урок: Иисус увидел, что притча – удобный способ объяснения, так как толкование ее и ее понимание во многом зависят от того, кто слушает, а посему каждый воспринимает притчу так, как это наиболее приемлемо для него. Кто же из нас не любит, когда совет или объяснение совпадает с его представлением?

Вся жизнь, учит брахманизм, есть страдание. И спасение от всех наших страданий – это мокша, то есть освобождение от всех бедствий существования. Уйти из мира нельзя, потому что человек вечен, он постоянно возвращается к жизни, благодаря сансаре, то есть перевоплощению в новую жизнь.

– Понимаешь, Иисус, – сказал Сумонтра, – наши жизни проходят одна за другой, сменяя друг друга. Это как волны – каждая появляется, чтобы исчезнуть и тут же возродиться в новой волне. И так продолжается вечно...

Единственное спасение в убиении своей плоти воздержанием, голодом и самоистязаниями. Жизнь должна потерять свою ценность – в этом главная цель существования человека.

Все эти рассуждения о перевоплощении душ Иисус не воспринимал: это не укладывалось в его уже начавшее по крупицам слагаться учение это не укладывалось. Ему больше нравилось зороастрианское представление о душе-фраваше. Хотя порой ему думалось, что и в том, и в другом представлении о душе скрыта все та же несбыточная человеческая мечта о вечной жизни, просто одни думают о неизменной вечной душе, а другие представляют себе бесконечную цепочку перевоплощений одной и той же души. Может, разница не столь уж и велика?

Брахманы проповедовали и свои взгляды на Добро и Зло. Они учили, что зло порождается четырьмя причинами: безразличием, враждебностью, глупостью и страхом. А когда зло находит человека, то оно исходит шестью путями: через пьянство, через разврат, через азартные игры, через плохое окружение и через праздность.

Многое узнал Иисус о брахманизме, но его влекло больше иное учение, учение великого Пророка Будды. Брахманизм показался Иисусу слишком абстрактным учением, учением для философствующих аскетов. Он же думал о религии для всех – религии для разных народов, религии для мужчин и женщин, для богатых и бедных. Чему-то у брахманов можно научиться, но брать его сердцевиной новой религии нельзя.

Чтобы не вызывать у брахманов обиды, Иисус решил исчезнуть из общины незаметно: ведь не объяснять же им, заявив, что он уходит, поскольку ищет другую веру, более близкую его сердцу? Зачем обижать людей своим отказом от того, что тем дорого?

Однажды он пошел в город записаться очередным необходимым провиантом и исчез... Мало ли что могло с ним произойти, в конце концов? Ведь время от времени такое случалось: брахман уходил и не приходил – может, просто наступало время переселиться его душе в новое тело?

*****

Иисус легко нашел отдаленный буддийский монастырь и попросил принять его в общину. Тихий и образованный молодой

человек понравился Ашоке, настоятелю монастыря. После ряда обрядов и посвящений, Иисус был оставлен в монастыре, ему выделили одну из пустовавших келий, и он начал жизнь рядового буддийского монаха.

Первым делом он начал читать имевшиеся в монастыре манускрипты о жизни Будды. Это было увлекательнейшее чтение: исторические факты переплетались с вымыслом, человеческое и божье переплеталось в сложный клубок. Это все так было похоже в каком-то смысле на тору!

Ашока помогал ему, растолковывая отдельные места в учении Будды, рассказывал ему различные эпизоды из жизни Будды. Вот, что узнал Иисус о житии Будды, великого индийского пророка.

Когда-то, несколько столетий назад в древнем городе Лумбини жил царь Суддходана, который правил царством Капилавасту, что расположено было на южных отрогах Гималаев. Суддходана принадлежал к высшей касте – касте воинов племени Шакья, составлявшего основное население царства.

Жил он в мире и достатке, окруженный любимой женой и несколькими дочерьми. Оба – и Суддохандана, и его жена – страстно желали сына. Однажды жена сказала мужу, что видела во сне Белого Слона и зачала от него. Царь сказал, что это, наверное, хорошее знамение, с чем жена его с радостью согласилась. И вот, когда жена царя ожидала очередного ребенка, один из пророчествовавших брахманов предсказал, что родится у нее, наконец, сын, который станет либо царем, либо пророком. Поэтому будущему сыну уже было определено имя – Сиддхартха, что означает «Предначтанный».

– Интересно, как в начале судьба Будды напоминает мою! Тоже непорочное зачатие, тоже волхвование относительно пророческого будущего... – подумал Иисус. – Конечно, можно было не удивляться одному из предсказаний брахмана: кем же как не царем станет сын царя? Поэтому если он и не станет пророком, то все же пророчество останется верным!

Как и вещал брахман, родился чудесный мальчик. Однако к великому горю всей семьи, жена царя умерла на седьмой день после родов. Погоревав, царь женился на старшей своей дочери – красавице Махападжапати.

Мальчик рос в любви и постоянной заботе со стороны отца и его приемной матери, бывшей ему одновременно и старшей сестрой. Родители всячески оберегали мальчика от горестей и несовершенства внешнего мира.

Близкие звали Сиддаратху иногда Татхагата, что означает «Совершенный», иногда Будда, что означает «Просветленный». Отец его называл чаще всего Шакьямуни, подчеркивая его происхождение из племени Шакья.

Когда Сиддаратхе стукнуло шестнадцать лет, его женили на прекрасной Яшодхаре. Тринадцать беззаботных лет прожил Сиддаратха со своей женой, пока у них не родился, наконец, сын Рахула. Так они и жили бы счастливо и беззаботно, и ничто не предвещало изменений в их счастливой жизни, но...

Но вот однажды Сиддаратха решил впервые выйти в сопровождении своего верного слуги Чанна за ворота своего дворца, который был построен его отцом специально для своего сына. Обратите внимание, Сиддаратха тридцать лет прожил буквально в «золотой клетке», не соприкасаясь с окружающим миром! И первое, что он увидел, выйдя из ворот дворца, были люди, которые несли носилки с больным, покрытым зловонными и страшными струпами.

– Что это? – спросил Сиддаратха.

– Это больной лепрой... – ответил Чанна.

– Больной? Что ты имеешь в виду? – опять спросил его Сиддаратха.

Чанна знал, что родители Сиддархата оберегали его от всех тягот и бед реальной жизни, держа его в полном неведении относительно того, что люди болеют, страдают и умирают. Он осторожно объяснил своему хозяину, что проказа – одна из страшнейших и мучительнейших болезней. И буквально тут же на встречу им попала похоронная процессия... До того момента Сиддаратха даже не подозревал, что смерть вообще существует! Так он за какие-то несколько минут столкнулся с той реальной жизнью, которой живут все люди: болезни, страдания, смерть...

– Но если есть все эти тяжелые болезни, а в конце нас неминуемо ждет смерть, то зачем же тогда жить?! – воскликнул Сидда-

ратха, впервые задумавшись над бренностью жизни, на что Чанна ответил, что мудрецы учат, что умерев, ты возродишься в другом теле. – Но как же я узнаю, что это именно я возродился? Ведь моя память принадлежит вот этому моему телу! Как же я узнаю, что я кем-то уже был, если у меня вновь родившегося будет память пустая, как у ребенка?

На это Чанна ответить не смог, но сказал Сиддаратхе, что в джунглях живут архаты-отшельники, которым ведомы все эти тайны. Задумав постигнуть неведомую ему мудрость, Сиддаратха решил найти архатов. И вот они с Чанной среди ночи тайком бежали из дворца, направляясь на Юг, в царство Магадха. По дороге Сиддаратха обменял свою богатую, украшенную драгоценными камнями шелковую одежду на желто-оранжевую хламиду охотника.

По пути к архатам, Сиддаратха и Чанна однажды просили милостыню в столице царства – Раджагрихе.

Здесь на Сиддаратху случайно обратил внимание некто Бимбисара, которого поразили хорошие манеры и умные задумчивые глаза Сиддаратхы. Он спросил, что Сиддаратха делает и как он оказался в Раджагрихе. Тот рассказал, что очищается, чтобы достичь нирваны, и пообещал, что когда получит откровение, то вернется в Раджагрих и будет учить Бимбисару, который к тому времени станет царем Магадха. Бимбисара, хотя и был знатного рода и был к тому же богат, никогда и не помышлял о царском троне. Но человек слаб, лесть всегда ласкает его душу: Бимбисара отблагодарил Сиддаратху и пожелал ему доброго пути.

Из столицы путники, обрившись наголо и сбрив бороды, направились в лесную чащобу. Вскоре они нашли пятерых архатов, которые дружелюбно приняли пришельцев в свою общину. Следуя правилам архатов, Сиддаратха начал вести суровый аскетический образ жизни. Он научился побеждать желания, мог днями не брать в рот и маковой росинки, а обычно вся еда его состояла из сока, выжатого из фасоли или гороха. Голодовками он довел себя до такого состояния, что не мог даже сидеть, он похудел, живот его ввалился до такой степени, что через кожу можно было видеть его позвоночник. Вся кожа его стала тонкая и почти прозрачная, как пергамент. Сиддаратха научился дышать очень

редко – всего несколько глубоких вдохов в сутки. Он научился внутренне концентрироваться и впадать в такой транс, что окружающие принимали его за уснувшего. Он полностью отрекся от тела...

Прошло долгих шесть аскетических лет, но откровение так и не приходило. Истощение Сиддаратхи достигло крайнего состояния. Однажды, когда он от голода потерял сознание, а возможно, и вообще уже просто тихо умирал, его увидела одна сердобольная женщина и накормила его, когда он был в забытии. Пища вдохнула в него жизнь, он открыл глаза, и по-новому взглянул на жизнь. Так всегда бывает: когда человек фактически возвращается «с того света», он становится большим жизнелюбом.

Сиддаратха понял, что вместо обретения сверхчеловеческой мудрости, он просто дошел до крайнего физического истощения. Он решил, что существует другой, лучший путь достижения всепонимания. Он вспомнил, как в детстве, когда отец работал в саду, он садился в тени яблони, освобожденный от каких бы то ни было желаний. Он забывал о собственном теле, а мысли его – или душа? – парили где-то высоко в небе. Может, именно такая умиротворенность ума и нужна: спокойная концентрация ума без каких-либо мыслей и желаний? Начавши опять нормально питаться, Сиддаратха продолжал каждый день помногу заниматься медитацией. Однако когда архаты увидели, что Сиддаратха изменил аскетическому образу жизни, они покинули его, разочаровавшись в нем. Сиддаратха же вскоре научился концентрироваться на каком-нибудь неподвижном объекте, убивать все мысли, отключать сознание и парить где-то в небытии... Вскоре он достиг полной чистоты ума и понял, что жизнь самоистязаний и боли ничем не лучше, чем жизнь в роскоши и радости, которая ведет к вечным мучениям после смерти. Но ведь если мучения праведны при жизни, то должны быть праведны и мучения на небесах! А разве вечная жизнь должна состоять из одних только мучений? Что-то здесь не так...

Однажды Сиддаратха, сидя в тишине в тени развесистой яблони, решил во что бы то ни стало дождаться озарения. Он сидел долго, он был готов умереть, но дождаться этого озарения. И вот в какой-то момент перед ним появился злой дух Мара, который пытался искушить Сиддаратха, но безуспешно – тот устоял. И тогда

озарение снизошло на Сиддартха . Так Сиддартха стал Буддой.

Будда-Сиддартха понял, что всей жизни человека сопутствует страдание: человек рождается в страданиях, живет в страданиях, проводит старость в страданиях и, наконец, умирает в страданиях. Человек терпит эти страдания потому, что хочет жить. Тришна, то есть жажда жизни, и есть основная причина страдания человека. Надо погасить в себе волю и жажду жизни и тогда обретешь нирвану.

Будда понимал, как людям с их слабостями и неумными желаниями будет трудно понять его. И действительно, многие его попытки проповеди были безуспешными. Но голос свыше повелевал ему продолжать распространять его учение.

Тогда Будда решил вернуться к тем пяти асхатам, с которыми жил раньше и которые отреклись от него, когда он кончил свой голодный пост. Будда пошел к ним в олений лес под Бенаресом, чтобы убедить их присоединиться к нему.

Пятеро асхатов сначала без особой радости встретили Будду, но почти всем пятерым одновременно показалось, что вокруг его головы тускло поблескивал едва заметный нимб. И они поняли, что к ним пришел новый, просветленный человек... Они уверовали в него. И они пошли за ним. И они стали проповедовать его учение.

Бхикшу, как называли странствующих монахов, образовали сангху, или общину. Все они обрились и оделись в желто-оранжевые хламиды, наподобие той, в которой Будда предстал перед ними впервые. Они молились, их ритуалы были чем-то похожи на ритуалы брахманов, возможно, потому что они когда-то были брахманами. Бхикшу сочиняли гимны, которые пели обычно перед ночлегом:

*В небе гремят барабаны грома.
Дождь наполняет ущелья огромные.
Бхикшу в пещере под каменным сводом...
Покой и свобода. Покой и свобода...
Пусть стонет небо, от молний рваное –
Прогоним все мысли! Нирвана ... Нирвана...*

В то время жил в Бенаресе в неге и роскоши некто Яса, сын

золотых дел мастера. Услыхав про Будду и про его необычное учение, он посетил его и, уверовав в святость Будды, стал его первым учеником. Вскоре к ним присоединились четыре друга Ясы, а потом еще пятьдесят человек.

Встретил Будда трех братьев-брахманов из семьи Кашьяпа. У них было около тысячи последователей-учеников. Старейший из Кашьяпов стонет Урувила не поверил, что Будда святой. Тогда Будда использовал свою магическую силу и показал им одно из чудес, которыми он владел, и пораженный Урувила, а с ним его братья и еще пятьсот человек присоединились к Будде.

И Иисус вспомнил своего персидского друга, Аббаса, который говорил ему буквально то же самое!

— Действительно, — думал Иисус, — разве мог бы мудрый еврейский пророк Моисей добиться чего-нибудь словами, убедить своих соплеменников словом так, как он убедил их при помощи нескольких магических превращений? Конечно, то, что море разверзлось перед исходящими из Египта евреями, а потом сомкнулось над преследователями-египтянами — это не более, чем мифологическая гипербола. Но превращение змей в посох — разве не напоминает это гипнотический трюк индийского факира, заставившего сначала обычную джутовую веревку застыть вертикально, а потом еще вдобавок повелевшему мальчику лезть вверх по этой веревке? Ведь это видят одновременно десятки людей и верят этому! Да я и сам видел это!

Будда и сопровождавшая его тысяча паломников направились в Раджагрих, столицу Магадха. Там он вновь встретил Бимбисара, который, как и предрекал Будда, действительно стал царем царства Магадха. Царь попросил Будду учить его, как он обещал, что Будда и сделал. После этого Бимбисар объявил, что все пять предсказаний сбылись: он стал царем, Будда пришел в его царство, они встретились, Будда обучил его, и он понял учение. В знак благодарности, царь подарил Будде с его общиной обширную бамбуковую рощу под монастырь.

Царь Суддходана, узнав, что его сын стал Буддой, послал своего визиря уговорить Сиддартху вернуться домой. Когда сын приехал навестить его, отец стал упрекать сына, что тот, будучи богатым человеком, отказался ото всего и стал просить милости-

ню. Но Будда ответил, что жить на подаяние – не грех: зато он нашел то, что не променял бы ни на какие богатства мира – успокоение и просветленность.

Будда пытался проповедовать в царстве Капилавасту, которым правил его отец, но его словам мало верили: ведь люди помнили его еще обычным юношей, который ничем не отличался от них самих.

– Да, – подумал Иисус, – нет пророка в своем отечестве! А каково будет мне в моей малюсенькой стране? Уж в Галилею мне точно пути заказаны. А там только Иудея да еще Самария, в которой живут не такие уж дружественные люди.

Будда решил покинуть царство Капилавасту и, взяв с собой своего сына Рахулу, которому было десять лет, пошел бродить по Индии с проповедями. Община последователей Будды разрослась уже до восьмидесяти тысяч человек.

Будда не только учил новой религии, он помогал людям в их бедах и заботах, врачевал. Сохранилось несколько притчей о том, как Будда решал некоторые мирские проблемы. Ашока рассказал Иисусу некоторые из притч. Вот одна из них.

Потеряв единственного сына, одна женщина была убита горем и обратилась к Будде за помощью. Будда не знал, как ее успокоить, как ей объяснить, что смерть есть неотъемлемая и неизбежная часть жизни: ведь все, что родится, – все умрет рано или поздно. Как можно утешить бедную мать, если только не спокойным объяснением неизбежности произошедшего. Да, это не поможет горю, но успокоит. Тогда Будда сказал, что оживить ее сына он сможет только в одном случае: пусть женщина принесет ему горсть горчичных семян, которые ей дадут в той семье, где никто никогда не умирал. Мать задумалась и поняла, что хоть горе ее и безгранично, никто не избавлен от подобного горя – такова жизнь. И она смирилась с неизбежным.

Однажды Будда отослал из общины одного из бхикшу за то, что тот отказался признать, что поступил плохо. Не все одобрили за это Будду: ну, подумаешь, велик ли грех? На что Будда сказал: «Есть два плохих поступка: не просить прощения после свершенного греха и не прощать того, кто кается в свершенном».

– Идея покаяния – как очищение от греха! – подумал Иисус. – Ведь в каком-то смысле покаявшийся грешник для проповедника дороже сотни праведников. – И тут же сам себе ухмыльнулся. – К тому же, какой же проповедник любит праведника, который праведнее его самого?

Победа над страстями делает человека миролюбивым, щедрым, сострадательным. «Никогда ненависть не прекращается ненавистью», – говорил Будда своим ученикам. – «Ненависть можно преодолеть любовью, зло – добром, жадность – щедростью, ложь – правдой».

– Любовь к окружающим – это высшее, что дано человеку. – Подумал Иисус. – Любовь к себе – это инстинкт, любая тварь любит себя, борясь за жизнь. Любая тварь Божья любит и своих детенышей – свое продолжение в этом мире. Но любить ближних своих дано только человеку, и он должен творить это богоугодное добро. И опять же, важно хорошо и афористично высказать эту мысль: Возлюби ближнего, как самого себя!

Будда оставил своим последователям Панча Шила, как назывались его пять заповедей: не убивай; не пьянствуй; воздержись от похоти; не кради; не лги.

– Как похожи эти правила на заповеди Моисея! Ну, да это и не странно: для того чтобы люди выживали в обществе, нужно, чтобы они взаимно придерживались этих правил, ибо тогда каждому будет хорошо. Поступай по отношению к другому так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой – это же так очевидно! Будда говорил еще, что «хорошо сказанное слово человека, который не следует своему же слову, столь же бесплодно, как прекрасный цветок, лишенный аромата».

– Слишком витиевато... Нужно попроще. – Подумал Иисус. – Почему бы не сказать это так: «Не по словам, а по делам вашим судимы будете».

Будда дожил до глубокой старости. Когда ему было уже больше восьмидесяти лет, тело его вдруг начало сохнуть и буквально уменьшаться в размерах, он предрек себе смерть через три месяца. Его последние слова были: «Бхикшу, братия мои! Все сущее преходяще. Пекитесь о своем спасении!»

– Да, спасение души – это должно быть главным в новой религии. – Размышлял Иисус. – И смирение. Бунт никогда никому ничего не давал. Значит, Единый Бог, Царствие Небесное, нетленность души и служение Богу - вот краеугольные камни нового моего храма...

*****

Иисусу исполнилось двадцать девять лет... И вот через несколько месяцев, перед новым годом по восточному календарю он отправился обратно, домой. Настало время выполнять свое предназначение...

Часть 3: ДЕЯНИЯ

ГЛАС ВОПИЮЩЕГО В ПУСТЫНЕ

Ходил в те дни в пустыне Иудейской некто Иоанн, которого многие даже почитали за Пророка, поскольку он проповедовал и крестил людей. Было у него два прозвища: «Креститель», потому как он крестил людей в реке Иордане, и «Предтеча», поскольку он все время пророчествовал, что грядет Мессия, а я – лишь его Предтеча.

Проповедовал Иоанн Креститель в пустыне, поскольку из городов его нещадно гнали: вещал он громко и монотонно своим противным скрипучим голосом, что выводило из терпения усталых горожан. Ведь и без того у них голова болела от ежедневных хлопот и неприятностей: то воды не хватает, то с хлебом перебои, то вдруг подать какую власти римские неожиданно возложат на обесиленные людские плечи.

Словом, не до краснобайства пророческого было рабочему люду. Посему Иоанн обитал за городскими стенами, блуждая по пыли и вещая свои пророчества оттуда. Его так и прозвали - «Глас вопиющего в пустыне».

Собственно, пришествие Мессии и было единственное его пророчество. Правда, еще он вещал о некоем Царствии Небесном, которое есть рай на небесах, где блаженствуют души праведников. Остальное, что он глаголил, носило в основном характер нравоучений, а иногда и прописных истин.

Откуда он взял саму идею крещения – неясно. Говорили, что кто-то занес этот обычай, побывав у реки Ганг, где толпы людей заходили в реку, чтобы очиститься и приблизиться к Богу. Но это были просто толки: никто не знал точно, почему Иоанн крестил водой.

Иоанн вел аскетический образ жизни, ходил он в грубой одежде из верблюжьего волоса, опоясанный кожаным поясом. Питался он только чем Бог подаст – польнью да медом диких пчел. Иногда сердобольные соотечественники приносили ему какую-никакую еду, от которой он гордо отказывался, откладывая в сторонку. Однако, когда люди, приносившие дары, уходили, он с жадностью набрасывался на оставленную ему скудную пищу. Что делать, голод – не тетка, он одолевал даже закаленного воздержанием Иоанна. Но нужно отдать ему должное: в еде он был неприхотлив, как говорится, ел все, что жуется, и обычно подбирал все до единой крошечки: даже и милосердные не баловали его многим, поскольку и малое отрывали от самих себя.

Как вы уже, наверное, читатель, догадались, Иоанн Креститель и был как раз сыном того самого Захарии и той самой Аароновой родственницы Елисаветы, что была дальней родственницей Аарона – самого первого еврейского священника, назначенного самим Моисеем, который приходился ему старшим братом. Именно Иоанна Господь, действуя через священника Иосафата, подарил Елисавете в ее преклонные годы.

Хоть и гоняли Иоанна из города, но очень многим был симпатичен этот простецкий молодой парень, который к тому же хорошо владел речью и умел такое загнать, что поневоле заслушаешься. Некоторые его почитали за действительного Пророка и прислушивались, когда он вещал, что грядет-де Мессия, а уж когда он говорил про Царствие Небесное, то число любопытствующих слушателей еще более возрастало. Очень уж было всем интересно

узнать про какую-то загадочно-дивную страну, расположенную непонятно где, но куда путь никому в принципе не заказан: большинство из них ведь из своей деревни или городка выбирались не чаще чем раз в год на какое-нибудь богослужение, да и то не далее, чем стадий за сорок-пятьдесят. А чаще не получалось и такого путешествия: хоть Бога почтить и надо, но ведь обувка-то не казенная, а ее за день изнурительной ходьбы по камням так измочалить можно, что потом хоть выбрасывай!

Потому народ даже обрадовался, что в округе объявился некто, кто и крестит, и благословляет, и грехи отпускает, и еще байки всякие рассказывает. И стали к Иоанну люди ходить за советами, которые тот давал безотказно и по любому вопросу. Как говорится: на любой вопрос – любой ответ! А особенно любили его молоденькие девушки, которые, смущаясь и краснея, поверяли ему свои не всегда уж такие невинные грехи. Доверяли они ему самое сокровенное и были при этом уверены, что ни словечка не выпорхнет из уст «чокнутого равви», как они его называли. Но не только девушки исповедовались Иоанну. Постепенно все больше иерусалимлян и других людей посещали отшельника в его пустыне, а потом и странники со всей земли Иудейской зачастили: молва об Иоанне быстро разнеслась по стране. А что нужно-то людям? Если нет счастья, то хоть капельку чуда!

Поговаривали, что он-то и есть тот самый Мессия-Христос, о котором сам же вещал: де защитник он простого люда и от римских супостатов, и от своих тетрархов-кровапийц с их жадной челядью. А скрывает свое истинное лицо токмо из боязни быть убиту как врагу государства.

КРЕЩЕНИЕ ИИСУСА

Пришел из Назарета Галилейского и Иисус, чтобы креститься от Иоанна. Решил он, что если покрестится, то ничего у него от этого не убудет. А вдруг от крещения что-то и прибудет? Почему бы ни попробовать! Вот обрезание, правда, ничего нового в его жизни не прибавило, хотя и необходимо было по закону Моисееву. Мария, его мать, рассказывала родственникам, что перенес Иисус обрезание до-

вольно тяжело, был весь в жару, безостановочно плакал, едва не помер – ведь всего-то от роду было восемь дён: еще и силенок в этом мире не набрался!

А у Иоанна с его ритуалом все было просто, это тебе не с крайней плотью расставаться: вошел в воду да дал себя окропить той же речной водою – всего и делов-то! Напомнило это Иисусу индийские обряды с омовением в мутной воде реки Ганг. Там он этого обряда постарался избежать: неровен час, проказу или чуму подхватишь в мутной воде, где плещутся тысячи и тысячи людей! Здесь же совсем иное дело – вроде пришел в речке искупаться.

К тому же хотелось Иисусу еще и посмотреть на того, кого все Пророком называли, да послушать его – это ведь никогда не вредно. К тому же заинтересовало Иисуса, что же такое Царствие Небесное? И откуда Иоанн прознал про эту чудесную заоблачную страну? И невдомек было Иисусу, что Иоанн его близкий родственник – почти двоюродный брат!

Подошел Иисус к Иордану, где на отмели, стоя по колено в воде, Иоанн крестил людей водою, произнося какие-то заклинания на непонятном языке. Может, это и вовсе был бессмысленный набор звуков, кто знает, но главное – как эти звуки переливались, с каким выражением произносились!

Иисус подошел к берегу своей обычной походкой уверенно-го в себе человека. Сказывались многие годы материнского воспитания: коли он Божий сын, то не с руки ему горбиться или мельтешить ногами. Он всегда ходил широким, уверенным шагом, расправив свои могучие плечи и высоко держа голову с вьющимися белокурыми кудрями. Одним словом, излучал Иисус какую-то необъяснимую силу и необычную уверенность, и он знал об этом.

Увидел подошедшего юношу Иоанн, и что-то ёкнуло у него в груди. Ведь верил он в свои собственные предсказания и ждал Мессию. Да и немудрено: коли долго мечтать о чем-то, так и померещиться может! В каждом он пытался угадать: не он ли, не он ли? И вот появился человек, который явно произвел какое-то необычное впечатление на Иоанна всем своим видом, своей уверенной манерой держаться. Иоанн спросил незнакомца с намеком:

– Скажи, незнакомец, мне ли тебя крестить или же от тебя мне креститься?

Понял Иисус, что подействовали на Иоанна его чары. Может, мать-то и права? Может, и есть в нем нечто божественное? Но ответил он Иоанну на вопрос вопросом:

– Не я ли к тебе пришел?

Вроде ни да, ни нет... Не получив прямого ответа, Иоанн совсем смутился, сомнения закрались в его душу: «Не иначе, как он... Не иначе, как он...» И сердце радостно заколотилось: «Сбы-лось-сбы-лось-сбы-лось-сбы-лось...»

Уверовал Иоанн, что сподобилось ему крестить самого Мессию. Вот ведь везение-то какое! И приготовился Иоанн с замирающим сердцем совершить свой незамысловатый обряд крещения Иисуса.

Хотя уже перевалило за полдень, все еще палило безжалостное июльское солнце, жаркий липкий воздух обволакивал тело. Дышать было трудно. Парило, как перед грозой. Свинцовая туча уже застила горизонт, неумолимо надвигаясь на толпу, сгрудившуюся на берегу реки.

– Кабы эта гроза не нарушила обряда крещения, – подумал Иоанн, – глупо же мне кропить их водой, когда сверху обрушится лавина дождя! Да и останутся ли? Ведь при первых же сочных грозных каплях с небес, разбегутся все, кто – за городскую стену по домам, а кто – под кусты да под деревья...

От жары и долгого и напряженного дня крещения – почему-то народу в тот день привалило необычно много – у Иоанна гудела голова и в глазах бегали темные букашки-мурашки. И когда Иисус входил в реку, заслонив своей головой для Иоанна солнце, то померещилось тому, что будто лучами озарена голова Иисуса.

Вошел Иисус в реку, и крестил его Иоанн.

«Хорошо, – подумал Иисус, – что Иордан не Ганг, а то бы поразнес Иоанн заразы по Палестине своим обрядом!»

Когда же выходил Иисус из воды и уже поднялся на пологий берег реки, всполохи дальних зарниц вспыхнули на небе, и почув-

дилось Иоанну, что светлый ореол опять озарил голову незнакомца...

Оглянулся Иисус на Иоанна и подумал: «Есть что-то притягательное в его действиях и речах. Но путь, который он выбрал для проповедования своих идей – неверный. Много ли можно обратиться в свою веру, делая все в одиночку, даже если эта вера, действительно, хороша? Нет, я пойду другим путем! Я соберу группу верных учеников, которые последуют за мной и будут проповедовать то, чему я их научу. Один в поле не воин, а уж по колено в воде - и тем более!»

Туча приближалась неумолимо. Вот уже повеяло освежающим предгрозовым ветерком. Младшие братья самумов – маленькие змейки-вороночки потянулись ввысь от пыльной земли, пытаясь оторваться от нее, взлететь вверх, к небесам. Но они быстро умирали, а поднятые ими соломинки да жухлые листья беспомощно падали обратно на землю. Но маленькие вихри зарождались вновь и вновь, чтобы опять так же бесславно погибнуть... С приближением тучи будто наступали преждевременные сумерки. Люди суеверно поглядывали на тучу, как на что-то живое и недоброе, что может принести им вред своим недружелюбным приближением.

Иоанн благоразумно свернул процесс крещения, объявив уже вполне членораздельно, чтобы те, кто не получил крещения и благословения сегодня, приходили бы завтра поутру. Сегодня пусть силы небесные окропят сам Иордан, чтобы было у него вдосталь воды для страждущих и жаждущих. Прихожане (а как их назвать иначе: они же пришли!), галдя и толкаясь, помчались внутрь городской стены, чтобы укрыться от сильной грозы, какой не бывало уже много-много месяцев. Только Иоанн никуда не спешил: небо было его кровом, земля была его обителью. Кроме этого, он ничего не имел. А к невздам житейским он уже привык. Он не рискнул спрятаться под развесистым платаном – неровен час, угодит в него молния! - а забрался под густые – не продерешься! – кусты можжевельника.

Иисус же не спеша, но уверенным шагом также направился в сторону городских ворот: пора было искать ночлег. А завтра... А что завтра? Надо время, чтобы собраться с мыслями, подумать, решить, как жить дальше. После многих лет странствий по полу-

денным странам, он немного отвык от родины, от ее обычаев, даже от ее языка...

Он решил на время удалиться от людей и тоже пожить отшельнической жизнью. Вот только пройдет эта гроза... Да, родина встречала его грозой... Он не был суеверен, но был глубоко убежден, что просто так ничего не бывает.

Он вспоминал годы, проведенные в Персии и Индии, вспоминал, как хорошо было погружаться в нирвану будучи далеко-далеко от людей, от мирской суеты, от всего, что заслоняло светлые небесные видения... Да, он непременно последует примеру Иоанна – побыть одному так необходимо!

А гроза неумолимо приближалась. Вот уже раздались первые раскаты грозного грозового грома, ветер закрутил уже нештучные вихри, песок и даже мелкие камушки больно колотили, особенно по обнаженным местам: по ногам, по рукам, по лицу. Убогий хитон буквально срывало с тела. Иисус не удержался и побежал в сторону городских ворот, прикрывая глаза рукавом своей одежды.

Что же несла с собой эта гроза?..

СИМОН И АНДРЕЙ

После крещения, Иисус всерьез задумался о том, как и ради чего жить дальше. Прожив около месяца в пустыне, он более или менее четко сформулировал ближайшую цель: собрать отряд верных и убежденных последователей, отточить идеи новой веры и начать распространять новую веру в Галилее и Иудее.

Идя от Иордана на север, он добрался, наконец, до приморского городишка Капернаума. Собственно говоря, приморским этот город можно было назвать лишь с большой натяжкой, ибо море само было на самом деле озером Киннереф, которое галилеяне гордо называли Галилейским морем. Это уж как водится: всяк кулик свое болото хвалит! Ну, сами посудите, что это за море: с севера на юг - стадий сорок-пятьдесят, а с востока на запад и того не более пятнадцати!

Побродив по Капернауму, двинул он стопы свои на восток и, не пройдя и десяти стадий, подошел к еще меньшему горо-

дишке – Вифсании. Проходя берегом этого горе-моря Галилейского, увидел Иисус двух дюжих молодых, помогавших отцу своему Иосифу латать видавшие виды сети. Подойдя к ним, узнал Иисус, что они братья: старшего звали Симон, а младшего – Андрей. Погуторили мужики, да и уговорил их Иисус идти с ним, сказав: «Я сделаю вас ловцами людей!»

– Это как? – спросил младшой.

– «Как-как!» – Утка кряк! – прикрикнул на него старший брат. – Вишь, работу нам хорошую предлагают. Чай, человек-то больший улов, чем наши рыбешки!

– А я что... Я как ты...

Всю свою недолгую еще жизнь Андрей привык подчиняться старшему брату. Он его и боготворил, и побаивался, хотя больше, чем подзатыльника, правда, беззлобно, никогда от того не получал.

И бросив отца своего с недоштопанными рваными сетями, парни, вытирая руки об портки, пошли, не оглядываясь, за Иисусом.

Понял Иисус, что сам-то он первых двух людей уже поймал. Неплохо для начала! Понравился ему Симон – решительный, жесткий. Именно на таких держится любая армия: приказы не обсуждают, начальник всегда прав. И сказал ему Иисус:

– Станешь ты отныне не Симон, а Кифа, что означает «камень», ибо поверил ты мне твердо и без раздумий! По-гречески же имя твое будет Пётр. Будешь ты с этого дня моей правой рукой.

И пошли они уже втроем: Иисус и братья Иосифы.

ИАКОВ С ИОАННОМ И ФИЛИПП

Не прошли они и пары стадий, как увидели других двух братьев – Иакова и Иоанна, на берегу около лодки с отцом их, Зеведеем. Иосиф, отец Симона и Андрея, был в каком-то дальнем родстве с Зеведеем, они частенько хаживали друг к другу на чашу виноградного вина, жены их были близки, а посему и парни были дружны с детства. Петр, подойдя к Иакову и Иоанну, позвал их подойти послушать, что им скажет умный человек. Те согласи-

лись и, разинув рты, слушали, что говорил им Иисус: больно уж увлекательно Иисус рисовал будущее.

Иаков почесал темечко и сказал, что надо с отцом переговорить. Отец легко отпустил сына, надеясь, что с отхожего промысла сын принесет домой больше, нежели работая с ним: улов нынче был неважный, поизвели, видимо, рыбу в море-озере. Иоанн тоже стал канючить и проситься с братом. «Да мал ты еще!» – пробурчал Иаков, но уступил назойливым просьбам своего младшего брата. Итак, получив благословение отца, оба брата Зеведеева также последовали за Иисусом.

На другой день, идя дальше, увидели братья Зеведеевы какого-то паренька, который, оказывается, жил с ними когда-то по соседству. Оказался это Филипп, который без колебаний с радостью согласился присоединиться к Иисусу и братьям Зеведеевым с братьями Иосиевыми.

Так и начали они ходить по Галилее, вокруг да около озера Галилейского, проповедовать да людей учить. Интересную они составляли компанию: впереди шествовал с пшенично-светлыми волнистыми волосами, спадавшими до плеч, Иисус, за ним два брата Иосевы, Пётр да Андрей, рядом с которыми вышагивал и Филипп. Была эта троица темноволоса, даже не просто темными были их волосы – они были иссиня-черными, цвета вороньего крыла. Замыкали шествие медно-рыжие братья Зеведеевы, Иаков да Иоанн. Вместе они составляли необычный ансамбль, который своей красочностью бросался в глаза и привлекал к себе всеобщее внимание.

Каковы же были они, первые спутники Иисуса?

Петра Иисус возвышал надо всеми, поскольку тот был слепо предан ему. Здоровенный мужлан с черной густой – не проде-решься! – бородой, с наивными по-детски глазами, он был для Иисуса, как сторожевой пес: он всегда ограждал его от настырных и назойливых любопытствующих и попрошаек и прокладывал дорогу в толпе, оря своим зычным голосом: «Апастра-а-а-нись! Посторонись, говорю!»

Иисус слегка подтрунивал над ним, конечно, любя, но тот шуток не понимал, хотя, когда все дружно смеялись над Иисусовыми словами, он к ним тоже присоединялся и смеялся шуткам столь же искренне. Был он добр, за его грубоватыми манерами прогля-

дывалась щедрая душа, за что его все любили, хотя он был и строг.

Андрей был тенью Петра. С самого детства он обожал старшего брата, буквально смотрел ему в рот, повинаясь беспрекословно любым приказам Петра. Он был весьма недалек, если не сказать, что даже малость глуповат, но зато безотказен и беззлобен, что делало его удобным партнером во всех делах. Делал он все истово, самозабвенно, не задумываясь, зачем и почему: так надо! Иисус, понимая истинную цену Андрею, старался не поручать ему никаких самостоятельных дел: ведь заставь дурака Богу молиться, он себе и лоб расшибет!

Филипп был личностью незначительной. Иисус понимал, что он примкнул к нему лишь за компанию с братьями Зеведеевыми. Позови они его на рыбалку или девок пощекотать, он поперся бы с ними с той же радостью. Но парень он был, хоть и без царя в голове, но добродушный, покладистый и услужливый.

Иакова Иисус почитал за терпеливого и внимательного слушателя. Тот всегда по-собачьи преданно смотрел на Иисуса своими большими черно-вишневыми немного блудливыми глазами. Был он, конечно, тоже при бороде, но росла она у него как-то клочьями, а жиденькие пейсы торчали во все стороны, создавая вокруг лица его бронзово-красный ореол. Как и большинство рыжих, Иаков был конопат предельно: шея, плечи, руки аж до самых пальцев были испещрены веснушками, которые были покрыты лохматými, топырившимися волосами. Иаков никогда не задавал вопросов, но Иисусу казалось, что из пятерых он был более всех рассудителен и сообразителен. Впрочем, это суждение о нем могло быть и ошибочным, хотя не зря, наверное, говорят что слово – серебро, а молчание – золото.

Иоанн, младший из братьев Зеведеевых, был самым юным и почитал Иисуса за отца своего, ластился к нему как ребенок, и Иисус частенько разрешал ему возлежать у себя на груди, чем иногда вызывал неудовольствие остальных, принимавших эти взаимные ласки за проявление содомических наклонностей. Но уж если и думать можно было плохо о ком из них, так уж скорее об Иоанне. Он и с братом своим Иаковым иногда затевал довольно странные игры. Мальчик – а это был еще действительно почти мальчик, са-

мый юный из них. Был весьма деликатного, можно сказать, даже девичьего сложения, с нежной шелковистой кожей, не тронутой, как у его брата, веснушками, но с такими же кудрявыми огненно-рыжими волосами, как у брата, с гладким юношеским лицом, на котором только легким намеком начал пробиваться светлый пушок над верхней губой.

Таковы были первые спутники Иисуса, первые его последователи и ученики. Можно было, конечно, найти кого и получше, но так уж вышло: они первые попались на глаза, а других в начале пути не оказалось.

Что делать: на безрыбье и рак рыба, как говаривали рыбаки-галилеяне, вытаскивая из пустых сетей случайно запутавшегося в них рака.

ФАДДЕЙ И МАТФЕЙ

Идучи берегом с севера на юг того же моря Галилейского, проходили они мимо какого-то захудалого городишки – то ли Химнерефа, то ли Магалы – и увидели мытаря, сидящего у сбора пошлин. Подошел к нему Иисус, представился, тот в ответ назвался Леввеем. Разговорились. Мытарь был польщен, что такой на вид образованный и, возможно, даже знатный человек так запросто толкует с ним, презренным парией. Мытарей в народе не любили, как не любят нигде сборщиков податей. А в чем, собственно, они виноваты-то? Ведь так уж мир устроен: один платит подати, другой их собирает, а третий – кладет их себе в карман. Так же, как ни за что не любят тюремщиков: ведь не будь преступников и не будь тех, кого надо от них защищать, – и тюрьмы были бы не нужны!

Пригласил Леввей Иисуса с его друзьями к себе домой и устроил там угощение, на которое позвал еще и других своих друзей-мытарей. И возлежал с ними Иисус, трапезничал, и вел беседы умные, и многих склонил на свою сторону.

Больше всех понравился Иисусу один из мытарей – Матфей. Он очень трепетно внимал каждому слову Иисусову, а иногда и вопросы задавал, дельные и глубокие. Понимал Иисус, что слушать

это еще не значит услышать, но вот вопрос задать может только тот, кто понял почти все, что слышал, но хочет узнать еще чуть больше. И подумал Иисус: «Хорошо бы его к нам приобщить. Будет дельный последователь мой. Ведь не только руки да ноги нужны, надо бы и головой обзавестись в моей общине. А то ведь все на мне!»

Правоверные иудеи, увидев, что Иисус трапезничает с грешниками и мытарями, коих все не любили, говорили ученикам его: «Как так?! Ваш учитель и ест, и пьет с мытарями! Как же вам только не стыдно есть и пить с презренными грешниками?»

Услышав это однажды, Иисус ответил им:

– Не здоровые имеют нужду в лекаре, а больные! Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию. Кроме того, чем мытарь хуже уважаемых правителей? Мытарь собирает подати с народа, но не для себя же собирает! За что же презирать его? Он ведь, как и рыбаки, и пастухи, зарабатывает на жизнь себе и семье своей. А уж если кого и презирать, так это тех самых праздно живущих богатеев, к которым эти денежки и стекаются!

Ну, что на это ответишь? Трудно было возразить Иисусу: хотя мытарей все равно все ненавидели – такова уж натура человеческая. При этом многие тайно им даже завидовали – работа не пыльная, постоянная, и оплата хорошая, а тут ишачь то ли на баркасе с вонючими сетями, то ли под палящим солнцем по склонам гор, гоня стадо тупых и непослушных коз да овец!

После трапезы сказал Иисус Леввею: «Следуй за мною, будешь не подати собирать, а души человеческие...» Потом оглянувшись на Матфея и обратился к нему:

– Вижу я в тебе незаурядного человека, Матфей. Был бы рад, если бы ты был рядом, мы бы – я уверен – стали хорошими друзьями. И верю я, что ждет тебя великое будущее!

И оба, Леввей и Матфей, оставив всё, последовали за Иисусом. Так еще двое прибавились к дружке Иисусовой. Леввею было дано прозвище Фаддея.

ЗАТОЧЕНИЕ ИОАННА

Спустя какое-то время, узнал Иисус, что Иоанн схвачен и отдан под стражу. Оказывается, не только крестил да грядущего Мессию провозглашал Иоанн: он еще взялся и за власть предержавших. Самого четверовластника Иудей Ирода Антипу обвинил в греховном образе жизни. Конечно, далеко не праведником был Ирод, но кто из нас не без греха? Не мог стерпеть этого четверовластник, приказал схватить Иоанна и заточить в темницу, хотя повод для этого нашел не личный, а государственный: мол, Иоанн, говоря о приходе некоего Мессии, или по-гречески - Христа, призывает народ к бунту против римской власти, а заодно и против местных еврейских управителей. Ведь еще свежа была в народе память – не прошло и сотни лет! – как безродный раб-фракиец Спартак вот так же ниоткуда и неожиданно возник и повел своих друзей- гладиаторов на борьбу с Римской империей. И Иоанн, мол, подталкивает народ к неповиновению государству и церкви.

Узнав про заточение Иоанна, Иисус искренне сожалел о случившемся, но втайне почувствовал даже какое-то облегчение, что не объявил себя Иоанну Мессией, иначе тот был бы вправе был ожидать от него защиты и выручки. А что можно сделать против силы царя Ирода Антипы? Обломает он всех, как тростиночки: ведь против лома нет приема!

Действительно, нужно было бы быть сумасшедшим, чтобы попытаться выручить Иоанна из темницы: толстые стены, сильная охрана, да поддержки толпы не было никакой. Народ, крещенный Иоанном, стал быстро открепиваться от него - не дай бог из-за этого юродивого и сам в тюрюгу загремишь!

– И что Иоанн сунулся поучать тетрарха Галилейского да учить, как надо жить? – думал Иисус.

– Ну, да, увел Ирод Антипа жену брата своего Филиппа, который был четверовластником в Итурее и Трахонитской области. В конце концов, семейное это дело: самим братьям судить-рядить да одну бабу на двоих делить!

Но что Иоанну-то было за дело? Надо ли было ему лезть с поучениями? На все воля Божья, про это нельзя забывать: ни один волос не упадет с головы без воли Господа! А уж жена в чужую кровать уж и вовсе сама по себе не упадет!

Тоже мне, борец за нравственность! Так ведь можно договориться черти до чего! Что же и Давида, сродственника моего по отцу... Впрочем, если я Сын Божий, то Иосиф-плотник не отец мой, а отчим – вот путаница, прости Господи!.. Но вернусь к Давиду: он что же развратник и негодяй что ли, коли он жену своего военачальника Урии сначала затащил к себе в постель, а потом самого Урию послал на верную смерть? Нет, все с благословения Господня происходит в этом мире: ведь не зря же и Соломон, сын Давида и Вирсавии, бывшей Уриевой жены, стал любимцем Господним?

Иоанн же, сидя в темнице, слышал о делах Иисусовых, а посему послал двоих из учеников своих спросить у того, не он ли «тот, который должен придти»? Видно, сидя в застенке у Ирода Антипы стал Иоанн слабеть умом: ведь сам же сначала провозгласил Иисуса Мессией, а теперь посылает к нему же подтвердить, кто он есть. Подивились малость ученики Иоанновы такой забывчивости учителя своего, но что делать: слово учителя - закон...

Пришли они к Иисусу и изложили ему суть Иоаннова вопроса.

– Ну, что на это ответишь? – подумал Иисус. – Скажу «да» – вроде гордыня выиграла, скажу «нет» – делу своему урон нанесу... – И ответил на их вопрос Иисус уклончиво:

– Пойдите, расскажите учителю своему, что слышите и видите...

А говорили об Иисусе действительно много: он якобы и расслабленных лечил, он и бесов изгонял, он и слепых зрячими делал, он и мертвых даже воскрешал.

Ушли ученики Иоанновы, а Иисус опять призадумался: «Ну, да ладно – обойдется все с Иоанном! Казнить его Ирод не осмелится – вдруг народ взбунтуется? А посидеть в тюрьме никому не вредно – больше времени на размышления останется! Сколько умных людей через тюрьму образованными стали!

ПОДАРОК ИРОДА САЛОМЕЕ

Ничего, казалось, не предвещало серьезных неприятностей

Иоанну, но произошло непредвиденное. Как говорится, пролилось масло оливковое на пути Господни, чтобы идущий да оскользнулся!

Состоялся во дворце Иерусалимском шумный пир по случаю дня рождения Антипы. Впрочем, никто не знал точно, когда у него день рождения: вдруг внезапно объявляли о всенародном празднике, званые гости не явиться по приглашению четверовластника не могли, а явиться без подарка значило навлечь гнев, немилость и ссылку в глухую пыльную деревню где-нибудь на окраине... Поговаривали, что таким образом Антипа пополнял свою скудеющую казну.

Так вот, на это званом пиру, падчерица Антипы – Саломея, дочь Иродиады от Филиппа, так чудесно сплясала перед гостями, что растроганный тетрарх клятвенно пообещал падчерице своей все, что ее душенька пожелает – хоть полцарства! Саломея побежала к маменьке своей посоветоваться и вскоре вернулась, прося ни много, ни мало: голову Иоанна Крестителя на серебряном блюде!

Вот те на! Что делать Антипе? Хошь не хошь, а слово надо держать... Никто за язык не тянул, слово не воробей...

Отделили палачи голову Крестителя от брэнного тела и принесли ее на серебряном подносе. Жутковатая была картина, когда внесли поднос в зал, в котором пиршествовали гости: казалось голова была еще жива, выпученные с застывшим ужасом глаза буквально впивались в лица пиршествовавших, рот был полураскрыт и из него тоненькой струйкой стекала кровь... Бр-р-р!

Поднос подали Иродиаде, и та стала глумиться над мертвой головой, задавая ей непристойные вопросы и отвечая за нее же другим голосом. Кто-то угоднически подхихикивал ей, чтобы выслужиться перед Иродом, а некоторые, с трудом сдерживая себя и закрыв рты салфетками, пулей выскочили из-за столов в коридор.

Кровь, будто рубиновая слеза, капля за каплей, капала с подноса на белоснежное платье Иродиады...

*****

Наиболее рьяные почитатели Пророка Иоанна, услышав прискорбную весть о его гибели, пришли к Ироду и попросили обезглавленное тело учителя своего дабы предать земле. Взяв те-

ло, положили его во гробе. Куда же делась голова, никто не знал. Поговаривали, что Иродиада бросила ее дворцовым псам, но никто не знал наверное. Поговаривали, что накажет Господь Иродиаду да и Ирода иже с ней за такое святотатство, но ничего подобного не произошло: видимо, на этот раз волос с головы упал вместе с головой тоже с ведома...

Не было на похоронах Иоанна Иисуса. Ну, конечно, он бы непременно пришел! Но был он тогда далековато от тех мест, а с транспортом в те времена было, ох, как непросто!

ИУДА

Иуда часто вспоминал свое детство в городе Кариаф-Арбе, называемом также Хевроном. Он любил свой город – колыбель Иудей, столь же древний и столь же святой, как и сам Иерусалим. Ведь именно здесь когда-то в давние времена поселился Авраам.

Иуда был из набожной семьи, тору знал от корки до корки, как и положено добропорядочному иудею. Правда, чем больше он читал тору, тем больше у него возникало сомнений либо в подлинности ветхозаветных историй, либо в правильности поведения их героев. Был у него и свой взгляд на всю историю праотца Авраама. Он не мог рассказывать эту историю без улыбки.

Ведь все вы, конечно помните, как праотец наш Авраам, будучи еще просто Авраамом, с женой своей Сарой (тоже пока еще не удостоенной Господом удвоенного "рр" в имени своем), а также племянником Лотом... Да, да, тем самым Лотом, жена которого была всемилостивейшим Господом обращена в соляной столп, а дочери которого чуть позже, напоив папеньку до Зеленого Змия, возлегли с ним по очереди и зачали... Так вот, и с племянником Лотом, значит, ушел из Египта.

Что? Вы забыли-таки, почему Авраам «сделал ноги» из Египта? О, там была презабавнейшая история! Господь указал Аврааму путь в Египет – страна богатая, народ приветливый. Заметим, что после Авраама

Египет не без успеха посещало ни одно поколение евреев, но это уже иная история: Авраам был первым. И вот, когда входили в Египет, то Аврам, знавший, что жена его Сара соблазнительная женщина, сказал ей:

«Ты женщина прекрасная видом. Когда увидят тебя египтяне, то меня убьют, а тебя же оставят в живых. Скажи же, что ты мне сестра, дабы мне хорошо было через тебя». Так и вышло – ведь Авраам мудрый был человек, все предвидел. И не просто какой богатенький египтянин, а сам фараон положил глаз на Сару, взяв ее в дом свой.

Господь же, «без воли которого и волос...», etc., почему-то осерчал не на Авраама, обманувшего египтян и сторговавшего жену свою фараону, а на ни в чем неповинного фараона. Каким образом Господь донес волю свою до язычника-египтянина истории неизвестно, но фараон, ничтоже сумняшеся, отпустил Авраама с Сарой и племянника их Лота восвояси. Да вдобавок одарил их несметными богатствами – скотом, да золотом-серебром!

И пошел Аврам по солнышку, и пришел вскоре в земли Ханаанские, и поселился он у дубравы Мамре, что в Хевроне, а лишь обустроился – воздвиг жертвенник Господу. Так и прожил Авраам в Кариаф-Арбе наибольшее число лет своей жизни. Не было у Авраама с Сарой детей, но сначала родила от него служанка его Агарь сына Ишмаэля, а затем Господь одарил престарелую пару и собственным сыном – Ицхаком, известным также под именем Исаак. А свершилась воля Господня, когда было родителям малютки Исаачка без малого по сто лет...

А заодно Господь наградил Авраама гораздо более звучным именем - Авраам, а жену его Сару стали величать Сарра. Слышите, как звучит "Авр-ра-а-а-м", "Сар-р-ра" – это не просто звуки, это рык львиный!

Но вернемся от Авраама, отца-основателя благословенного города, к самому Иуде.

Отец Иуды, Мордехай, был местным судьей. Он был честен и справедлив, люди его любили. Род его корнями уходил к самым истокам Кариаф-Арбы, почему и род его звался Искарриоты. Праотец Мордехая, Фарра, был племянник Нахора, брата Авраамова, значит, был он троюродным братом Лота. Когда Лот отделился от Авраама и пошел в земли Иорданские, то Фарра остался с Авраамом. Стал он правой рукой Авраама, часто по его поручениям ходил в соседние земли. Так за ним и закрепилось прозвище «Фарра из Кариафа», которое потом трансформировалось в семейное имя «Искарриот».

Будучи правоверным иудеем, Мордехай, тем не менее, имел свое суждение относительно многих вопросов, касавшихся непрекаемой торы. Собственно, он не оспаривал торы, он скорее выражал свое мнение относительно правильности поступков тех или иных действующих лиц этой богодухновенной книги, включая и самого Господа. Само по себе это не было грехом – тора всегда считалась объектом обсуждения и толкования: талмуды помогали верующим не менее, чем сам первоисточник.

Этот скептицизм отца проник и в душу Иуды. Он был человеком весьма набожным, но бога воспринимал не слепо, не бездумно. Для него это был не просто Элохим-Шададай – Бог Всемогущий, некая внешняя субстанция, а нечто глубоко пронизывающее его самое, нечто направляющее его в жизни, некий принцип добра, милосердия и справедливости. Иуда понимал, что у каждого человека есть свое понимание Бога, потому люди и ведут себя по-разному. Но при этом Бог – един! И его преследовала идея: как сделать так, чтобы у всех был Бог добрый и милосердный. Он не понимал жестокости Бога Авраамова, который погнал отца на гору приносить в жертву собственного сына Исаака.

Да, Господь остановил руку потенциального сыноубийцы, но зачем, зачем такое испытание?! Он не понимал жестокости Бога Иовова, который, «испытывая» святого праведника, лишил его семьи и всего остального, включая его здоровье. Да, Господь вернул потом все, вернее, «выделил» ему новую жену, новых детей, но зачем отнимать жизни у невинных и мучить самого Иова?! А не слишком ли было жестоко обращать жену Лота в соляной столп лишь за то, что любопытная женщина обернулась и посмотрела на разрушаемую Господом Гоморру?.. Нет, Бог Иуды никогда бы так не сделал!

Иуда жил в священном городе, где сам воздух был пропитан былями и мифами еврейского народа. Дом его отца Мордехая стоял в южной части Кариаф-Арбы, рядом со священной пещерой Маарат-Махпела, где, по преданиям, покоится прах праотцев. Пещера эта была, ох, какая непростая: говорят, самому Аврааму однажды было видение, что в этой пещере похоронены сам Адам и его жена Ева, которую правоверные евреи называли Хава. Да и жену свою Сарру Авраам похоронил в той же пещере, завещав и себя похоронить там же.

Потом сам Царь Давид, будучи помазан на царство, первой своей столицей сделал Хеврон. Лишь через семь лет, завоевав Иерусалим, он перенес свой столичный град туда.

Рядом с пещерой Махпелой пролегает улица Царя Давида, главная улица города. На западе, где эта улица обрывается, находится городское кладбище, расположенное у подножья кургана Тель-Румейда...

Сколько раз Иуда с мальчишками бегал на это кладбище лакомиться малиной да ежевикой, заросли которой окружали кладбище, как живой забор! Особенно уважали среди мальчишек тех, которые ходили в малинник уже в сумерках. Хоть никто и не верил в загробную жизнь, но почему-то в стущавшейся темноте, мальчишкам мерещились вставшие из могил покойники, колючки, цеплявшиеся за одежду, казались когтями страшных чудовищ... Иуда никогда не был храбрецом. Да он и не признавал храбрость, как естественное качество человека. Он считал, что храбрость – это преодоление страха, преодоление трусости. В этом и был смысл ночных хождений на кладбище – воспитание смелости, вернее, победа над собственной трусостью.

Подвергал себя Иуда и другим испытаниям. Услышав от отца рассказ о том, как попавший в плен римлянин Гай Муций Сцевола, чтобы доказать врагам, что они от него ничего не добьются, сжег на костре свою левую руку, Иуда и сам начал подобные испытания воли. Конечно, до сожжения руки дело не дошло, но однажды обеспокоенная мать долго смазывала сыну страшные волдыри на левой руке, которые появились, незнамо как.

Когда Иуда возмужал настолько, что стал помогать отцу, окончившись в мир судейских дел, он увидел, как творится зло, насколько тяжело вершить справедливость, как деньги покупают лжесвидетельства... Отец надеялся, что сын станет его преемником, но судьба распорядилась по-своему. Однажды в Хевронской синагоге Иуда увидел необычайно мужественного, но в то же время тонкого и красивого проповедника, который говорил как раз то, что наполняло душу самого Иуды. Он так же проповедовал Бога добра и милосердия, он так же призывал к всепрощению. Он учил, что зло нельзя победить злом. Он учил, что только любовь к ближнему спасет человечество.

Эта встреча с Иисусом перевернула все в жизни Иуды.

ПОЯВЛЕНИЕ ИУДЫ

Однажды, проходя через город Хафараим, Иисус зашел со своими учениками в синагогу, где начал проповедовать свое учение. Собственно, учения еще как такового не было. Были еще недостаточно стройно сформулированные общие идеи о добре, о любви к ближнему, о милосердии. Но и это уже так отличалось от того, чему учили в те времена раввины!

Иисус в целом признавал законы Моисеевы, но при этом совершенно отвергал рудиментарный призыв «око за око, зуб за зуб».

– Зло может породить только зло, – говорил Иисус. – Тот, кто сделал зло по неведению – заслуживает снисхождения и прощения. Отмщающий же творит зло сознательно, а посему это грех. Добро же порождает добро. Творите добро, делайте людей счастливыми, а тем вы сделаете счастливыми и себя!

Среди толпы слушавших Иисуса в синагоге оказался молодой человек: темноволосый, нос с горбинкой, как у степного орла, умные, пронзительные, по-еврейски грустные глаза. Он слушал речи Иисуса особенно внимательно, подавшись вперед, словно боясь пропустить и единое слово.

– Но, равви, – спросил молодой человек, выбрав удобную минуту, когда Иисус сделал паузу, чтобы омочить пересохшие губы водой, – что есть добро? Ведь зачастую добро для одного оборачивается злом для другого. Ведь добро и зло – две половины одного целого. Ведь не может быть компаса, у которого оба конца стрелки указывают на север! Без зла мы не будем знать, что такое добро!

Понравился Иисусу этот юноша. Он очень уважал тех, у кого есть свое мнение. Именно такие люди, когда они уверуют в идею, становятся самыми преданными последователями этой идеи. Именно они позволяют этой идее сохранять свою первоизданную чистоту и развивать ее в должном направлении.

– Ты прав, друг, абсолютного добра нет. И трудно провести границу между добром и злом, потому как граница эта у каждого своя. Но, тем не менее, ты сам понимаешь, что есть добро, даже если ты и не можешь сформулировать этого словами.

– Еще, учитель, – продолжал юноша, – ты говорил нам о не-

противлении злу. Разве это правильно? Разве можно отдать без борьбы отчий дом, позволить врагу надругаться над своими близкими? Я согласен с твоим тезисом «не убий» в общем, но если ты убил врага, защищая своих детей, разве это грех?

– И здесь ты прав, незнакомец. В мире вообще нет абсолютных истин, которые верны всегда и при любых обстоятельствах... Но разве не ясно, что я говорю? Различи для себя добро и зло, любовь и ненависть, милосердие и жестокость, а поняв, что хорошо тебе, твори и для других то же: делай добро, люби ближнего, будь милосерден...

– Еще, учитель, ты говорил о справедливости... Что есть справедливость? Разве справедливо, чтобы все работали наравне? Ведь есть больные, есть калеки, есть старые – они не могут работать как здоровые. И если здоровый несет больший груз, чем хромый, то это справедливо. А если все будут получать одинаково, разве это правильно? Одному напитать тело нужно много, а для второго и малое уже кажется большим.

– А я и не собираюсь всех стричь под одну гребенку. Ты, наверное, слышал греческую притчу про Прокрустово ложе? Так ведь то ложе почти для всех – пытка! Я говорю о добре и милосердии – понимай это по-своему, а я буду понимать по-своему. Но как бы ни разнились наши понимания, в конце концов, мы придем примерно к одному и тому же: надо, чтобы сытый делился с голодным, чтобы богатый не забывал бедняка, чтобы сильный помогал слабому. Иными словами, подумай обо всей людской общине, как об одной семье: ведь в семье, конечно, в хорошей семье, не возникают вопросы, которые ты задавал мне. Взрослые пекутся о младших, здоровые о больных, сытые о голодных. А как? Это люди все чувствуют своим нутром, безо всякой возвышенной философии...

По окончании этой беседы – проповедью в обычном смысле слова это было назвать нельзя – Иисус обратился к молодому человеку:

– Как тебя зовут?

– Иуда... Иуда Искариот. Искариот – это мое прозвище, потому что я из иудейского города Кариаф-Арба, что южнее Хеврона.

– Знаю, знаю. Я там бывал... А не мог ли я тебя видеть ранее?

– Возможно... Я давно уже хожу за тобой, учитель. Мне нравится многое из того, что ты говоришь. Я ведь и спрашивал тебя для того, чтобы убедиться, что мои мысли совпадают с твоими...

– А хочешь присоединиться к нам?

– Если это возможно... Я с радостью бы пошел с вами!

– Ну, значит, договорились!

Иисус был рад новому ученику: наконец-то появился умный и интеллигентный оппонент. С таким можно обсуждать любые вопросы, и он будет не просто внимательно слушать, но и возражать, задавать вопросы, высказывать свое мнение. А что может быть лучше такого общения, когда идеи только формулируются, когда цель еще до конца не ясна?

С тех пор Иуда стал ближайшим сподвижником Иисуса и большим его другом. Особенно Иисусу нравилось, что Иуда без стеснения, хотя и в очень деликатной форме да так, чтобы никто ничего не слышал, говорил ему в глаза все, что он думает об идеях Иисуса, о его максимах и притчах. Такой человек был нужен Иисусу, как воздух.

– Кстати, – подумал Иисус, – ведь само имя «Иуда» означает «Бог да будет восславлен». Может, неспроста этот умный юноше носит такое имя?

АПОСТОЛЫ

На привалах, во время долгого перехода из одного поселения в другое, и перед ночевкой, Иисус учил учеников своих, заодно отработывая идеи и слова для будущих проповедей. Не все удавалось, не все доходило до учеников его, кроме, пожалуй, Иуды. Но это было только начало, а сначала всем всегда трудно. Ведь Заратуштра и Будда тоже достигли пророческих высот не в одночасье. А Моисею и вовсе было нелегко: он был хоть и умен, но косноязычен. Но, как известно, со временем умные умнеют, а глупые еще более глупеют. Иисусу же ума было не занимать: дайте только срок!

Иисус часто вспоминал рассказы Фемистокла о Сократе, о его беседах с учениками. Он подумал, что Иуда для него то же, что

Платон был для Сократа. С таким учеником не страшно: что бы ни случилось с ним, с Иисусом, Иуда продолжит его учение и не свернет с правильного пути.

Внимательно внимали речам своего учителя окружавшие его ученики, и те, кто приходил на его проповеди – преимущественно простой неотесанный и необразованный народ. К тому же ведь зачастую важно не что говорить, а как это говорить. А Иисус был прирожденный оратор.

Вскоре еще несколько человек присоединились к общине Иисусовой. Боясь, что большое число приверженцев станет неуправляемой толпой, Иисус решил создать иерархическую структуру, которая помогла бы ему держать все в руках: среди всех учеников своих выбрал он себе Двенадцать Апостолов: Петра, в прошлом Симона, брата его – Андрея, братьев Иакова и Иоанна Зеведеевых, Филиппа, Фому, прозванного впоследствии Неверующим, Левия, Матфея-мытаря, Леввея, прозванного Фаддеем, Иуду Искариота, а также новеньких: Варфоломея, Иакова Алфеева, да Симона Кананита, прозываемого Зилоном.

ПОКАЯНИЕ ВАРФОЛОМЕЯ

Однажды Варфоломей, соблазнившись на базаре в Беф-Саи, купил потихоньку себе пахлавыв на казенные деньги, которые ему выдали для покупки провианта на общину. Будучи обличен, он искренне, едва ли не в слезах, каялся и божился никогда впредь не совершать подобного. Иисус лишь пожурил его слегка и молвил, когда тот покался:

– Сказываю вам, что так на небесах у Ангелов Божиих более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

Варфоломей был на седьмом небе от счастья: еще бы, его простил учитель и даже похвалил за честность!

Когда все шли, направляясь дальше на юг в сторону Авелмехола, Иуда подошел к Иисусу, шедшему, как всегда, во главе группы своих учеников, и заговорил с ним:

– Правильно ли это, учитель, то, что ты сказал? Что же раскаявшийся грешник лучше праведника? Ведь ты поставил

Варфоломея над всеми нами, у кого и помыслов грешных не было...

– А ты считаешь, что Варфоломей заслуживал кары?

– Нет, я говорю не про Варфоломея, хотя и он может извлечь из этого неверный урок... Но не послужат ли твои слова дурным намеком для остальных? Ведь грешить – это свойство природы. Сам ведь учил: «Солгавший единожды, кто тебе поверит?» А ложь тот же грех! Так что, согрешивший единожды, согрешит и дважды, и трижды... Врун – он всегда врун, вор – он всегда вор, насильник – он всегда насильник. И излечить их может только неотвратимое наказание, которое своей угрозой предотвратит дальнейший грех. Хотя наказание должно быть соразмерено с мерою вины: одного можно пожурить, а другого и в застенки заточить – пусть искупает свою вину. Да и другим будет неповадно делать то, что он совершил.

– Будда учил, – сказал Иисус в ответ, – что есть два тяжких греха: один – это согрешить и не покаяться, а второй – не принять покаяния грешника...

– Я же не говорю, что покаяние не надо принимать, – ответил Иуда. – Принимай! Но не делай из раскаявшегося преступника святого, вот о чем я тебе говорю. А то ведь что получается: Грешни и кайся! Кайся и грешни! Замкнутый круг: не погресишь, не покаешься, а покавшись, почему бы опять не согрешить, раз все так легко с рук сходит?

– Ну, ты, конечно прав, Иуда, – произнес Иисус, но допустим, что покающийся тем самым дает обет никогда больше не грешить...

– Положим, что он может дать обет не совершать более того же самого греха, да и то... Представь, согрешила женщина, покалась, а на следующий раз прелюбодействовала с другим уже мужчиной... По ее понятиям это совсем другой грех: в нового-то мужчину она влюбилась!

– Так что ж ты, Иуда, полагаешь, что раскаяние вовсе не нужно?

– Нет, Иисус, я этого не сказал. Но раскаяние – это только первый шаг. Это осознание своего греха. Но за раскаянием долж-

но следовать искупление греха – каждый должен платить за содеянное. Это может быть наказание от людей, это может быть и самонаказание, но без искупления греха, одно само по себе раскаяние ничего не стоит: ты не можешь расплачиваться звоном серебряных монет, покупая что-то, ты должен платить этими монетами...

– Ну, ты, Иуда, занозист, как фарисей! Ладно, ладно! Не цепляйся к словам. Ты понял, что я имел в виду, а я понял, что ты имел в виду, и каждый из нас по-своему прав.

Иисус все больше сближался с Иудой. Этому способствовало и совпадение взглядов на многие вещи, и острый аналитический ум обоих. Иисусу нравились точные и искренние высказывания его нового друга, который не боялся говорить ему правду в глаза, даже если она была и неприятна. В то же время он никогда не упорствовал, если сам был не прав. Нравилось Иисусу и то, что Иуда высказывал свое мнение всегда очень деликатно и тактично: никто никогда не слышал ни одной критической реплики в адрес Иисуса из уст Иуды.

ВСТРЕЧА С МАГДАЛИНОЙ

Иисус любил иногда уходить в горы, где находил он отдохновение от мирских забот и от трудов своих праведных. Там можно было в тишине помолиться, или же просто лечь и расслабиться, вперившись в голубую пустоту неба. Иногда он и ночевал в горах, подстелив под себя овчину и положив под голову плоский камень. Он любил лежать, растворившись в темной бездне, звенящей ночными насекомыми, и глядя на звездную пыль, рассыпанную по черному бархату неба.

Правда, на ночевку, как и на поздние вечерние молитвы, он старался ходить не один, всегда брал с собой кого-нибудь из своих учеников. Он боялся себе признаться, что с детства в нем жил какой-то первобытный страх к темноте и к одиночеству. Сколько не повторяла ему мать, что он сын Божий, он воспринимал это немного как материнское выражение любви, немного как желание выделить его сре-

ди других сверстников. Но сыну Божьему, несмотря на все эти уверения, было страшно в темноте, ему мерещились какая-то адская дьявольщина. Но когда он был не один, он очень любил спокойствие безоблачного ночного неба, когда далекие звезды, ласково перемигиваясь, ласково струили свой незаметный свет. Он тогда, и правда, ощущал себя более, чем человеком, он чувствовал себя причастным к чему-то внеземному...

Ученики его любили ходить с ним ночевать в горы.

Обычно он брал двух-трех из них, и они подолгу сидели около маленького едва теплящегося костерка, отбрасывающего приглушенный свет на их лица, и Иисус много рассказывал им интересного и про дальние страны, где он побывал, про свою новую веру, которую он нашел в беседах с мудрыми людьми.

Вот и сегодня, он ночевал на горе вместе с Иудой и Фомой. Все было, казалось бы, как всегда, но Иисуса томило какое-то щемящее, доселе не возникавшее чувство тихой грусти. Может, виной тому была бурно вторгшаяся в Палестину весна? Может, небо было столь необычайно чистым, что звезды светили ярче, чем всегда? Кто знает, кто знает... А разве у вас не бывало никогда такого ощущения?

Утром, когда они поднялись, Иисус с этим необычным чувством тоски по чему-то несбыточному, спустился вниз, где соединился с остальными своими учениками. Собравшись вместе, они пошли в ближайшую синагогу. Синагога была тем местом, где люди собирались молча помолиться или послушать проповеди. Проповедовать могли в синагогах не только официальные церковные раввины. В принципе, каждый мог начать излагать свое мировоззрение, свое видение мира и веры.

Вот и Иисус, придя в синагогу, начал свои проповеди. Его любили за острый ум и за нетрадиционную точку зрения, поэтому вскоре вокруг него собралось довольно много народа. Удобства ради, Иисус вышел с людьми из синагоги и расположился на примыкающей площади. Он сел, сложив ноги калачиком, а остальные, включая его учеников, сели полукругом около ног его, и он учил их.

Тут книжники и фарисеи привели к Иисусу женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, прямо перед сидя-

щим Иисусом, сказали ему:

«Вот эту гулящую мы взяли прямо во время прелюбодеяния. Моисей заповедал нам публично побивать таких камнями. Интересно нам, а ты что скажешь?»

Иисус, пока они говорили, наклонившись низко, писал что-то своим перстом на земле и не обращал на них внимания. Он думал, что же им ответить? Эти фарисеи и книжники – очень дошлый народец! Они вечно придумывают каверзные вопросы, ответы на которые можно было бы истолковать как подрыв законов Моисеевых или других религиозных иудейских догм.

Иисус украдкой взглянул на приведенную женщину. Та своими жгучими глазами поймала взгляд Иисуса, у которого от этого взгляда странно засосало под ложечкой. Женщина стояла с гордо поднятой головой, на лице ее не было ни стыда, ни отчаяния, ни страха. Казалось, не ее обвиняют эти окружившие ее мужики, а она обвиняет их в ханжестве и недостойном поведении.

А книжники и фарисеи продолжали свои ехидные вопросы. Тогда, будто встрепенувшись, Иисус ответил им:

– Кто из вас без греха, первый брось в нее камень!

И сказав это, он продолжал что-то чертить пальцем на земле.

Задававшие вопрос, не смея ни возразить, ни кинуть камень в женщину, один за другим потихоньку покинули поле боя. Иисус, опять вскинув голову вверх, посмотрел на женщину снизу вверх и спросил:

– Женщина! Где же твои обвинители? Никто не бросил в тебя камень?

– Нет, – ответила она, – никто...

– И я не осуждаю тебя, – сказал ей Иисус. – Иди, но впредь лучше не греши: не на каждом перекрестке тебе попадается Иисус!

Женщина, склонившись в импульсивном порыве, благодарно поцеловала Иисуса в уста. Видимо, от долгого сидения дрожь пробежала по его телу и сладкая истома овладела им. «Может, это и есть главное в жизни? – подумал он. – Ведь и вера-то нужна не сама по себе, а для жизни...» Впервые в жизни Иисус ощутил какую-то высшую радость. Он вдруг испугался, что эта женщина,

которая за эти минуты стала ему почему-то совершенно необходимой, вот так, просто уйдет и исчезнет из его жизни навсегда. Чтобы как-то продлить миг этого первого в его жизни потрясения любовью, Иисус спросил:

– Как звать тебя, женщина?

– Магдалина... Мария Магдалина, – ответила та.

– Не грехи впредь... Береги себя. Благословенно будет чрево твое. Не трать себя на греховные утехы...

– А что больший грех: прелюбодействовать с любимым или жить с постылым мужем, который взял меня, когда мне было всего тринадцать лет?

– Не исчезай... – почти с мольбой молвил Иисус, не отвечая на ее вопрос.

Но Магдалина и сама не могла оторвать своего взора от белокурого красавца с умными и грустными глазами. Какая-то невидимая ниточка натянулась между двумя молодыми сердцами. Они оба одновременно поняли, что их жизни сплелись воедино навеки...

ИСЦЕЛЕНИЕ КОСНОЯЗЫЧНОГО

У Иисуса было очень благодушное настроение. К этому располагало все: и прекрасная безоблачная погода, и успех, которого он и его ученики достигли в Беф-Араве. А ведь встретили их там недружелюбно, если даже не вообще враждебно. Местный раввин сначала не пустил их в синагогу, заявив, что он не потерпит самозванцев, вещающих нечто отличное от истинно иудейской веры. Потом, когда они все же расположились на одной из относительно больших площадей, и Иисус начал свою проповедь, люди сначала улюлюкали, а в довершение всего кто-то из толпы запустил в Иисуса тухлым помидором, попав ему в плечо. Иисус сделал вид, что даже ничего не заметил, продолжая спокойно говорить. Это отрезвило толпу: «Ну, правда, чего мы прицепились к человеку? Видать, он и взаправду, как все говорят, славный мальи!»

Постепенно сердца всех окончательно перешли на сторону Иисуса. Наконец, к нему подвели глухого и косноязычного челове-

ка и попросили его возложить на того руку и исцелить его. Толпа дружелюбно, хотя и с недоверием, наблюдала за тем, как Иисус будет исцелять больного. «Ну, вот, опять! Только и подавай им чудо! - подумал Иисус, но сначала, чтобы не попасть впросак, внимательно осмотрел подведенного человека. - Но если человек косонозычен, то значит все же когда-то говорил. Так-так-так... А косонозычен он оттого, что голос свой с детства слышал только изнутри. А вот глух ли он - проверим. Грязен он, как свинья! Скорей всего уши у него забиты чем-то!»

Отвел Иисус человека того в сторону, подальше от народа, и заглянул в уши мнимого глухого. Боже святой! Этот грязнуля, видимо, вообще не знал, что такое вода: хорошо, что уши его еще паутиной не затянулись! Вложил Иисус персты свои в уши человеку тому, вытащил страшные пробки ушной серы, и, возрев на небо, вздохнул и сказал ему: «Еффафа», то есть: «Отверзись». И тотчас дернулся человек в испуге и заорал: «Чо ойёшь му'ык?!». «Повтори за мной, – сказал ему Иисус: – "Чего орешь, мужик?"» – «Чаво арёшь музык?» – «Вот, уже лучше! Главное слушай, как тебе люди говорят, повторяй за ними, а то ты со своей глухотой уже и речь человеческую забыл! А чтобы более не глохнуть, теперь каждый день изволь с утра уши свои мокрой тряпочкой протирать изнутри и говори при этом: Господи, спасибо тебе за благость твою! Понял?»

Исцеленный, вытаращив глазищи, вприпрыжку побежал к толпе, стоявшей в отдалении с криками: «Слышу я, люди добрые, слышу!»

И повелел Иисус всем присутствовавшим при сем исцелении глухого не сказывать никому о произведенном чуде. Но чем больше он запрещал людям говорить о своих чудесах, тем быстрее слава о его деяниях бежала впереди него. Прошла даже молва, что человек, Иисусом исцеленный, был вообще и без языка и без ушей, а Иисус приставил к его ушам ладони – и выросли уши, коснулся пальцем губ его – и вырос язык. Вот какие бывают чудеса на свете! Особенно, когда их пересказывают те, кто и близко в тот момент не находился...

Но и для учеников Иисусовых это был хороший урок, как надо вести себя в трудной ситуации. Ведь сначала чуть не побили их, а потом удивленный люд засыпал их подаяниями! А Иисус вра-

зумял учеников своих, говоря им:

– Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас. Ударившему тебя по щеке подставь и другую. Отнимающему у тебя верхнюю одежду не препятствуй взять и рубашку.

– А сам-то в чем останусь? – не выдержал тут Фома. – А может он уже в одежде, зачем ему еще и моя? Чем этот человек от разбойника-то отличается?

– Всякому, просящему у тебя, давай, – продолжал Иисус, пропустив реплику Фомы мимо ушей, – и от того, кто взял твое, не требуй этого назад. И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними.

– А почему же не могу я поступать так, как со мной поступают? – опять влез с вопросом Фома, несмотря на то, что Петр ему уже погрозил кулаком. – Он с меня рубашку, и я с него рубашку. Вот и в расчете!

Все громко заржали: понравилась им логика Фомы. Иисус тоже улыбнулся по-доброму и потрепал Фому, стоявшего рядом с ним, по его курчавой голове.

НЕТ ПРОРОКА В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Зашел однажды Иисус со товарищи в свой родной город Назарет, где по привычке начал учить людей в синагоге. А в толпе слушавших его пошел шумок да пересуды:

– И откуда ж у него такая премудрость? Это ж всего-навсего плотника Иосифа сын, Иисус!

– Так это, значит, Мария Иосиева – мать его?

– Это та, что живет среди нас?

– Ну, да, а кто же?

– Дак, какой же он пророк, сикось-накось-поперёк? Он же простой нашенский мужик! Не-е-е, хлопцы, таких пророков не бывает.

Послушал их Иисус и аж тошно ему стало. И ученики его стояли рядом, смущенные, опустив глаза долу. Вспомнил

Иисус, что рассказывал ему Ашока про то, как Будда пытался проповедовать в царстве Капилавасту, где он родился и которым правил его отец. Ведь его словам тоже никто не верил! Да... История повторяется! И сказал Иисус своим друзьям новую максиму: »Истинно говорю вам: Нет пророка в своем отечестве! Пророк без чести, разве только в отечестве своем и в доме своем».

И не смог он совершить в Назарете никаких чудес, научен которым был в Персии и Индии, и не смог он исцелить даже простого зайку: ведь чудеса для людей возможны только лишь тогда, когда они верят в них. В Назарете, его родном городе, никто ему не верил...

И ушел Иисус из Назарета и никогда более не возвращался туда, кроме как однажды, уже после смерти отца своего Иосифа, посетил он сии места, но тайно, так, что никто кроме матери его и его братьев и сестер не знали об этом.

Иисус был взбешен, Иисус был разгневан. Эти глупые Галилеяне могут испортить все то, что он с товарищами по крупицам создавали: новую веру, подкрепляемую чудесами да магическими исцелениями. Он был впервые в жизни выведен из состояния психического равновесия. Неистовые, жгущие слова почти бесконтрольно слетали с его уст:

– Огонь пришел я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся! Как я томлюсь, пока сие совершится! Вы думаете, что я пришел дать мир земле?

Нет, говорю вам: не мир, но разделение... Ибо отныне, даже если в одном доме живут всего пятеро, станут разделяться - трое против двух, и двое против трех. Отец будет против сына, и сын пойдет против отца; мать будет против дочери, и дочь восстанет против матери; свекровь невзлюбит невестку свою, а невестка взбунтуется против свекрови своей.

Почувствовав, что он чересчур распалился и понес уже околесицу, Иисус, опустошенный этим своим гневным порывом, замолчал. Он чувствовал, что его сердце мешало ему дышать, кровь прилила к голове, он судорожно глотал воздух. Но тут, как всегда вовремя, подошел Иуда, обнял его тихонько за плечо и спокойно отвел его немного в сторону, говоря:

– Успокойся... Успокойся, брат мой! Ты же сам говорил мне, что поражен человеческой неразумностью и неблагодарностью. И зверь бессознательно кусает руку кормящую... А человек – хуже зверя: он кусает осознанно. Может, ты слишком добр и доверчив? Ты наговорил такого, что хорошо, что слышали все это только твои друзья. Не поздно все исправить... Ты учишь нас, что добро и только добро спасет мир! Ты учишь добру и любви – и в этом твоя сила, в этом сила твоего учения. Откажись от тех слов, которые ты только что произнес! Успокойся и откажись...

Иисус благодарно посмотрел на Иуду:

– Спасибо, друг... Прости... Не удержался.

– Я знаю, я знаю... Я понимаю, что со стороны все всегда проще. Не хотел бы я быть в твоей шкуре: все время на виду, все время держать себя в руках, все время думать над каждым произнесенным словом, над каждым сделанным жестом... Я понимаю, как тебе трудно.

– Пойду я к ученикам своим. Исправлю ошибку...

– Я не сомневаюсь: только ты один умеешь делать то, что другим неподвластно. Только ты умеешь быть таким умелым пастырем.

Иисус продолжил Иисус свою речь ученикам:

– И знаете, почему будет так, как я сказал? Правда не сразу найдет пути свои. Если кто сделает запруду, то остановит на время поток. И вода будет биться о препятствие, и она будет мутная от поднятого ила. И будет как бы борьба воды самой с собой. Но потом найдет тоненькая струйка проток, устремится туда, а за не все больше и больше воды, и сметена будет запруда, и снова поток будет светел и чист!

Так и мы, если уподобить нас тому ручейку, нашли правду и открываем ее людям. Но люди разные, не все понимают ее, не все принимают ее, поэтому и будет борьба между людьми, но без борьбы не может быть победы... Но пройдет время и рухнет плотина, и снова станет все чистым и праведным.

БОГ ИУДЫ

– Иисус, – спросил как всегда тихим, спокойным голосом Иуда, – меня давно мучает один вопрос: если Бог един, то почему люди так по-разному его воспринимают? Почему они по-разному понимают добро и зло? Почему он сам так по-разному относится к людям: одним благоволит, хотя на них, как говорится, пробы негде ставить, а других гонит, хотя они чисты помыслами и делами своими?

– Потому что люди все разные...

– А может, просто у каждого есть свой Бог, который достался человеку от рождения, как цвет глаз, например? – Спросил Иуда.

– Но если у каждого свой Бог, то чей же Бог создал все: нас, зверей, птиц, окружающую нас природу, звезды, небо?

– А ничей! Просто мир был всегда и будет вечно, он существует с какими-то своими законами, которые мы не знаем, а может, никто и никогда не познает. И по этим законам природы все и происходит. И по этим же законам природы мы рождаемся, взрослеем и умираем...

– Но не могло же обойтись все без Разумного Начала, без Всевышнего! Разве мог возникнуть Человек как-то случайно? – В свою очередь спросил Иисус.

– А чем человек принципиально отличается от букашки? Та же голова, те же ножки-ручки, тот же всепожирающий рот... Да и та же борьба за выживание и продление рода своего! Так что же, Бог и ими управляет? И их поощряет и наказывает? Не многовато ли забот для единого Всевышнего?

– И все же, Иуда, – заметил Иисус, – живая природа – это чудо, которое не могло быть создано без участия Бога...

– А не удивляет ли тебя, что и неживая природа также загадочна? И не менее загадочна, чем живая. Почему возникают такие изумительно правильные кристаллы соли, горного хрусталя, алмазов? Что это тоже зачем-то надо Богу?

– Но согласишься, Иуда, что в природе все так магически взаимосвязано, что трудно представить, что все это сотворено без воли Божьей...

– Да я даже соглашусь с тем, что все создано неким Высшим Существом, Высшим Разумом, но я не могу согласиться с тем, что то же Высшее Существо управляет всем. Слишком много нелогичного, ничем не оправданного и ничем не объяснимого в жизни и смерти людей. Разумное Высшее Существо не могло бы управлять миром столь бездумно.

– На все воля Божья...

– Верить ли ты в это сам, Иисус? Есть ли такая воля? А если и есть, неужели она столь безжалостна и жестока? Вот ты говоришь: «Бог есть Добро». А я с таким же успехом скажу: «Бог есть Зло». И оба будем неправы, ибо в мире Добро и Зло так же неразлучны, как Свет и Тьма. И где же здесь «воля Божья»?

– Бог нужен людям... Без Бога человек будет неотличим от животного!

– Вот тут я с тобой полностью согласен: идея Бога нужна людям, это безусловно! Особенно людям слабым, беззащитным и несчастным. Легче жить, когда ты, чувствуешь чью-то сильную защиту, когда ты, как ребенок, можешь в минуты жизненного ненастья убежать и уткнуться лицом в мамину юбку или в папино плечо. Наверное, нужно связать людей какой-то моральной круговой порукой, чтобы им легче и удобнее было жить друг с другом. Ведь для этого же и существуют в каждой стране законы.

– Иуда, ты забываешь, что я Сын Божий! Я же не могу не верить в своего Отца! И для меня имя его свято!

– Иисус, но ведь и другие верят в того же Бога, что и ты... Сам же говоришь, что Бог един. Но если ты хочешь убедить их верить в своего Бога, значит, твой Бог другой, отличный от их Бога? И я это понимаю. Ведь и у меня есть свой Бог, но он отличается, как и твой Бог, от того общего иудейского Бога! Мой Бог похож на того Бога, которого проповедуешь ты. Мой Бог тоже милосерден, тоже добр к людям, он и меня делает таким. И я хочу, чтобы тот единый Бог у людей был такой же, как наш с тобой! И ради воплощения этой идеи я готов пожертвовать всем, включая свою собственную жизнь!

– Мы оба преданы одной идее, и это самое главное, – сказал Иисус. – Дело у нас одно – новая вера, которая спасет мир.

КТО МАТЕРЬ МОЯ?

Прошло время, вернулись опять Апостолы во главе с Иисусом на море Галилейское, в дороге их сердцу места – ведь почти все они, кроме Иуды, были из центральной Галилеи.

Подошли они к приморскому городу Тивериаде, что на западном берегу моря, нашли подходящий дом и уже договорились с хозяином, что останутся у него на постой. Очень всем уже хотелось отдохнуть после долгой дороги. Но не прошло и получаса, как вокруг того дома собралось множество народа: будто мухи на мед слетелись! И откуда только узнали-то, что Иисус с учениками здесь?

Вышел к ним Иисус из дома и сел у моря. А народу собиралось отовсюду все более и более: и из Галилеи, и из Иудеи, и из Иерусалима, и из Идумеи, и даже из-за Иордана. А также пришли люди из такой дали дальней, как из Тира и Сидона, с севера земли Галилейской. До всех дальних углов Галилеи – а страна ведь немалая, стадий шестьсот будет с севера на юг! – домчалась молва о великом маге и врачевателе. Вот все и пришли, жаждая увидеть какое-нибудь чудо, а то и исцеление волшебное получить.

Так затолкали его и его апостолов, несмотря на грозные окрики Петра, что вынужден был Иисус войти в лодку, стоявшую у берега, и сесть в нее, чтобы видели его все жаждущие. Захватив с собой своего любимчика Иоанна, который сел за весла, он отплыл немного. Народ же и остальные апостолы стояли на берегу, внимая ему. И поучал их Иисус притчами, не всякому понятными. Даже ученики его спросили его потом:

- Для чего притчами говоришь им? Мы и то не все в толк берем, а уж это быдло и вовсе ни уха, ни рыла... Ты-то книжный человек, по египтам-индиям разъезжал, а мы простые рыбаки да скобари. У нас вся наука от тебя...

– Кто имеет уши слышать, да слышит! – отвечивал им на это Иисус. – А эти и видя – не видят, и слыша – не слышат, и не разумеют, потому и говорю им притчами...

На несколько дней пришлось Иисусу с учениками задержаться около Тивериады, поскольку народ все прибывал и прибывал. Однажды, когда вещал он толпе, мать его и братья его Иаков, Симон и Иуда, а также сестры его стояли недалеко, не решаясь приблизить-

ся, чтобы не помешать проповеди. И некто сказал ему:

– Вот мать твоя и братья твои и сестры твои, спрашивают тебя, желают поговорить с тобой. Может, чего надо им от тебя...

– Кто мать моя? Кто братья мои? – отвечивший Иисус в ответ говорившему и, указав рукою на учеников своих, сказал: – Вот мать моя и братья мои!

Немало удивились тому не только толпившиеся вокруг люди, но и ученики его, памятуя слова Откровения Господня, которые вещал он Пророку Моисею: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле...» А этот Пророк прямо так про мать свою... А ведь ежели он Божий Сын, как утверждает, то мать-то его не иначе, как Богородица Пресвятая. Можно ли так с матерью со своей обращаться, хоть пусть он и взаправду Божий Сын!..

Но ведь не может же ученик быть мудрее учителя. Об этом и сам Иисус учил, посему все быстро успокоились. Один лишь Фома Неверующий подумал, правда, только про себя - вслух произнести не посмел: «Так что же, я его мать, что ли? Чтой-то не уразумею я. Ишь куда гнёт!»

Ах, знал бы Иисус, знал бы он!.. Ведь мать с братьями и сестрами его неспроста тащила в такую даль – стадий шестьдесят отмахали, небось! А пришли они просить милости Иисусовой: умирает отец его Иосиф, думали, может, придет Иисус и вылечит... Но не добрались они до Иисуса, окруженного страждущими и просто зеваками.

Ах, знал бы он, знал бы! Непременно пошел бы, и хоть и не спас бы Иосифа, но, по крайней мере, отдал бы ему последний долг. Но, как видите, Господь распорядился по-другому.

Так вот, ради красного словца... Ах, знал бы он, знал бы!..

КОРМАЕНИЕ ПЯТЬЮ ХЛЕБАМИ

Настал вечер, приступили к Иисусу ученики и сказали:

– Место здесь пустынное и время уже позднее. Отпусти людей, пусть пойдут в ближайшее селение и купят себе пищи.

– Не нужно им никуда идти, разве нам нечего дать им поесть?

– Да что ты, Иисус! Нам и самим-то не хватит на скромный ужин: у нас здесь только пять хлебов и две небольших рыбины.

– Принесите их мне сюда. – Сказал Иисус.

Когда принесли ему хлеба и рыбин, велел он народу возлечь на траву, расслабиться, закрыть глаза и слушать его. И ученики его легли вместе со всеми. И воззрел Иисус на небо и начал говорить что-то на чарующем гортанном наречии. Плавная музыка незнакомых слов фарси затуманивала сознание слушающих, убаюкивала. Вскоре все впали в глубокий гипнотический сон, а Иисус перешел на обычный арамейский язык, говоря при этом мерным глубоким голосом:

– Вот взял я пять хлебов и две рыбы, вот преломил те хлебы и через учеников своих дал их вам. Ешьте и насыщайтесь. Всем хватит, и еще останется! Ешьте и насыщайтесь. Всем хватит, и еще останется! Ешьте и насыщайтесь...

И кто лежа, кто сидя, а кто даже поднявшись в рост начали будто бы жевать что-то и проглатывать, а потом в сомнамбулическом сне одиннадцать учеников его ходили с коробами и делали вид, что собирают объедки, и будто наполнили они так одиннадцать коробов. Один Иуда не поддался внушению, но он был поражен и обрадован удивительной способностью Иисуса владеть людьми. Он понял, что Иисус – это тот, кто может людей заставить верить в новые, не всегда и не всем понятные идеи. Подойдя к Иисусу он сказал:

– Брат мой возлюбленный! Ты воистину великий Пророк. Даже Моисеевы деяния блекнут перед твоими. Я верю в твое божественное предназначение: если не ты, то кто, если не теперь, то когда, сможет вдохнуть душу в этих измученных и потерявших веру в себя людей? Я клянусь тебе служить твоему учению до последнего дыхания... Кровью своей клянусь, что никогда – как бы это ни было тяжело – не брошу тебя!

С этими словами Иуда рассек острым ножом себе руку чуть выше запястья. Кровь буквально брызнула фонтаном, и как бы в ответ на это, глаза Иисуса увлажнились, он обнял Иуду, сказав:

– И я клянусь тебе, что и я никогда не брошу тебя. Пусть отныне наши судьбы будут переплетены, как две виноградные лозы.

И да победит то учение, которому мы готовы посвятить наши жизни. Спасибо, брат!

ХОЖДЕНИЕ ПО ВОДАМ АКИ ПОСУХУ

Наутро народ встал сытый и довольный. Найти оставшийся недоеденный хлеб, правда, никому не удалось – все, как корова языком слизнула!.. Да и не мудрено: евших было около пяти тысяч человек, кроме женщин и детей. Может, кто утром и подчистил остатки, кто знает!

Сам Иисус встал усталый, лица на нем не было: первый такой серьезный гипнотический сеанс сильно измотал его. Он послал учеников своих отправиться в путь на тот берег озера, пока он отпустит народ. Когда все разошлись, он вошел на гору, чтобы помолиться наедине: было за что воздать благодарение Господу. Задержался он там до вечера, наслаждаясь покоем и тишиной, вспоминая с какой-то затаенной грустью те чудные годы, которые он провел в своем долгом путешествии. С благодарностью он вспомнил своих индийских учителей, которые научили его искусству владеть толпой.

Начало темнеть, Иисус спешно спустился с горы, поскольку боялся, что его измотанной сеансом гипноза душе начнет мерещиться всякая чертовщина. К тому же поднялся сильный ветер, стало даже прохладно. Он пошел к озеру. Уже на берегу он заметил, что лодка с его учениками беспомощно пытается пробиться сквозь высокие волны и сильный встречный ветер. «Вот те на! – подумал Иисус. – Часа уж два прошло, а воз и ныне там!»

Лодку все больше и больше сносило обратно к тому же берегу, от которого отчалили его незадачливые ученики. Иисус неспешно пошел навстречу баркасу по длинной песчаной косе, далеко вдававшейся в воды озера. Стараясь перекрычать ветер, Иисус позвал Петра, который, как всегда в его отсутствие, оставался за старшего.

– Свят-свят! Чур меня! Господи, спаси душу мою, избави от видения призрака! – Запричитал Петр, увидев в уже сильно сгу-

стившихся сумерках какую-то фигуру в светлом одеянии, идущую навстречу будто бы прямо по воде. Остальные сидевшие в лодке, оглянувшись в том направлении, куда смотрел перепуганный Петр, тоже в ужасе вскричали. Но когда раздался ответный спокойный голос: «Это я, не бойтесь!» – в котором все узнали голос своего учителя, наступило успокоение.

Однако всем продолжало казаться, что Иисус приближается к лодке, идя прямо по воде.

Суматошный Петр прокричал:

– Господи! Если это ты, повели мне придти к тебе по воде.

Иисусу ничего не оставалось, как разрешить Петру пойти по воде, при этом он судорожно пытался придумать, как объяснить Петру и остальным безуспешную попытку Петра хождения по воде. И действительно, Петр, встав на борт лодки, ступил на воду и тут же окнулся с головой. Вынырнув в страхе, обдаваемый брызгами волн, бившихся о борт баркаса, он завопил:

– Боже, Боже! Спаси мя и помилуй! Тону-у-у! Господи! Господи! Бль-бль-бль...

Едва не утонул Петр, который, как многие рыбаки, не умел во все плавать. Вытащили остальные апостолы незадачливого Петра на баркас обратно. Тот трясся то ли от страха, то ли от холода, но зуб у него не попадал на зуб.

Позже, когда, наконец, все собрались вместе, вытащив баркас на берег, Иисус сказал Петру:

- Маловерный! Зачем ты усомнился? Потому и провалился под воду. Без веры тебя и земля держать не будет!

Когда под утро ветер стих, путники добрались, наконец, до земли Генисаретской, где их опять ожидали толпы страждущих и жаждающих: слава о способностях Иисуса-исцелителя бежала впереди него.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ МЕССИИ

И пошел дальше Иисус с огромной толпой уверовавших и просто зевак, которые дивились чудесам, которые он творил. Придя в Кесарию Филиппову, Иисус долго ходил вдвоем с Иудой вдалеке

от своих учеников, так что ни слова не могло донестись до них. Спрашивал Иисус Иуду, как тот думает, когда надо начинать открывать себя людям Мессией. Отвечал ему Иуда, что довольно уже чудес понасотворял Иисус, уже поверят в него люди как в Пророка и Мессию.

– Вчера было рано, но завтра, может быть, будет поздно, – произнес Иуда сакраментальную фразу, переходящую из поколения в поколение людское. – Но делать это надо тонко: сам себя объявишь – люди засомневаются, обвинят в гордыне. Надо, чтобы кто-то это сделал как бы со стороны. Жаль Иоанна Крестителя нет в живых: вот кто бы пригодился! Нужен другой человек, как бы свидетель. Почему бы ни спросить тебе об этом для начала учеников своих? И ежели они признают в тебе Христа, то запрети им разглашать это.

А что слаще запретного плода? В каждом сидит немножко от праматери нашей Евы: коли сказано нельзя, то очень уж хочется попробовать!

И спрашивал Иисус учеников своих: за кого люди почитают меня, сына человеческого? Стали апостолы говорить, что слышали в народе: кто говорил, что за Иоанна Крестителя, другие говорили, что за Илию или за Иеремию.

– Ну, а вы-то сами за кого почитаете меня? – спросил Иисус.

Замолчали смущенные апостолы, лишь Петр, как всегда предводительствовавший всеми, бойко отрапортовал:

– Ты – Мессия и сын Бога Живаго.

– Блажен ты, Петр-Симон, сын Иосиев, – отвечивал ему Иисус, – потому что не иначе как Отец мой, сущий на небесах, открыл тебе это. На тебе, Петр, как на камне, создам я церковь мою и дам тебе ключи Царства Небесного.

Смутился Петр такой похвале, но и возгордился внутренне: а вдруг и взаправду Иисус Мессия, то бишь Христос? Тогда и он, Петр, не последний человек!

Иисус запретил ученикам своим кому бы то ни было сказывать, что он есть Христос. Прошло немного времени и подивился он тому, насколько правильно было все решено Иудой, понимавшим натуру человеческую: коли хочешь, чтобы раззвонили по всему миру какую весть, поведай ее под строжайшей тайной луч-

шим друзьям да еще потребуй, чтобы поклялись они не разглашать тайны. Не пройдет и пары дней тайна эта будет открыта во всех уголках земли! Не зря у них в Назарете старухи говорили: «По секрету всему свету».

ВАРТИМЕЙ

Прошли наши странники городишко Авелмехолу и шли дальше на юг. Шли они от Галилейского моря к Мертвому вдоль реки Иордан, которая течет прямехонько с севера на юг, будто кто ей нарочно такое русло выкопал: стадий триста как по ниточке натянутой течет.

И подойдя уже почти к Мертвому морю, повернули на Иерусалим, остановившись в Иерихоне. Побывали там, поучили в синагогах, Иисус сделал несколько незначительных исцелений – кому-то снял изнурительную головную боль заговором, кому-то вправил застоявшийся вывих. Уже собрались Иисус и ученики его покинуть гостеприимный город, но тут уже при самом выходе увидели у дороги слепого, просящего милостынню. А, заметим, провожала Иисуса огромная толпа народа. Кто-то из толпы окликнул слепца:

– Эй, Вартимей, сын Тимеев, к нам Иисус пожаловал, исцеляет глухих, немых да слепых. Хочешь исцелиться?

– Вот ведь напасть какая! – подумал Вартимей. – Жил себе припеваючи на подаяния милостивых, а тут на тебе! Исцелитель напелся! Да говорят, всех исцеляет подряд. Он же сразу поймет, что у меня глаза-то прикрыты только для виду. Разоблачит, так еще меня и камнями побьют те же, кто вчера еще милостынню щедро подавал мне... Вот принесла его нечистая! Уж лучше соглашусь сразу на исцеление, пока он не начал расследовать да обследовать... – И запричитал жалобным голосом Вартимей: – Иисус, помилуй меня!

Тот подошел и сразу понял в чем дело: Вартимей был симулянт! У слепых не дергаются веки: они дергаются только у тех, кто долго насильно держит их сомкнутыми. Но, тем не менее, не подавая вида, спросил:

– Что ты хочешь от меня?

– Хочу прозреть! Исцели! Буду ходить по городам и селам и славить тебя да показывать, какое зрение ты мне вернул, Иисусе!

На это Иисус, понявший, что для всеобщего блага будет лучше, если не разоблачать обманщика, ответил ему:

– Встань и иди! Вера твоя спасла тебя, – едва заметно ухмыльнулся Иисус, глядя прямо в глаза «прозревшего» Вартимея. – Но смотри, не сожалей потом, и на меня не ропщи, ибо ты сам просил, не я хотел!

Тут же Вартимей вскочил, широко раскрыл глаза, заорал, как от радости, потом брякнулся Иисусу в ноги и начал целовать их. «Комедiant, – подумал Иисус, – ему бы в театре лицедействовать, неплохие бы деньги заколачивал, а он...» Тут бывший слепой бросился к горожанам, стоявшим невдалеке, и стал кричать:

– Праздник-то какой! Праздник-то какой у меня! Люди добрые, напоите-накормите меня! И на похмёлку в честь радости такой не пожалейте!

И растроганный люд стал сыпать ему медные монеты в изобилии, а кто даже и серебрянные подбрасывал.

Понимал Иисус всю щекотливость своего положения и ждал, что Иуда, не медля,отреагирует; он же, безусловно, все понял, что это был прямой обман, одномоментный сговор умного врачевателя и умного жулика! И Иисус не ошибся: к нему подошел Иуда и неслышно для остальных проговорил:

– Правильно, Иисус, так и надо! Конечно, этот Вартимей пройдоха и жулик, но его не исправишь: разоблачи его здесь – он пойдет обманывать людей в другом месте. А ты сделал одновременно два полезных дела: и Вартимей теперь сойдет со своей скользкой дорожки, и нам польза – пусть раззвонит всюду о своем чудесном исцелении!

– Знаешь, Иуда, и я подумал примерно так же. Я знал, что никто, кроме тебя, ничего не заметит и ничего не поймет. Боялся я лишь, что ты меня осудишь, а тут...

– А ведь вот, что смешно, Иисус: этот мошенник будет и впредь пользоваться щедротами человеческой глупости и доверчивости: сначала он «стриг баранов», прикинувшись слепым, а теперь он будет «стричь» тех же баранов, прикинувшись магически прозревшим! Этот прощельга принесет

нам пользы более сотни истинно исцеленных тобою: ему же есть нужда каждодневно вещать о своем чудодейственном исцелении, чтобы набивать свою «нищенскую» мошну!

Друзья засмеялись, продолжая путь.

СУББОТА ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Пришли как-то в субботу Иисус с учениками в синагогу, и видит Иисус, сидит в уголке человек с иссохшей почти рукой, которой и шевельнуть не может. Подошел Иисус к нему, любопытствовал, что и как. Видит, что не столько боли у человека, сколько страху пошевеливать рукой. А коли орган не упражнять, так он и отомрет за здорово живешь! Это Иисус узнал, еще когда Гиппократову учению учился в Греции.

Была суббота, синагога была полна, много в ней было правоверных евреев, почитающих субботу, да и священники окружили Иисуса. По их напряженным взглядам понял Иисус, что все наблюдают за ним, не начнет ли он в святой день знахарством заниматься.

Дал Иисус тому человеку несколько полезных советов, рассказал, как упражнять руку каждодневно, и сказал: «Иди с Богом! Не успеет месяц зарождающийся стать полной луною, как будешь ты опять владеть своею рукой!»

А правоверные и священники иудейские в синагоге наблюдали за ним и возмущались: «Ишь, богохульник! Исцеляет больных в субботу, когда работать грех!» Услыхал Иисус этот ропот и спросил громко, вроде бы ни к кому не обращаясь:

– Должно ли в субботу добро делать, или же злу попустительствовать? Неужто душу не спасти, а погубить ее бездействием?

Замолчали шептуны, но затаили в душе еще больше хамства на пророка. А он продолжал:

– Разве не поднимет каждый из вас в субботу на улице серебряный динарий, уроненный кем-то, предварительно не покосившись по сторонам, что никто того не видит? Лицемеры! А если ягненок упадет в глубокий колодезь, неужели вы не вытащите его, а

дадите невинной скотинке погибнуть, а тем вдобавок и колодец оскверните? Лицемеры вы злокорыстные! Готовы у соседа в глазу соринку разглядеть, а в собственном и бревна не видите! – а потом, помолчав, добавил уже в раздумье: – Суббота для человека, а не человек для субботы!

И не успел Иисус закончить свою нравоучительную сентенцию, как подбегает к нему главный священник синагоги по имени Иаир, и, рыдая и вырывая из головы своей и без того редкие волосенки, падает к ногам его.

– Иисус, спаси ради Бога! – Взывает он к пророку. – Дочь моя умерла несколько дней назад... Тлен не берет ее. Может, еще не отлетела душа ее к праотцам? Приди и возложи на нее руки, чтобы она ожила!

– Но суббота же сегодня, равви... Не боишься принять греха на душу свою? Я-то готов всегда помочь человеку, но вы же за это меня и проклинаете!

– Иисус, помоги!.. Плевал я на субботу и на все эти дурацкие предрассудки – воскреси мою дочь! Век тебя не забуду, век буду Господу молиться о твоём здоровье!

– Не о моем здоровье пекись, – ответил ему Иисус, – а о спасении своей души.

И с этими словами последовал Иисус за Иаиром. Следом шла толпа зевак, каждому хотелось быть поближе к этому волшебному лекарю, хоть одним глазком поглядеть на его чудодейство.

И шла за ним в толпе одна женщина, которая уже лет десять страдала кровотечением. Много претерпела она от разных лекарей, вынуждена была распродать все свое имущество, чтобы оплатить визиты врачей и купить лекарства, но все было без пользы: пришла она только в еще худшее состояние. Много она была наслышана о чудесах, которые творил Иисус и крепко-накрепко внушила себе, что как только прикоснется она к его одежде, то тут же выздоровеет.

И вот пробившись сквозь толпу любопытствующих, она достигла Иисуса и коснулась края его одежды. Почувствовав, что кто-то слегка тронул его, Иисус обернулся и увидел женщину с таким умоляющим взглядом, что сразу догадался, в чем может быть просьба ее. Он погладил ее по плечу и сказал: «Дерзай, дочь моя! Вера твоя спасет тебя. Но будь терпелива: зерну малому и то надобно

время, чтобы оно проросло. Болезнь же твоя, я вижу, мучит тебя давно». Женщина ушла довольная, а Иисус подумал: «Хватило бы ей веры в самое себя! Ведь без этого ни одно плацебо никогда не может дать нужного эффекта!»

Идут они дальше к дому священника Иаира. Тот идет и причитает, горько плача. Иисус же говорит ему:

- Не бойся, главное – веруй!

Понял Иисус, что если несколько дней тление не берет тело умершей, то не мертва девица, а впала в летаргический сон. Когда подошли к дому Иаира, Иисус не позволил никому следовать за собой, кроме Петра, Иакова и Иоанна.

Вошли они в дом, видят людей в полном смятении. Бывшие там женщины причитали и, заливаясь слезами, вопили громко. Иисус, пытаясь успокоить всех, сказал, что, может быть, не умерла дочь, а только заснула. На эти его слова народ начал даже надсмехаться над ним, говоря: «Уже пять дён лежит девица мертвая, а ты говоришь, уснула!»

Иисус, попросил отца девицы выслать всех вон из покоев, в которых лежала девица, да и самому тоже выйти. Когда его оставили одного, подошел Иисус к лежавшей бездыханно девушке и поднес к ноздрям девицы маленькое зеркальце, которое он всегда носил с собой. Он тут же увидел, что оно слегка, почти невидимо запотело. Иисус подумал: «И кто меня за язык тянул говорить, что, может, спит она? Вдруг поверили бы мне, что всего-навсего спит? Тогда и чуда бы не вышло! Слава богу, что не обратили на мои слова внимания, но даже еще и осмеяли меня». Иисус подошел к девице, взял ее за руку, и ровным и тихим голосом, монотонно повторяя одни и те же слова, начал говорить ей, чтобы она проснулась и встала. И вот ресницы девушки затрепетали, она слегка приоткрыла глаза. Тут позвал Иисус обратно отца и мать девицы, всех своих учеников и некоторых особо рьяных зевак в покои, где девица лежала.

И, взяв девицу за руку, говорит ей: «Талифа куми!», что значит: «Встань, дочь моя!» И девица, послушавшись Иисуса, села на край кровати, спустив ноги на пол. Она пыталась встать и пойти, но ей это не удавалось: слабость одолела ее - сказывались те несколько дней, которые она провела, не вкушая и крошки от разломанного лаваша.

Не было предела изумлению публики. Все восторженно и оживленно обсуждали свершившееся, воздавая хвалу исцелителю. А он сказал: «Накормите ее, да вернутся силы в тело ее!» И он строго приказал всем, чтобы никто об этом никому не рассказывал. И, конечно же, как по мановению волшебной палочки, тут же слух разнесся по всей стране об этом чудесном воскрешении. «Молодец все же Иуда, посоветовавший мне запрещать рассказы о том, как я исцеляю людей!» – подумал Иисус.

БОГАЧ И НИЩИЙ

Между Иерихоном и Иерусалимом есть небольшое местечко – Фара. Нет в том местечке ничего примечательного, но остановился в нем Иисус с апостолами своими, ибо настало время передохнуть и набраться сил перед входом в большой город – священный город евреев да и других народов проживавших в этом новом Вавилоне.

И вот на привале рассказал Иисус свою очередную притчу.

Некто был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Жил одновременно с ним на грешной земле другой, кто был нищ, лежал у ворот этого самого богатея в струпьях и питался лишь крошками, падающими с барского стола.

Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его. И попал он, конечно же, в ад... Будучи в нестерпимых муках, он поднял глаза свои и увидел вдали Авраама и того бедняка на лоне его. И возопил бывший богачей: «Отче Аврааме! Умилосердись надо мною, пошли того бывшего нищего, чтобы омочил он конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем».

Но Авраам сказал: «Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а бедолага этот имел только злое. Ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь. Да и невозможно попасть из ада в рай - это надо заработать при жизни земной».

Иисус любил побеседовать с каждым из учеников в отдельности. Если беседы с Иудой давали обоим им силы для дальнейшего движения вперед, для выбора пути, то с остальными Иисус гово-

рил, чтобы лучше понять, как люди понимают и воспринимают его слова. А община Иисусовых апостолов была воистину разнообразна. Тут был и вернопреданный, ни в чем не сомневающийся Петр; и безропотная тень его - Андрей; и критиканствующий, хотя в целом и недалекий, Фома; и доверчивый Иоанн; и крепкого ума Матфей, у которого, правда, не хватало скорости реакции; и легкомысленный Филипп.

В этот раз после рассказа притчи Иисус шел, сопровождаемый Фомой, который, как всегда задавал вопросы:

– Учитель! А что же будет с теми у кого в жизни намешано: и добра и мучений получили поровну? Куда им путь в ад или Царствие Небесное? Или же они будут год там, а год сям? Да и кто решать-то будет? Ведь сам говорил, что между добром и злом граница неясная, как у моря Галилейского: откуда ветер дует, туда и волна воду на берег задувает. Неужто правда, достаточно покаяться и в рай попадешь? А что если бы тот богач перед смертью покался, так он тоже бы в раю оказался? А бедняк, забывши покаяться, так что – прямиком в ад?

– Фома, – отвечивал Иисус, – это притча. В ней все рассказывается иносказательно. Понимать ее нужно отвлеченно. Ты сам подумай своей головой, я ведь все разжевывать за тебя не могу... Вспомни: «Имеющий уши – да слышит!»

– Так-то оно так, – не успокаивался Фома, – но ...

Вязкий этот разговор уже притомил Иисуса. Не отвечая прямо, он опять сказал только что придуманную им самим максимум:

– Истинно говорю: легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому попасть в Царствие Небесное!

Шедший позади Иуда слышал беседу учителя с Фомой. Он понимал недоумение Фомы, но одновременно понимал и позицию Иисуса – выходца из бедной семьи...

Иуда понимал, что нескрываемая ненависть Иисуса к богатым – это неистребимое чувство вечно голодного по отношению к сытому. Иисус с детства понимал, какими потом и кровью доставался каждый лептон, каждый минутом его отцу, Иосифу. Он и сам был научен работать, не покладая рук, дабы заработать себе на хлеб насущный. Иуда понимал, что жизнь не баловала Иисуса и приучила его к мысли о том, что богатство нельзя нажить праведным трудом.

Сам Иуда происходил из вполне обеспеченной семьи, ему дали хорошее образование, он никогда не чувствовал нужды ни в чем. У него, как и у Иисуса было развитое чувство справедливости. Он не знал даже, как это чувство сформулировать. Видимо, прав был Иисус, говоривший, что можно и не формулировать это чувство, а просто желать ближнему того же, чего желаешь ты сам себе.

Иуде с детства было немного совестно, что он даром получил то, чего другие не могли добиться даже каторжным трудом. Нет, его родители не были клещами сосавшими чужую кровь. Его отец был уважаемым судьей, о котором шла слава справедливого и честного человека. Но, тем не менее, Иуда видел, что другие его сверстники жили в нужде, их семьи перебивались с хлеба на воду. И он очень переживал за тех своих друзей, у чьих родителей жизнь не сложилась, была трудной и тяжелой. Ведь сами-то его друзья были не виноваты, что их родители бедны!

Иуде очень нравилась идея Иисуса, что люди должны жить, как одна большая семья: сильные помогать слабым, сытые – голодным. Ведь хорошая семья живет по подобным законам: никто не задумывается над тем, что есть добро, каждый просто творит это самое добро.

Но в то же самое время, Иуда не понимал слепой ненависти к богатым. Ведь само по себе богатство – не порок. Порок стремление к несправедливому богатству.

Догнав Иисуса, шедшего в одиночестве впереди, когда от него отстал Фома Неверующий, Иуда обратился к Иисусу:

– И я хочу поговорить с тобой об этой твоей последней притче о богатом и бедном. И среди богатых людей бывают праведники. Ведь вовсе не обязательно зарабатывать деньги нечестным путем или же, наживаясь на каторжном труде ближних. Возьми, к примеру, Еноха из Вифлеема. Да, он богатый человек, но он сам вместе со своими работниками встает рано утром, что говорится, ни свет, ни заря, вкалывает с ними до седьмого пота, вместе с ними разделяет их трапезу. Да, он живет в хорошем доме, его жена может красиво одеваться и носить драгоценности... Но разве он не сам заработал все, что имеет, честным трудом? Посмотри, как рвутся люди попасть к нему на работу... К тому же, ты знаешь, что он пожертвовал большие деньги на храм Божий...

– Знаю я этих богатеев: совесть их гложет, вот они и стара-

ются Бога умаслить своими подношениями!.. – раздраженно ответил Иисус.

– Все ли так просто, Иисус? Я вот тоже не из бедной семьи, но не вижу никакого за собой греха только от этого. А в твоей же притче, представь, что богатый человек – это честный труженик Енох из Вифлеема, а бедняк, сидящий у ворот, – прощельга и обманщик Вартимей. Так что же, все равно надо Еноха гнать в ад, а Вартимея посылать под крылышко Авраамово?

– Опять ты прав, Иуда... И в то же время неправ! Жизнь многолика, нет единого рецепта, как жить. Только дурак, а может, даже вдобавок еще и негодяй, может сказать, что он знает как поступать наперед, и только глупец может последовать его совету. Но в то же время есть какие-то общие принципы... В среднем богатые люди заслуживают презрения...

– В среднем? – переспросил Иуда. – Но разве бывает «средний Иисус» или «средний Иуда»?

– Ну, я и ею в виду общий принцип...

– Но, Иисус, не в том ли и беда всех этих общих принципов, особенно высказанных вождем, что люди начинают слепо им следовать? Представь, как может подействовать такая притча на Петра? Или на Филиппа? Они же слепо пойдут жечь поместья и громить дворцы, убивая неповинных людей за то, что они «в среднем» плохие!

Задумались оба. Каждый понимал правоту другого. Каждый понимал и свою правоту. Они уже не первый раз говорили об отсутствии абсолютных истин в жизни, признавая в то же время право на существование таковых.

– Знаешь, Иуда, – после паузы сказал Иисус, – все же мы должны думать именно о «среднем человеке», ведь мы с тобой мечтаем о религии для всех, а не для избранных. Большинство людей бедны, поэтому мы должны им «подыгрывать», сделать так, чтобы вера наша помогала им жить.

Они опять шли молча, погруженные каждый в свои мысли. Спустя какое-то время Иуда произнес:

– Ты меня прости, Иисус. Я четко понимаю, что всегда проще подмечать ошибки других, чем самому прокладывать путь и при этом неизбежно ошибаться.

Ты же выполняешь великую миссию. Ты делаешь то, что никто из нас сделать был бы не в силах: ты видишь цель, ты ведешь нас.

– Знаешь, Иуда, я многое понял в последнее время: чтобы быть учителем, надо уметь самому учиться у других. Общение с такими, как ты, стимулирует меня, позволяет развивать дальше основные идеи новой веры, оттачивать их...

– Ну, моя-то роль незначительна: как я уже сказал тебе, быть критиком легче, чем быть создателем.

БЛУДНЫЙ СЫН

В другой раз Иисус поведал ученикам своим притчу про блудного сына. Иисус любил рассказывать притчи, причем учил учеников своих, чтобы они сами доходили до морали, заложенной в той или иной притче. Иногда все же вопросы ему задавались, особенно усердствовал в этом обычно Фома.

Вот что рассказал Иисус на этот раз. У одного богатого человека было два сына. Однажды пришел к отцу младший и сказал: «Отче! Выдай мне причитающуюся мне по праву наследства часть имения». Разделил отец имение свое на две части и отдал каждому из сыновей его часть.

По прошествии немногих дней, младший сын, заложив свою часть имения, тайком собрался в дорогу, прихватил деньги, и пошел в дальнюю сторону. Там он вел разгульную жизнь, кутил, развлекался с порочными женщинами и, в результате такой распутной жизни, в конце концов, расточил все свои средства, которые ему достались от отца. Не зря люди говорят про такие шальные деньги: легко пришли – легко ушли. Коли не трудом тяжелым заработано достояние, то и теряется оно быстро и незаметно.

Когда же он прожил всё, то пришлось подумать самому о хлебе насущном. Хоть и не привык к труду он, избалованный отеческой любовью, пришел черед и ему почувствовать вкус собственного пота. Один из жителей той страны, где застрял без денег и без средств на жизнь младший сын, взял его к себе из жалости, а поскольку молодой человек ничего не умел делать, то послал его на поля свои пасти свиней. Там юноша был рад наполнить чрево

свое отрубями, которые ели свиньи, забыв что подают на дружеских пьянках- гулянках да разгульных пиршествах.

Скопив самую малую толику денег, необходимых лишь на возвращение на родину, он собрался в обратный путь. Помысел его был один и весьма простой:

– Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я здесь умираю от голода! Приду я к отцу моему и скажу: «Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим... Прости и помилуй меня! Возьми меня, Бога ради, в число наемников твоих». Неужто откажет мне отец мой?

Знал он, даже уверен был, что дрогнет отеческое сердце, простит он все любимому своему сыночку, и будет он снова жить-поживать пришеваючи.

И вот он уже подходит к дому своему, весь в пыли, в лохмотьях, что остались от его прежде роскошных одежд. И тут увидел его отец его и, обезумев от радости, побежал навстречу сыну своему, подбежав же пал ему на шею и целовал его. Слезы текли по щекам старика, застилая ему глаза. Сын же сказал ему:

– Отче! Я согрешил пред тобою... Но все же позволь мне называться сыном твоим, хотя я того и недостойн...

– Сын мой единокровный! Да разве может быть для родителя радость большая, чем возвращение блудного сына, вернувшегося в лоно отчего дома!

И отец, которого распирала радость оттого, что вернулся, наконец, сын так долго неведомо где пропадавший, сказал рабам своим: «Принесите лучшую одежду сыну моему возлюбленному и оденьте его, и дайте перстень драгоценный на руку его, и обувью из лучшей кожи обуйте ноги его!» Потом велел он заклать лучшего из молодых тельцов для праздничной трапезы:

«Будет сегодня великий праздник, ибо вернулся мой сын, который пропал долго, но нашелся! Есть у нас повод радоваться и веселиться!»

И приготовили слути всяческих яств и хмельных напитков, и разгорелось веселье в доме. И снова почувствовал себя младший сын главным в доме, от желания которого зависело все, ибо отец его всегда, всю его жизнь был его рабом.

Старший же сын был в это время в поле, где работал, как все-

гда, в поте лица своего, восполняя в хозяйстве отцовом те бреши, которые возникли из-за транжирства младшего брата. Когда возвращаясь с поля усталый и оголодавший, приблизился он к отчому дому, то услышал пение и ликование в доме. Умывая руки свои после трудов праведных, спросил он одного из слуг, что происходит. Тот ответил: «Брат твой вернулся... Отец твой распорядился устроить пир горой в честь этого события и заколоть откормленного молодого теленка на радостях, потому как сын его меньшей вернулся здоровым и невредимым».

Старший сын осерчал и не хотел даже войти в дом и сесть к столу. Он пошел во двор, сел на лавку около клетки с ягнятами и опустив голову свою на натруженные руки думал над несправедливостью жизни. Вышел из дверей счастливый отец и стал звать его. Но старший сын сказал в ответ отцу:

– Я столько лет гну спину, работаю, не жалея живота своего... Все эти годы я искупаю грехи брата моего перед тобой, отец. Я ли не служу тебе честно и бескорыстно и никогда не преступаю ни одного приказания твоего? Но я ни разу за все эти годы, не был удостоен и малого козлёнка, чтобы мне хоть немного повеселиться с друзьями моими после трудов моих... Брату же моему, промотавшему половину имения твоего с блудницами да пропойцами, как только тот вернулся, ты устроил пир на весь мир, заколов для него теленка!..

Не о любви отчей прошу я, а о справедливости...

– Сын мой! – ответил отец. – Ты всегда со мною. А вот брат твой будто был мертв и ожил, пропал и нашелся.

Молчали апостолы после сей притчи. Вроде все так, а что-то вроде не так. Опять эти притчи! Ну, кто их уразумеет? Как понять эту притчу? В чем же мораль ее? С одной стороны, вроде бы отец прав, обрадовавшись, что вернулся живой и невредимый сын, коего уже и не чаяли увидеть. Но вроде и старшой сын прав: нужно же какая-никакая справедливость! Кому более надо воздать – труженнику или трутню?.. Хотел было, как обычно, встрять с вопросом Фома, да Петр одернул его за рукав.

Иуда же подойдя к Иисусу положил руку ему на плечо и, стоя спиной к остальным, прошептал, чтобы никто из апостолов его не услышал:

– Иисус, по-моему, твоя притча противоречива... Слепая любовь к младшему – не есть повод для восхвалений, а уж предпочтительнее транжиры-празднолюбца перед лицом истинного труженика – это вообще ни в какие ворота не лезет...

– Да, нелепо получилось... Не знаю уж, почему эта притча вообще мне в голову пришла. Мне эту притчу еще мать рассказывала, когда я был совсем маленьким. Я о сути этой притчи и не задумывался никогда...

ИСЦЕЛЕНИЕ ДОЧЕРИ ХАНАНЕЯНКИ

И ходил Иисус со своими учениками по всей Галилее, уча в синагогах, проповедуя Царствие Небесное, и исцеляя всякую болезнь и немощь в людях. Пригодились ему знания, полученные в Греции от Фемистокла. Особенно удавалось ему лечение так называемых «бесноватых» – припадочных и лунатиков. То, что людям казалось порождением сил бесовских, он излечивал легко, зная азы психотерапии.

И валили к нему толпы народа, надеясь на чудо. Иисус, лечя, не делал поспешных заявлений: он сначала осматривал немощных и больных, делал диагнозы, деля про себя всех на излечиваемых и неизлечиваемых, а потом принимался лечить тех, успех лечения которых был фактически предрешен. И с лечением он не торопился, делал все не спеша и с убедительной для всех уверенностью.

Если же попадался кто-то с тяжелейшей неизлечимой болезнью, то он отсылал такого либо к какому-нибудь святому месту на моление, либо говорил, что больному нужно две недели пить парное козье молоко от козы, у которой родился один светленький и один темненький козленочек. А поди сыщи такую козочку! Но надежда есть! Иисус помнил, чему учил его Фемистокл: «Если не можешь вылечить, то дай хотя бы надежду. Она либо спасет больного, либо хотя бы облегчит последние дни его».

Во время одной из проповедей подошла к Иисусу женщина и попросила его излечить дочь ее, которая была тяжело больна: одержима та была нечистым духом, как говорили люди. Была у девочки падучая болезнь, а временами она впадала даже в беспамятство, и изо рта ее шла белая пузырчатая пена. Припала та женщина к ногам Иисусовым, причитая и умоляя его исцелить ее дочку.

По необычной яркой одежде и по сильному акценту женщины, понял Иисус, что она язычница. Она, и взаправду, оказалась родом хананеянка. Посмотрел на нее Иисус даже немного брезгливо и сказал:

– Женщина! Неужто ты думаешь, что я брошу хлеб псам, прежде, чем накормлю детей своих?!

– Сделай, как она просит, – стали просить его ученики, – а то она так и будет идти за нами и вопить всю дорогу!

– Послан я только к погибшим овцам дома Израилева. – Иисус ответил на это. – Нехорошо взять хлеб у детей и бросить его псам.

Но женщина оказалась не из простых – палец в рот не клади! Встав с колен в некотором изумлении, если даже не в негодовании, она, острая на язык и сообразительная, ответила довольно дерзко, чем повергла Иисуса в неудобное положение:

– Уж не знаю, что и сказать тебе, мил человек, но не добру ты учишь! Коли припомнишь, то и псы не остаются голодными под хозяйским столом, хоть крохи, но и им достаются!

Тут Иисус почувствовал буквально жжение где-то в области затылка. Обернувшись, он увидел Иуду, смотревшего на него с глубокой укоризной. Опомнился Иисус, осознав, что не то и не так ответил на мольбы хананеянки. И сказал тут Иисус:

– Прости меня женщина, не хотел я обидеть ни тебя, ни род твой. Вижу, что велика вера твоя, а посему да будет тебе по желанию твоему. Подведи ко мне дочь твою.

И возложил Иисус руку на голову дочери той женщины, потом присел на корточки перед девочкой и, продолжая держать руку свою на ее темечке, сказал ей:

– Ты здорова! Ты здорова! У тебя никогда больше не будет жестоких припадков: я изгнал беса из тебя. Если же он еще когда приблизится, то ты и мать твоя да обратите лица свои в сторону Иерусалима и да произнесите молитву сию: «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя твое. Да придет царствие твое. Да будет воля твоя и на земле, как на небе! Хлеб наш насущный дай нам днесь. Прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему... И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Аминь!»

Вряд ли запомнила хананеянка этот текст. Но ведь не это главное! Главное, что запало ей в душу, что надо просить Господа, когда тебе что-то позарез нужно, а слова она сама подберет, да еще, может, более приличествующие случаю!

Поблагодарила женщина Иисуса, обняла на прощание по-матерински и сама благословила его, как родного сына. Комок застрял в гортани Иисуса, не смог ничего ответить он осчастливленной матери. И он впервые понял глубину той истины, которую сам же вещал людям: по делам, а не по словам вашим, судимы будете!

И девочка улыбнулась ему в ответ светлой улыбкой, и понял Иисус, что поверила ему, а ведь это и есть залог успешного исцеления от болезни, одолевавшей ее. Так случилось взаимное благо: мать обрела исцеление дочери, а Иисус еще одну душу приобщил Господу. И был благодарен Иисус Иуде за тот обжигающий взгляд осуждения, который помог быстро исправить ошибку и помочь дочери женщины- хананеянки.

Тут подошел к Иисусу Иуда, и положил ему руку на плечо, говоря:

– А ведь и впрямь исцелил ты девчущку! Вон она как, вся аж засветилась! Ведь сами мы не знаем, какая сила заключена в нас, а все надеемся на что-то пришедшее свыше. Слаб человек! Слаб! – продолжал Иуда. – Ну, истинно, как прожить слабому без веры? И ты должен дать людям эту веру, Иисус!

Иисус благодарно взглянул на Иуду за то, что тот не напомнил ни словом, ни жестом о его промахе. Он в задумчивости промолвил, будто просто мыслил вслух:

– Милосердие не должно выбирать своих и чужих. Оно либо есть, либо его нет... К тому же, дитя, чье бы оно ни было – всегда дитя.

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

Трудно давались Иисусу проповеди про Царствие Небесное... Да и что ответишь на вопросы? Ведь все хотят узнать, а что там, а как души там размещаются, а что они делают, а как в преисподней?

Однажды саддукеи, которые вообще не верили в воскресенье после смерти, спросили Иисуса:

– Вот по Моисееву завету, если кто умрет, не имея детей, то брат его пусть возьмет за себя жену его и восстановит семья брату своему. Так? – Иисус согласно кивнул. – И вот жили-были семь братьев. Первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий. Дошло дело и до седьмого, но и он помер не продлив рода своего. А после всех умерла и та женщина, бывшая всем им женою при жизни. Вот вопросец у нас есть с заковырочкой: Воскреснув, которого из семи будет она женою?"

– Вот ведь казуисты проклятые! Такой загадки и Сфинкс бы загадать не догадался! А интересно, что бы на такую злобную загадку Эдип бы ответил? – подумал Иисус.

Но призвал он на помощь всю свою природную сообразительность и изворотливость и ответил, хотя и не по делу, но весьма убедительно. (Что поделать: каков вопрос – таков и ответ!)

– Заблуждаетесь, не зная ни Священного Писания, ни силы Божией. В воскресении люди ни женятся, ни выходят замуж, – говорил Иисус, словно только что вернулся с того света, – но пребывают, как ангелы Божии на небесах.

А что на это возразишь? Поди разбери, как там ангелы на небесах... Никто из вопрошавших там не был, а кто уже там, так пока никто не возвращался... А Иисус так говорит, будто точно знает.

После этих нелегких дебатов с саддукеями, Иисус с Иудой шли, как всегда, обсуждая только что прошедшее словесное сражение.

– Может, – заметил Иуда, – если загробная жизнь и есть, то она вот такая бесплотная «жизнь-смерть» в застывшем навсегда времени? Но людям нужна приятная сказка о загробной жизни, которая не есть подобие смерти. Человек страшится смерти потому, что он слаб душой. Надо укрепить его душу, убедив человека, что душа его нетленна. Только это может укрепить наше учение и делает его бессмертным. Ведь человек смертен, но человечество бессмертно!

– Хорошо рассуждать об абстрактной смерти и абстрактном бессмертии...

– А как ты, Иисус, сам относишься к смерти?

– Смерть? – задумчиво переспросил Иисус. – Я не хочу умирать. Я хочу творить добро для людей, а это можно делать только здесь, на земле. И если говорить честно, то я даже боюсь смерти...

– Иисус! А веришь ли ты сам в загробную жизнь? Ведь то, что ты ответил книжникам на вопрос о семи братьях, у которых была одна и та же жена на земле, только все запутывает... Если в Царствии Небесном не будет отношений между душами, то это будет большая прозрачная тюрьма с одиночными камерами. Кому нужна такая вечная жизнь-каторга?!

Они продолжали идти, каждый думал о своем, хотя мысли их кружились вокруг одного и того же. Что же такое есть это Царствие Небесное?

– А я тебя спрошу и поставлю вопрос, чем тот фарисейский – опять заговорил Иуда: – что будут чувствовать души матери и сына, если мать в младом возрасте умерла при родах, а сын умер в глубокой старости? Ведь душа матери не узнает своего сына в той старческой душе, которая будет обитать на небесах, а сын не узнает своей матери в юной душе, а плотских-то образов у них не будет!

А если умрет недельного возраста младенец, то кем будет душа этого несмышленища? Да и кому она будет нужна? Так она и будет болтаться, как никому ненужная щепка на волнах?

– Не знаю, не знаю... – ответил задумчиво Иисус. – Лучше и не пытаться это понять или объяснить. Это как у брахманов, помнишь я рассказывал: разломишь смокву – найдешь зерно, разломишь зерно найдешь то «ничто», которое и есть начало всего. Это «ничто» – непознаваемо.

– Но какой смысл в Царствии Небесном, если там нет места для чувств, мыслей, общения? Чем такое Царствие Небесное для душ лучше, чем Кладбище Земное для тел человеческих? Если там нет развития, нет перемен, то это подобие смерти.

Они помолчали немного, а потом Иуда сказал:

– В конце концов, все это неважно. Главное помочь людям, дать им веру. Ты начал великое дело. Все мы беззаветно преданы той идее, которую ты проповедуешь. Но ведь ты понимаешь, что

рано или поздно нас все равно затопчут, убьют незаметно, как обычных преступников... Ведь мы, и правда, преступили за многое: мы, как бельмо на глазу для всех этих фальшивых святош и лицемерных власть предержащих.

Почему я спросил тебя, боишься ли ты смерти? У нас нет иного выбора: либо жить, но проиграть, либо пожертвовать собой, но победить. Ты же сам говорил, что восхищаешься Сократом. А ведь он умер всего-навсего за свои идеи, мы же готовы отдать жизни за великую идею!

– Я уверен, что наша идея, в конце концов, победит, – ответил Иисус, – и разнесется по всему миру. Но я очень боюсь, что, победив, она встанет на службу власти предержащих. Не напрасна ли наша борьба?..

– А я верю, что придет время, – разгорячено и с нескрываемым волнением сказал Иуда, – когда наступит всеобщее равенство людей, когда все будут счастливыми, когда на самом деле все станут братьями. И может, созданная тобой религия разрастется, поглотит другие, трансформируется так, чтобы быть удобной для всех – белых, желтых, черных – да хоть зеленых, если зеленые люди где-то да существуют!

– Да, Иуда... Надо нам обо всем серьезно подумать, все решить... Ну, да ладно, пойдем спать. А то вон уже небо на Востоке стало светлеть. Может, во сне какая благодать приснится. И потом не зря говорят: утро вечера мудренее!

Они обнялись дружески похлопали друг друга по спинам и, кивнув друг другу «спокойной ночи», пошли на ночлег.

Уже занималась заря... Долго ли осталось им творить добро на этой земле? Что с ними станет завтра?

ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ

Однажды пришла из Вифании Мария Магдалина совершенно расстроенная, вся в слезах. На вопросы Иисуса, пытавшегося утешить ее, она сквозь рыдания сказала, что брат ее Лазарь тяжело болел и умер. Иисус расспросил ее, что случилось, и Мария рассказала, что последние дни мучился Лазарь тяжелейшими головными болями, отпивали его какими-то целебными травами, кото-

рые принесла местная знахарка. Она же потом заговорила Лазаря, головная боль у него утихла, он стал уже улыбаться, но потом вдруг, когда знахарка, уходя, уже закрыла за собой дверь, вдруг ослабел, закатил глаза, учащенно задышал, а потом сник, и жизнь вылетела из него прочь...

Понял Иисус, что промедление смерти подобно: обладала, видимо, знахарка даром гипноза, успокоила она Лазаря, да не рассчитала, что слишком сильно было ее влияние на Лазаря! Надо срочно мчаться в Вифанию! Слезами горю не поможешь, да и горя-то еще нет: вот, не дай Бог, похоронят Лазаря, да закроют намертво могильным камнем вход в склеп-пещеру, вот тогда будет поздно. Даже если проснется Лазарь, ослабевший, он не сможет отвалить камень и останется только одно – тихая неизбежная смерть от истощения и жажды...

Сказал Иисус своим ученикам: «Пойду в Вифанию, воскрешу Лазаря, и тем восславлю еще раз имя Господне!» Вифания была близ Иерусалима, всего стадиях в пятнадцати, так что Иисус, за которым поспешала Мария Магдалина, уже примерно через час был в доме, где встретила его Марфа, сестра Лазаря и Марии. Много народу собралось из окрестных селений и даже из Иерусалима, чтобы утешить сестер в их безграничном горе. Оказалось, что Лазарь уже четыре дня находится в склепе. Нужно сказать, что порадовался Иисус, что не хоронят в Израиле в глубоких ямах, как делают люди на севере, и не относят в лес на съедение диким зверям, как это делают в Индии – тогда бы не сотворить чуда!

Не теряя времени, Иисус пошел к склепу и попросил нескольких мужчин отвалить тяжеленный камень от входа в пещеру. Могильным холодом и какими-то пряными запахами от мазей, которыми натирают тело покойников, повеяло из глубины пещеры.

Кто-то запричитал: «Четыре дни прошло... Чай, уже смердеть тело начало - эва дух какой спёртый...» (Оставим на ваше усмотрение, читатель, отчего может смердеть в пещере, вход в которую до погребения был открыт.)

Иисус попросил всех отойти подальше, а сам вошел в пещеру. Миазмы в пещере «благоухали» действительно такие, будто целое стадо козлов переночевало здесь. Иисус подошел к каменному гробу, сдвинул крышку, открыв лицо Лазаря: оно было светлым и чистым, будто он спал праведным сном.

«Так оно и есть! - подумал про себя Иисус. - Эти неучи опять чуть не захоронили живого еще человека!»

Он вышел из пещеры и сказал, чтобы принесли ему чашу с водой, ибо он должен окропить лицо Лазаря, чтобы тот ожил. Когда расторопная Марфа через пару минут принесла чашу с водой из ближнего родничка, Иисус взял ее, отстранил рукой любопытствующих и опять вошел в пещеру. Там он достал свой заветный мешочек с магическими кристаллами, достал один и бросил его в воду. Вода зашипела и со дна стали подниматься мелкие пузырьки. Поднес Иисус эту чашу к ноздрям Лазаря, предварительно подняв его голову. И вот ноздри Лазаря раздулись, как у коня, готового сорваться с места, потом дрогнули ресницы, потом открылись ничего не понимающие глаза, потом в очах его забрежился рассудок:

– Это ты, Иисус?.. Где я?.. Что со мной?..

– Да, это я, Лазарь. Я воскресил тебя. Подожди не шевелись без моей команды, – ответил Иисус.

С этими словами он быстро опять появился из темного зева пещеры, воздел руки к небу и громовым голосом, которым он воистину артистически управлял, провозгласил:

– Боже милосердный, сделай, чтобы Лазарь восстал из гроба! – а потом добавил, уже обращаясь в глубину пещеры: – Восстань, Лазарь, из мертвых!

И увидели все сквозь пещерный мрак, как Лазарь сдвинул каменную крышку, которая с грохотом упала на каменный же пол склепа и раскололась пополам... Потом покойник как-то неловко вывалился из гроба, упав на четвереньки, поднялся и шатаясь, как пьяный, побрел к выходу из пещеры. Когда он, зажмурившийся от яркого света, появился перед народом, все ахнули и сразу же запричитали, начали молиться и воздавать хвалу Господу и Иисусу, сыну Господню. Лазарь настолько был слаб, что сестры его, подхватив на руки, понесли его домой. Вся толпа радостно повалила за ними.

Слух о чуде мгновенно разнесся по округе. Трудно поверить, как вести, особенно благие или же печальные, быстро разносятся, будто ветром, по миру! Не прошло и часа, в Вифанию стеклось множество народа посмотреть на ожившего Лазаря, пощупать его,

услышать его голос. Конечно же, без внимания не остался и главный герой – Иисус.

*****

Вечером хлебосольная Марфа устроила для Иисуса и его учеников настоящий пир в честь воскрешения Лазаря. Иисус возлежал около центра стола, по обе стороны от него расположились Марфа и Магдалина. Напротив Иисуса, по другую сторону стола, сидел счастливый Лазарь, не сводивший с Иисуса восторженных глаз.

Иисус возлежал, опираясь на левый локоть, Магдалина сидела немножко сзади, за его головой, а Марфа разместилась в ногах. Когда Магдалина тянулась за кувшином, чтобы подлить вина в чашу Иисуса, ее упругая грудь касалась плеча или затылка Иисуса и тогда сладкая молния неутолимого желания пронзала все его тело. Иногда во время разговора он, покачиваясь в такт своим словам, сам касался юного тела Магдалины, а она не отстранялась, а казалось, даже подавалась ему навстречу. «Если это и есть грехопадение, которое открылось нашей праматери Еве... – думал Иисус. – Да... Тогда спасибо Змею-искусителю! Кто не познал этого, тот зря появился на этой грешной земле!»

Кончилась вечеря, хозяева стали укладывать гостей на ночлег. Иисусу отвели отдельную комнатку, в которой обычно спал Лазарь, а сам Лазарь отправился с остальной братией на сеновал. Вскоре все утомонились: уже не слышно было гоготанья Фомы и окриков Петра, уже кончили бубнить о чем-то постоянные собеседники – Матфей с Фаддеем... Дом погрузился в тишину. Слышны были только безумолчно звенящие ночные сверчки, легкий пряный аромат южных цветов, будто бы проснувшихся после дневного зноя, щекотал ноздри... Иисусу не спалось.

Он встал, накинул на себя легкую льняную простыню и подошел к окну. Тьма была – хоть глаз выколи. Стоявшее рядом с домом дерево закрыло полнеба, заслонив звезды...

Вдруг что-то почти обожгло Иисусу спину. Ощущение было такое, как если бы он стоял на расстоянии ладони от хорошо протопленной печи. Он невольно обернулся, и... Нежные руки обволокли его шею, жаркая девичья грудь прильнула к его груди, и он ощутил касание двух упругих сосцов. Ее губы нашли его губы. Она еще сильнее, всем телом прижалась к нему. Она повлекла его за со-

бой, он с трудом удерживал ее тело, осторожно опуская его на свою лежанку. И вот они слились в одно целое. То что было тогда за столом, оказалось лишь слабым отблеском того всесжигающего пламени, которое бушевало теперь...

Продолжали звенеть сверчки... Продолжала благоухать южная ночь...

Часть 4. ШЕСТВИЕ НА КАЗНЬ

БЕССМЕРТИЕ ЧЕРЕЗ СМЕРТЬ

Настало уже время Иисусу проверить в действии учеников своих. Ведь он понимал, что именно они понесут огонь новой веры в люди. У него же с Иудой зрел план, как сделать, чтобы пламя, зажженное Иисусом, не заглохло даже если с ним что-либо и случится.

Послал Иисус учеников своих проповедовать по разным городам и весям Галилейским: Петра с Андреем в Асир, Филиппа в Дан, братьев Зеведеевых, Иакова с Иоанном, в Завулон, Матфея с Фаддеем в Неффалим, Иакова Алфеева с Фомой в Иссахар, а Симона Кананита в Восточную Манассию. Сам же Иисус с Иудой Искариотом направился к озеру Генисаретскому, где назначили и сбор остальных по истечении положенного времени. Нужно было друзьям побыть одним, поговорить о жизни, о новой вере, о том, что и как делать дальше.

Перед дорогой дал Иисус апостолам своим напутствие: «К язычникам не ходите, а вы, оба Иакова да Иоанн с Фомой, держитесь подальше от городов Самаритянских, не приближайтесь к ним и не входите в них, а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева».

Тут шепнул что-то на ухо Иуда Иисусу, и тот сказал:

- Погодите малость, я сейчас.

Сам же отошел в сторонку, где они с Иудой имели быстрый разговор, чтобы ни у кого не закралось подозрения о том, что идет сговор против них. А у двоих был простой разговор. Иуда напомнил Иисусу, что забыл тот про свою же притчу о добром самаритянине.

- Негоже отваживать наших друзей от Самарии! Исправься, Иисус!

Иисус ответил Иуде благодарной улыбкой и тут же вернулся к остальным ученикам. Он ценил в Иуде быструю реакцию на слова, на действия, на ситуацию. Сколько раз он его уже выручал, когда Иисус буквально спотыкался на ровном месте. Причем все Иуда делал всегда деликатно, незаметно, дабы не ставить Иисуса в неловкое положение перед остальными его учениками.

И Иисус быстро исправился:

- Вы знаете, что в Самарии не любят ни галилеян, ни иудеев. Никто уж не помнит, кто кого обидел первым, но вражда есть. Если вы встретите враждебность, избегайте конфликта. Если же будет добрым отношение к вам, то раскройте свои души навстречу. А уж ежели сможете оказать какую помощь или сострадание - окажите. И всегда помните доброго самаритянина: он помог иудею, которому его же собственные собратья в помощи отказали. Будьте и вы добрыми самаритянами для самих самаритян!

Очень хорошо вывернулся Иисус, Иуда был им просто восхищен: не зря Иисус пользуется у людей славой мудрого человека! Лишь когда они остались одни, Иуда мягко изложил свой взгляд:

- Негоже нам печься лишь о детях Израилевых. Сам же ты говорил нам, что наша религия – религия для всех, что нельзя различать евреев и не-евреев, мужчин и женщин, бедных и богатых... Твоя вера должна завоевать весь мир! А вот еврей-то – как раз – с их крепкой церковью, вряд ли пойдут за тобой и за нами.

Нечего было Иисусу возразить Иуде. Похлопал он его по плечу и лишь заметил:

- Не зря говорят, что ум хорошо, а два лучше!

- Прости меня, брат мой, – смутившись, сказал Иуда. – Знаю, что надоедаю я тебе со своими советами да замечаниями. Но ты сделал так, что твоя вера стала и моей верой. Я готов за тебя, за твою веру жизнь отдать. Но в то же время, я считаю, что мой долг говорить тебе правду, когда ты не прав. Возможно, и я бываю не прав, когда делаю тебе замечания, но ты уж меня прости. Ведь помнишь, кто-то рассказывал, что сбоку от колесницы римского императора бежит юноша и кричит: «Ты кесарь, но ты всего лишь смертный!»

– Конечно, конечно! То сложное дело, за которое мы взялись, требует очень серьезных обсуждений.

А обсуждали Иисус с Иудой, действительно, крайне важный вопрос. Нельзя было допустить, чтобы все достигнутое свелось бы к какому-то эпизоду: вот появился некий маг с группой учеников, фокусы показывал, врачевал, притчи рассказывал, а потом сгинул. Ведь не раз уже такие пророки или лже-пророки вспыхивали и гасли в истории человеческой.

Да, люди стали верить в то, что Иисус может творить чудеса, но это ни на йоту не приближало их к вере, о которой мечтали Иисус с Иудой. Если так будет продолжаться и далее, то чем это кончится? Ведь придет время - все мы смертны! - приберет Господь их души и умрет с ними начатое ими дело!

– У нас с тобой очень ограниченный выбор: либо жить, но проиграть, либо пожертвовать собой, но победить, – говорил Иуда. – Как скажешь, так и будет!

– Не знаю, не знаю... – отвечал ему Иисус. – Иногда я думаю, что даже наша полная победа может обернуться поражением... Допустим, наша вера победит – ведь ее тут же используют власть предержащие для усиления самих себя. Помнишь, я тебе рассказывал, как фараоны египетские называли себя «живущими Хорусами»? Если появляется вера в сильного Бога, то любой властелин тут же примажется к его образу, а то и вовсе приравняет себя Богу!

– И все же я думаю, что подобные сомнения не должны нас останавливать. Пройдет время, правители сменятся, но народ останется, а с ним будет жива и вера наша!

– Ты прав, ты прав, Иуда. Но давай подумаем, что же нам надо сделать для нашей победы и над ложной верой, и над неверием. У тебя ведь что-то есть на уме, сознайся?

– Есть, Иисус. Но мне и выговорить об этом трудно... Ты сам рассказывал мне про Сократа, про то, как этот великий мыслитель ради собственной идеи пожертвовал своей жизнью. Наша же с тобой идея грандиознее... Не встал ли вопрос о нашем самопожертвовании?

– Но как? Вон Креститель пожертвовал...

– Нет, он не пожертвовал, – перебил его Иуда, – а стал жертвой, а это разные вещи! Подумай, если мы будем продолжать, то нас

так или иначе затопчут, убьют подленько, незаметно. Ведь ты и мы, твои ученики, все мы, как бельмо на глазу и у прокуратора римского и у первосвященников.

Уничтожат нас всех, и память о нас сотрется в сердцах и умах людских очень быстро. А охота за тобой да и за всеми нами уже началась - фарисеи да книжники понимают, как опасны мы для них: они опасаются за свою власть над этими баранами, которых ты именуешь «агнцами Божьими».

– Ну, прав ты, прав, но что делать? Как сделать так, чтобы жертва не оказалась напрасной?

– Выход, мне кажется, есть. Нужна жертва – это ты, как наш учитель и пастырь. Для усиления эффекта от жертвы должно быть и олицетворение зла – предатель. Это – я. На этих двух полюсах мы и построим нашу жертву ради идеи. И на этих двух полюсах будет держаться наша вера: тебя будут любить и жалеть, а меня будут ненавидеть и презирать. Одно чувство будет подогревать другое, не давая угаснуть ни одному из них! Ведь, на самом деле, Добро и Зло слиты воедино, вечно живут вместе. Ведь не было бы Зла, кто бы понял, что такое Добро? Помнишь, мы говорили однажды об этом? Это как свет и тьма, тепло и холод: тьма – это не-свет, холод – это не-тепло. По отдельности они не существуют. Так же будем и мы с тобой: Христос и Антихрист...

– Но ты понимаешь, что обрекаешь себя на вечное проклятие людьми из поколения в поколение?

– Понимаю, понимаю... Но что такое людская любовь и людская ненависть? А если есть Царствие Небесное, то мы с тобой там встретимся – ведь Господь понимает, что мое служение не менее важно, чем твое.

– Значит, порешили, – произнес Иисус, – я погибну во искупление грехов человеческих!

– Иисус, может, не надо говорить так...

– Почему, Иуда? Ведь человек действительно грешен, грешен с первого дня после рождения.

– Ну, Иисус, чем же уж грешен младенец-то новорожденный? Идея первородного греха, по-моему, просто бред! Вот мы, так это точно, все грешны. Но почему же кто-то должен искупать чужие грехи? Каждый сам должен раскаяться в содеянном, а потом сам ис-

купить свой грех. Как же можно почувствовать и осознать грех, если его не искупишь сам своим потом, своими слезами, своей кровью? А так что же получается: кто-то грешит, а ты его грехи искупаешь? Это же куда как просто на чужом горбу в рай въехать! По мне так все должно быть так: сам согрешил – сам покайся и сам же искупи грех свой. Мы уже говорили с тобой об этом. Это единственное, в чем я не согласен с тобою. Не должен ты искупать ничьи грехи! Да тебя об этом никто и не просит. Не плоди моральных дармоедов и иждивенцев!

ПЕРВОЕ ОТКРЫТОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

Будучи в Иерусалиме, вошел как-то Иисус в Храм, и там, в притворе Соломоновом, правоверные иудеи обступили его и стали настырно спрашивать, Христос он или не Христос. Что, мол, держишь нас в недоумении и, как всегда, ни да, ни нет не говоришь прямо?

Но и тут Иисус уклончиво ответил:

– Дела, которые творю я свидетельствуют обо мне. Кто верит в меня, тот знает, кто я. Но вы не верите, ибо вы не из овец моих. Тем, кто верит в меня, я даю жизнь вечную, они не погибнут вовек. И никто не похитит тех агнцев Божьих из руки моей. Истинно говорю вам – я и отец мой суть неделимое.

И хоть не назвал Иисус имя Божье, иудеи схватили камень, чтобы побить его: ишъ, свяготатец, приобщает себя к лику Божьему! А ведь про какого отца говорил Иисус, кто знает, может, про Иосифа-плотника? Опять иудеи остались с носом! А ведь прав был Иисус, не назвав имени того, про кого говорил: имя-то Божье нельзя произносить вслух по закону Моисееву...

Толпа неистовствовала. Попытался Иисус урезонить людей:

– За те ли многие добрые дела, которые свершил я для вас, вы меня хотите камнями побить?! Неблагодарные!

Иудеи же тоже не без резона ответили ему:

– Не за доброе дело хотим побить тебя камнями, но за богохульство и за то, что ты, будучи человек, провозглашаешь себя сыном Божьим!

И вот уже первый камень врезался Иисусу под лопатку – кидали все же трусовато, со спины. Потом посыпались камни, хоть и не очень большие, с разных сторон. Кто-то приблизился, пытаясь схватить пророка, но Иисус, будучи, как вы знаете, весьма мощного телосложения, разметал всех, как котят, и, вырвавшись, почти побежал от озверевшей толпы. Никто не осмелился его преследовать.

Только за городскими воротами, что вели в Гефсиманию, соединился он со своими учениками, которым тоже пришлось покидать Иерусалимский Храм бегством: «подставь другую щеку» – об этом хорошо порассуждать, а уж вторую голову-то не сыскать, чтобы под острые камни подставлять!

Бежали проповедники новой веры за Иордан и оказались ненароком на том самом месте, где когда-то крестил народ Иоанн Предтеча... Все возвращается на круги своя...

Так начал воплощаться задуманный Иисусом с Иудой план: первосвященники затанки злобу на самозванца, посмеявшегося покушаться на их Бога!

Часть 4. **ШЕСТВИЕ НА КАЗНЬ**

ВИДЕНИЕ МОИСЕЯ И ИЛИИ

С того времени Иисус начал открывать ученикам своим, что ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников, и быть убиту, а на третий день воскреснуть. Недоумевали апостолы: что взбрело в голову их учителю? Чего лезть на рожон? Вспомнил бы об Иоанне Крестителе: у того славы и авторитета было хоть отбавляй, а покончили с ним, отрубили голову, и глазом не моргнув! Нет управы на этих управителей!

Первым проявил инициативу Петр, начав прекословить Иисусу:

– Будь милостив к себе, Сын Божий! Зачем тебе все эти напасти?

На это Иисус ответил даже, пожалуй, чересчур жестко:

– Изыди, Сатана! Не соблазней меня!

Петр, понуро опустив голову, отошел от Учителя, недоумевая, чем же он того так прогневил: он же ему добра желал! И опять произнес Иисус нравоучение:

– Если кто хочет идти за мною, отверзись от себя, и возьми крест свой, и следуй за мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради меня, тот обретет ее.

Не все ученики поняли эти его слова. Фома было раскрыл рот, чтобы опять задать свой вопрос, но не успел, ибо Петр ответил за всех: «Истинно говоришь, Иисусе!» Хотя и он не понял, как можно душу потеряв ее же сберечь, а сберегши - ее же и потерять.

По прошествии шести дней, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна и возвел их на гору высокую одних. Там усадил он их в рядок, встал перед ними, сказал, чтобы закрыли они очи свои, а сам при этом мерным голосом сказал:

– Да сойдут с небес предки наши, пророки Моисей и Илия! Да сойдут они в белых одеждах и да будут речи свои говорить нам! Откройте глаза постепенно, чтобы не обожгло вас небесным пламенем.

Открыли глаза Петр, Иаков и Иоанн и увидели перед собой Иисуса, а рядом с ним две парящих в воздухе призрачных фигуры – не иначе, как Моисея и Илию, которые начали беседу с Иисусом. Но только лишь открыл рот Иисус, как раздался глас громовой. Услышав его, ученики пали на лица свои в страхе, а когда очнулись, то уже никого не увидели, кроме Иисуса. Поглядели друг на друга, разинув рты, апостолы да и пошли за учителем вниз с горы, чтобы поведать остальным, какое чудное видение они узрели своими собственными глазами. Рассказывали они, перебивая друг друга, уточняя: один видел Илию справа, а не слева от Моисея, другой говорил, что Моисей и Илия были с длинными седыми волосами, а третий утверждал, что один из них был лысый, как колено.

Не дав им доспорить, Иисус опять повторил своим ученикам, что уже сказал однажды:

– Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют его, но в третий день он воскреснет. А теперь, братья мои, идем в Иерусалим, ибо там будет схвачен Сын Челове-

ский...

Опять хотел сунуться со своим вопросом Фома, что как же, мол, сына Божьего человеки убить смогут, а коли могут то какого рожна переть в этот Иерусалим на верную погибель? Но промолчал Фома, ибо уж очень у всех был торжественный вид.

ВХОЖДЕНИЕ ВО ИЕРУСАЛИМ

И когда приблизились к Иерусалиму, то у горы Елеонской, что по соседству с Вифанией, Иисус сказал Матфею:

- Возьми кого-нибудь с собой и пойдите в селение Вифанию, что прямо перед нами. Сразу за воротами обычно оставляют ослон да верблюдов гости городские. Найдите среди них ослицу привязанную, а с нею осленка, на которого никто из людей не садился. Отвяжите их и приведите ко мне. Ежели же кто начнет бранить вас и попытается помешать вам, скажите, что они надобны Господу.

Пошли Матфей с Фаддеем, нашли и ослицу, и молодого ослика, привязанных у ворот на улице, отвязали их и повели за городские ворота. Некоторые из стоявших на улице и увидевших, как бывшие мытари отвязывают животных, стали возмущаться:

- Что делаете? По какому праву отвязываете чужих ослон, мздоимцы проклятые? Вот мы вам сейчас надаем по шеем за это!

- Так повелел нам Иисус... - отвечали на это Иисусовы ученики.
- Надобен ему именно осленок необъезженный, зачем не сказал...

- Ладно, парни, отпустим их с Богом! - сказал один из толпы. - Чай, не съедят они осленка с ослицей! А может, за это Иисус нам какой еще фокус сподобит!

И отпустили их восвояси - благо, что ослица с осленком никому из них не принадлежала, а хозяином чужого добра, ох, как легко себя чувствовать!

Вернулись ученики к Иисусу со словами, что чуть не побили их.

- Зачем тебе осленок-то чужой? - спросили его Матфей да Фаддей.

- Святое Писание читать надо почаще, там обо всем сказано! И об ослике этом там слова есть! Забыли, как Царь Иудейский в Иерусалим должен въехать? Вспомните слова те: «Не бойся, дочь Сио-

нова! Се, Царь твой грядет, сидя на молодом осле». Ученики Иисусовы в очередной раз остались в неведении: что за притчу про осла на этот раз поведал им их учитель? Только Иуда, стоявший рядом, тихонько шепнул Иисусу на ухо:

– Зачем же ты послал учеников своих на кражу? А где же «не укради»? Своим же словам противоречишь!

– Есть святая ложь, но есть и святая кража, – ответил Иисус. – Эх, Иуда, Иуда! Да ведь народ-то уже совсем ополоумел, совсем созрел для того, о чем мы с тобой договорились. Вот въеду я на ослике, так кто-нибудь да вспомнит, заорет осанну, а там уж – и не удержишь! Все будут меня как царя благословлять. Это ли не повод для моего шумного ареста?

– Иисус, ты – гений! Мне такое и в голову не приходило, а ты так быстро сообразил!

– Вот и будет одновременно святая кража ради святой лжи, а святая ложь ради святого дела! А я ведь не буду признаваться, что я себя царем Иудейским считаю, иначе меня за сумасшедшего сочтут, а тем и дело наше провалится. А буду молчать да запираяться – тем и гнев первосвященников и управителей на себя навлеку. Понял?

Сел Иисус на молодого осла и на нем въехал в Иерусалим. Но только въехал Иисус в городские ворота, как пошел среди народа, пришедшего на праздник, шумок. Сначала шелестел шепоток: «Сей есть Иисус, Пророк из Назарета Галилейского». Потом кто-то вспомнил и строки из Священного Писания, и началось... Сначала тихо и вразброд, а потом громче и громче раздавались крики: «Осанна! Благословен Царь Израилев, грядущий во имя Господне!» Потом появились люди с пальмовыми ветвями и стали, размахивая ими, как флагами, кричать здравицы Иисусу.

И поняли ученики, в чем дело: видимо, прослышали люди, что первосвященники решили убить Иисуса, а заодно с ним и воскрешенного Лазаря, поскольку многие из иудеев уверовали в Иисуса. Возмутился народ – и без того сплошные притеснения да пакости от властей. Вон и Иоанна Крестителя головы лишили ни за понюх табака, а теперь им и Иисус плох стал! Нет, не пройдет! И народ решил встретить Иисуса как нового царя.

И поняли ученики... А так ли уж поняли? Можно ли вооб-

ще понять темную народную душу? Сегодня славят, завтра - проклинают. Сегодня любят, завтра - убьют, не моргнув глазом.

Но, тем не менее, все и вышло, как по писанному, как Иисус и предвидел. Почтил его народ за своего царя.

ПРОЩАНИЕ С МАГДАЛИНОЙ

За шесть дней до Пасхи пришел Иисус в Вифанию в дом, где жили Марфа с Магдалиной и Лазарем. Лазарь попросил сестер устроить предпраздничную вечерю для Иисуса и его учеников.

Давно уж не видел Иисус Магдалины и томился от желания хоть одним глазком взглянуть на нее, опять почувствовать ее ласковые руки. Помнил он ярко и отчетливо ту волшебную ночь, когда он впервые познал Магдалину, помнил как провалился он в то сладкое небытие... Это воспоминание не давало ему покою с тех пор. Временами ему казалось, что он готов бросить все, забыть весь остальной мир, лишь бы повторялась та ночь еще и еще...

Кто знает, если Господь сошел к его матери, как она твердит, то и человеку не грех мечтать о тех же вожделениях, которые не чужды и Господу! Отгонял Иисус от себя сии греховные мысли, но они то и дело возвращались к нему, терзая его душу... Но все было уже предрешено и решено. У них с Иудой был план, отступить от которого он уже не мог. Он знал, что у него остались считанные дни: в пасхальные праздники Иуда пойдет к Каиафе и за тридцать динариев пообещает выдать властям Иисуса. И именно за деньги! Это не вызовет подозрений у первосвященника: кто в этом корыстном мире поверит в искренность бескорыстного предательства? В то же время, когда узнают, что Иуда предал Иисуса за деньги, все поверят, что он низкий и корыстный предатель...

Нет, нет!.. Нельзя расслабляться! Как это ни трагично, нужно смотреть правде в глаза: это последняя встреча с возлюбленной... А сколько еще не сказано, сколько еще не пережито! Ведь жизнь, на самом деле, только начинается...

Но впереди маячит неумолимый крест...

Марфа с Магдалиной, между тем суетились во дворе, жаря на вертелах пару молочных ягнят. Запахи жареного мяса растворялись в нежных сумерках весеннего вечера, обволакивающего

уже макушки деревьев и окрестные деревья и дома. На чуть светлом еще небе зажигались первые звезды. Темнело быстро, как всегда темнеет на юге.

Вот уже не осталось света, кроме света очага, на котором жаривались тушки ягнят. Искорки весело по невидимым спиралькам взвивались вверх и там гасли.

«Вот так и мы, – подумал Иисус, – отрываемся от породившего нас огня жизни и исчезаем в темном пространстве небытия... Вот так и мы...»

Он сидел в задумчивости, один, и был рад, что никто не обременяет его разговорами, вопросами... Вдруг он почувствовал слабое легкое теплое касание. Он сразу понял, что это Магдалина подошла к нему незаметно. Легкая дрожь, какой-то нервный озноб пробежал по всему его телу. Он хотел встать, но ноги его, словно ватные, не слушались хозяина. Магдалина села за его спиной, прислонившись к нему своей упругой горячей грудью. Иисус почувствовал в том месте, где его касалась Магдалина, такое жжение, будто кто положил ему на обнаженную спину горсть раскаленных углей... Магдалина положила свою руку ему на правое плечо, а сама прильнула к нему уже всем телом.

– Милый... Я люблю тебя... – шептала она ласковым шелковым голосом.

Иисус хотел развернуться к ней и обнять ее. Он совсем потерял голову, ему было наплевать на всех! Но Магдалина нежно удержала его второй рукой, не дав развернуться:

– Не сейчас... Погоди... У нас с тобой впереди еще сегодняшняя ночь и вся жизнь...

«Да, ночь... Последняя их ночь... А потом та вечная жизнь! – подумал про себя Иисус. – Да, да! Та вечная жизнь после смерти. И ему впервые захотелось самому, чтобы та вечная жизнь в Царствии Небесном была бы не только сладкой сказкой для тех слабых, боящихся смерти людей, но была бы правдой».

Он прикрыл ладонью левой руки руку Магдалины, лежавшую на его правом плече и крепко, едва ли не до боли, стиснул ее.

И вот вечеря уже была готова. Лазарь вышел во двор и хозяйски деловито разметал угли костровища, а потом залил их водой. «Вот и кончилась жизнь огня!» – подумал Иисус. Раздалось

противное змеиное шипенье, и клубы серого пара дружно взвились в небо и растаяли в уже сгустившейся тьме...

Позвали к столу, накрытому в доме. Лазарь указал Иисусу почетное место во главе стола и возлег по правую руку от него. Магдалина села, подогнув под себя ноги слева от Иисуса, который лежал, опираясь на правую руку, повернувшись лицом к Магдалине. Он не мог оторвать от нее глаз: ее смоляные волосы, ее темные, как зрелые вишни глаза, брови и ресницы, подведенные сурьюмою... Она была похожа на какую-то языческую или, может, греческую богиню. Свободно спадавшие складки ее одежды помогали угадывать таинственную красоту ее девичьего тела. Он не мог оторвать от нее глаз...

Марфа на правах хозяйки суетилась около стола, предлагая гостям угощения, поднося кувшины с вином по мере того, как опустошались ранее поставленные. В этот раз она не упрекала Марию, что та не помогает ей. Она своим женским чутьем понимала, что Магдалина нужна Иисусу, а Иисус нужен Магдалине. Она была благодарна Иисусу за все: за его доброту, за его деликатность, наконец, – и это главное – за воскрешение Лазаря, ее любимого брата, который долгие годы заменял ей и Магдалине рано покинувшего этот мир их отца, хотя и был младше своих сестер...

В один из моментов, когда гости уже хорошо насытились, Мария отлучилась на минутку и вернулась с кувшином народного чистого драгоценного мира. Она села в ногах Иисуса, помазала его ноги миром, а потом отерла их своими волосами. Весь дом наполнился тягучим и пьянящим благоуханием. Тогда один из учеников Иисуса, уже немного захмелевший, заметил:

– А не лучше ли было бы продать это миро? Выручили бы не менее трехсот динариев, которые можно было бы раздать нищим? Что зазя его переводить?

Иисус ответил на это:

– Мария Магдалина сберегла это миро на день погребения моего. Поэтому и помазала меня этими благовониями. Вот уйду я от вас, покину вас скоро... А милостыня нищим? Нищих вы всегда имеете с собою, вот и помогайте им потом. А меня вы не всегда имеете...

Не поняли ученики своего учителя, думали, что это опять

обычные Иисусовы иносказания. Один Иуда знал, о каком погребении говорил Иисус. И он знал, что не успеет благоухание миро развеяться с ног Иисусовых, как он уже будет поведен на казнь...

Кончилась вечеря. Марфа стелила козьи и бараньи шкуры во дворе. Хоть была еще ранняя весна, но на улице было необычно тепло даже ночью. Сытые и чуточку хмельные апостолы стали устравиваться во дворе на ночлег. С ними же уложила Марфа и Лазаря. Иисусу же опять было отведено место в небольшой комнатке Лазаря, а сестры, как всегда, легли в своей опочивальне.

Некоторое время со двора через дверь доносились разговоры и смех Иисусовых учеников, но постепенно голоса затухли, а спустя некоторое время послушался и здоровый мужской храп...

Иисусу не спалось. Он вспоминал события прошедшего вечера, сердце его буквально рвалось из груди, перед его глазами явственно вставал образ Магдалины, сидящей у него в ногах и отирающей его ноги своими шелковистыми волосами. Он, как наяву, увидел, как в разрезе распахнувшейся на ее груди одежды при ее плавных движениях колыхались ее упругие груди... Он вспомнил ее слова: «Не сейчас... погоди... У нас с тобой впереди еще сегодняшняя ночь и вся жизнь...»

И тут, будто отвечая на его безмолвный зов, раздался едва слышный скрип двери девичьей опочивальни, потом – уже беззвучно – открылась дверь его каморки, и в дверном проеме появился темный силуэт, который приближался все ближе и ближе, пока весь мир не потонул в нем, увлекая и Иисуса в страстную пучину любви ...

*****

Когда уже забрезжило, Иисус и Магдалина лежали молча. Она, лежа на его плече, тихонько ласкала его рукой. Он гладил ее шелковистые волосы, прижимая ее голову к себе.

– Мне мать с детства говорила, что я Сын Божий... Может это и правда? – прошептал Иисус Магдалине на ухо.

– Какая разница, милый? Я люблю тебя не за то, чей ты сын...

– Но знаешь, скоро я должен буду уйти далеко...

– Я буду ждать тебя всю жизнь...

– Но оттуда не возвращаются...

– И все равно я буду ждать тебя всю жизнь! Даже если это последняя наша встреча, я буду верна тебе всю жизнь... Если бы я не встретила тебя, моя жизнь была бы напрасной!

- И моя... - и он опять крепко обнял Магдалину и целовал, целовал, целовал ее плачущее лицо. И по его лицу текли невольные слезы... Слезы любви, нежности и отчаяния: он знал, что это расставание - расставание навсегда...

Небо уже начало светлеть в темном обрамлении окна. Уже стали различимы контуры дерева, росшего во дворе и заслонявшего полнеба. Счастье и грусть одновременно наполнили сердце Иисуса... Вот так всегда они вместе: добро и зло, свет и тьма, тепло и холод...

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Иисус с Иудой долго думали над тем, как лучше всего устроить то, что они замыслили. И пришли оба к единому: надо воспользоваться праздником Пасхи. И созрел у них такой план. Иуда пойдет к первосвященнику Каиафе и за деньги выдаст место, где собрался Иисус с учениками на трапезу. А место для трапезы надо выбрать тайно, чтобы, не дай Бог, какие зеваки не начали бы вступаться за Иисуса, когда его придут арестовывать!

Приближалась Пасха. Иисус решил отметить эту последнюю в своей жизни Пасху со своими учениками. Решив это, он сходил к своему старому знакомому, Ахиму, который жил в Гефсимании. Ахим, исцеленный Иисусом от мучивших его тяжелейших головных болей, был рад оказать любезность своему исцелителю и решил ему с учениками собраться на пасхальную вечерю. Иисус объяснил, что не хотел бы, чтобы кто-то знал об этом их сборище у Ахима, хотя и не стал объяснять ему всех причин. Иисус сказал, что он пришлет своего человека, чтобы тот все устроил. «А как мне узнать того, кого ты пришлешь?» - спросил Ахим. «Пошли в полдень того дня своего человека с кувшином для воды к городским воротам, пусть он побудет там недолго, а потом потихоньку пойдет, не оглядываясь к твоему дому и войдет в него. Мои люди последуют за ним», - сказал ему Иисус. На том и договорились.

В первый день опресноков, когда наступила пора заклать пасхального агнца, спросили ученики Иисуса: «Учитель, где хочешь

есть пасху? Мы пойдем и приготовим». И послал он Матфея с Фаддеем, сказав им: «Пойдите в селение Гефсиманию, там встретится вам человек, несущий кувшин для воды. Следуйте за ним. Хозяину того дома, куда он войдет, скажите: "Учитель спрашивает, где комната, в которой бы нам с учителем нашим поесть пасху?" И он покажет вам горницу большую, устланную, уже готовую. Там и приготовьте все к вечеру».

Пошли ученики его, недоумевая, как это можно пойти за первым встречным с кувшином. Но в городе, под палящим полуденным солнцем, как раз у самых городских ворот, прохаживался, действительно, человек с кувшином для воды, который вскоре пошел и скрылся в дверях одного из домов. Ученики Иисусовы, следуя словам Иисуса, вошли в дом, где их встретил хозяин дома, несколько не удивившийся ни появлению незнакомцев, ни их просьбе.

Словом, приготовили Матфей с Фаддеем пасху. Когда же настал вечер, пришел и сам Иисус с остальными апостолами. И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, преломил его и дал всем по кусочку, сказав:

«Приимите, ядите... Сие есть тело мое». И, взяв чашу с багровым вином, подал им, и пили из нее все. И сказал им: «Сие есть кровь моя, за многих изливаемая».

У всех от слов сих кусок в горло не лез, а чувствительный и привередливый Фома поперхнулся, вскочил из-за стола и помчался во двор. Потом долго еще слышали примолкшие остальные апостолы, как тот издавал за неплотно прикрытой дверью гортанные звуки, наподобие рыкающего льва... Всем было не по себе.

И вот во время трапезы, когда все они возлежали и ели, Иисус сказал: «Истинно говорю вам: один из вас, ядущий со мною, предаст меня». Переглянулись апостолы и стали наперебой вопрошать: «Не я ли? Не я ли?»

Иисус же, как всегда, ответил уклончиво: «Один из вас, двенадцати, обмакивающий со мною лаваш в блюдо». Когда говорил это Иисус, то по обыкновению, один из любимейших учеников его, Иоанн, возлежал у него на груди. Иаков Зеведеев сделал знак брату: спроси, мол, кто это тот, о ком говорит учитель. Иоанн, прижав к груди Иисуса, прошептал: «Брат мой, кто тот, про которого говорил ты?»

Иисус ответил ему потихоньку, так, чтобы никто из сидевших рядом расслышал: «Гот, кому я сейчас подам кусок хлеба, обмакнув в блюдо». С этими словами, Иисус, который был все время как-то взвинчен, сказал Иуде: «Если делаешь, то делай быстрее, не теряя времени!» – И, отломав от лепешки лаваша кусок, обмакнул его в соус и подал Иуде Искарноту...

Иуда, приняв от Иисуса кусок, покорно поднялся и вышел из трапезной. Только Иоанн уверенно знал, что Иуда – это тот, кто собирается предать Иисуса. Остальные же думали, что Иисус послал Иуду с каким-либо очередным поручением: Иуда был казначеем общинных денег, посему некоторые подумали, что Иисус послал его подкупить чего к празднику или же раздать пасхальные подаяния нищим.

Когда Иуда вышел, Иисус сказал как-то в никуда, будто рассуждая вслух:

– Ныне прославится Сын Человеческий, и Бог прославится в Нем.

Один Иуда мог бы понять эту Иисусову криптограмму, но он уже был далеко. Он бежал сквозь ночь, сквозь теплый липкий воздух, обволакивающий его тело. Он бежал, и сердце его рвалось наружу. Нет, ему не было страшно: они с Иисусом все твердо натвердо решили. Ему не было страшно за себя: он был готов пожертвовать собой ради их общего учения. Но он боялся, что решение Иисуса было все же отчасти вынужденным, вытребованным им, Иудой. Он чувствовал, что распорядился чужой судьбой, судьбой другого человека, человека которого он искренне любил чистой братской любовью.

Когда Иуда добежал до дома Анны, тестя Канафы, то застал там почти всех иудейских первосвященников, возлежавших за пасхальной трапезой. На возвышении, в глубине большого зала, украшенного резными колоннами из сандалового дерева, освещенный яркими смоляными факелами развалился на ложе сам Канафа. Остальные располагались перед ним амфитеатром: кто был важнее, тот был и ближе к Канафе.

Пиршество было в самом разгаре. Запах жареных ягнят ласково щекотал ноздри. Вина уже было выпито изрядно, а потому в зале стоял гул, похожий на отдаленный шум морского прибоя.

Когда в залу вошел Иуда, стражники бросились к нему и преградили дорогу, грубо выталкивая его древками своих секир из залы. Но Каиафа молча поднял руку и все затихли, и стражники тут же замерли, как вкопанные, в ожидании команды.

«Пропустите!» - произнес единственное слово Каиафа, и Иуда смело прошел к столику с яствами около ложа Каиафы.

– Угощайся! Ну, принес добрую весть?

– Спасибо, ваше первосвященство. Не будем терять времени. Прикажите страже следовать за мной.

– Стража! Следовать за этим человеком и арестовать того, на кого он укажет. Какой условный знак ты им подашь?

– Я поцелую того, кого надо забрать.

– Ну, вперед! – напутствовал Каиафа.

ПОЦЕЛУЙ ИУДЫ

Выпив и закусив, пошли все апостолы с Иисусом к горе Елеонской. И говорил им Иисус, идучи:

- Ох, предадите вы меня в эту ночь. А без пастыря и стадо рассеется, как облако на ветру.

Петр, самый активный из всех, когда дело касалось разговоров о чести и товариществе, молвил ему в ответ:

- Да пусть и все предадут тебя, но только не я!

На что Иисус ответствовал:

- Истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды ты отречешься от меня.

Но Петр продолжал клясться в любви и преданности:

- Хотя бы надлежало мне и умереть с тобою, не отрекусь от тебя». Но мы-то знаем, какова цена слов на людях и каковы дела, творимые без свидетелей.

Подождали к горе, и Иисус сказал ученикам своим: «Посидите здесь, пока я помолюсь». А сам пошел на гору помолиться, захватив с собою только Петра и обоих сыновей Зеведеевых, сказав им: «Что-то жутко мне одному, побудьте со мною, пока я молюсь». На

душе у него было пакостно, тоскливо. И уже забравшись довольно высоко, сказал троице: «Душа моя скорбит смертельно... Побудьте здесь и бодрствуйте. Я же немного побуду один».

С этими словами, отойдя немного в сторону, он пал на землю и начал молиться, воздев очи к звездам:

- Авва Отче! Всё возможно Тебе... Пронеси чашу сия мимо меня!

И плакал он, и прощался с жизнью. Почему-то страшно ему было. Поражался Иисус выдержке и хладнокровию Иуды: тот шел на смерть спокойно, будто выполняя обыденный ритуал.

А когда вернулся Иисус, то нашел всех троих своих учеников дрыхнувшими, как говорится, без задних ног. Да и как ни заснуть после плотного ужина с возлияниями. Сказал он Петру:

- Симон! Ты спишь? Не мог пободрствовать и десяти минут? И вы спите, братья Зеведеевы? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна.

А сам, опять отойдя в сторону, истово молился, повторяя и повторяя слова мольбы к Всевышнему об избавлении от казни:

- Отче мой! Да минует меня чаша сия!

И, возвратившись, опять нашел их спящими, ибо глаза у них отяжелели от выпитого и съеденного. Растролкал их Иисус, укоряя, что опять заснули, а они и не знали, что ему отвечать. Жутко было Иисусу на смоляно-темной горе, где ухал филин да раздавались какие-то морозящие душу шорохи...

Все же пошел он помолиться и в третий раз, но ничего не шло в голову кроме одних и тех же слов:

«Господи! Если не может чаша сия миновать меня, чтобы мне не пить ее, да будет воля Твоя!» Ему вдруг до пронзительности захотелось жить. Он подумал о том, что почему-то Царствие Небесное не манит его. Нет, он хочет остаться здесь, быть с Магдалиной, со своей уверовавшей в непорочное зачатие матерью, с этим простецким Симоном-Петром, с юным Иоанном. Он вдруг, скорее всего из самооправдания за такие мысли, подумал, что Иуда – это Сатана –искуситель. Но ему тут же стало стыдно за эту мысль: ведь Иуда жертвует своей жизнью за его, Иисусово дело,

он ведь не толкает его на казнь, оставаясь в стороне... Кто знает, чем бы кончились радужные планы Иисуса о создании новой веры. Убийством, как закончилась жизнь Иоанна-Крестителя? Спокойной смертью в окружении горстки учеников? Разочарованием и самоубийством?

Вернувшись же, опять нашел он своих захмелевших попутчиков спящими...

– Все спите и поживаете? – гневно спросил их Иисус.

– Кончено... Пришел час: вот, предается Сын Человеческий в руки грешников. Вставайте, сонные тетери, пойдем обратно. Вот уже близится предающий меня.

И лишь они вернулись к месту, где трапезничали, появился Иуда Искариот с отрядом воинов, вооруженных мечами и секирами, и толпой служителей от первосвященников и фарисеев, оснащенных фонарями и светильниками. Апостолы, вскочив со своих мест, приготовившись к защите. Как всегда импульсивный, Петр, имея меч, извлек его, и ударил первосвященнического раба, и отсек ему правое ухо. Имя рабу было Малх. Но Иисус сказал Петру:

- Вложи меч в ножны. Неужели мне не пить чаши, которую приготовил для меня Отец?

И, когда еще говорил он слова сии, подошел к нему Иуда, крепко обнял его и поцеловал, шепча ему на ухо, чтобы никто не расслышал:

– Прощай, мой любимый брат и учитель! Наступил наш час... Я уже свершил то, о чем мы договорились: за тобой пришли эти псы от Каиафы... И прости меня: не могу я видеть пытки, которым тебя подвергнут. Я сейчас же пойду и повешусь, ибо нет мне жизни без тебя! Прощай и прости, брат возлюбленный мой! Мужайся!..

И Иисус ответил Иуде лишь крепким объятием, крепко прижав его к груди своей. А кругом уже толпились какие-то стражники с мечами и копьями, первосвященники и старейшины народные. Сразу же после объятия с Иудой, на Иисуса набросились воины, связали его веревками и цепями и повели к первосвященнику Каиафе, куда собрались уже во множестве книжники и старейшины.

СУД ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВ

Верные же ученики Иисусовы, увидев, как скрутили Иисуса и повели, бежали в панике. Один Петр следовал за Иисусом в отдалении, дойдя до самого двора первосвященникова, а затем, войдя внутрь, сел со служителями, чтобы видеть, чем все закончится. Страшно ему было, но еще сильнее было чувство сострадания к Иисусу. Ведь он был беззаветно, и к тому же бездумно, предан Иисусу.

Ввели Иисуса в здание, где собрались только те, кто имел право судить. Первосвященники, старейшины и весь синедрион, все они искали, в чем бы преступником обвинить Иисуса, чтобы предать его смерти, но не находили. И спросил его первосвященник Каиафа:

- Заклинаю тебя Богом, скажи нам, ты ли Мессия, или Христос, Сын Божий?

Иисус ответил ему в обычной своей манере, оставляя за собой всегда любое возможное толкование сказанного:

- Ты сказал, не я сказал.

Озверели члены синедриона, взирая на спокойного и независимо ведущего себя человека, которого они давно уже считали опасным государственным преступником: ведь он подрывал основы их религии, а к тому же, говорили, объявил себя и царем Иудейским. Стали они плевать Иисусу в лицо, отвешивать подзатыльники, а кто и бил его ногами. Спокойствие же, с которым Иисус переносил побои и оскорбления еще более выводило из себя собравшихся. Ведь толпа - всегда есть толпа, из кого бы она ни состояла: из вельмож ли, или из кухарок, или же из подвыпившей черни.

Между тем, рабы и служители, разведя огонь, потому что было холодно, стояли и грелись. Петр также стоял с ними и грелся. Он скорбел за Иисуса, мучаясь, что никак не может помочь своему учителю.

Тут одна раба-придверница, увидев его сидящего у огня и всмотревшись в него, сказала:

- А я видела тебя с этим Галилеянином, которого допытывают старейшины. Не один ли ты из учеников его?

Но Петр вскипел и наорал на женщину, говоря:

– Не знаю я, о чем ты говоришь, глупая баба!

С сим он поспешил – от греха подальше – покинуть двор. Но когда выходил он из ворот, увидела его другая женщина, стоявшая в толпе зевак, собравшихся, несмотря на очень раннее время – ночь едва только стала умирать на небе: «Бабоньки, гляньте на того пейсатого. Ей-ей я видела его своими глазами с Иисусом Назореем, когда тот нынче изгонял бесов из Лизки дурковатой!»

Петр, слыша слова те, опять отрекся с клятвою, что не знает никакого Назорея и никогда не видел его, кроме как нынче.

Однако тут же подошли другие стоявшие там зевачи и затараторили: «Точно, точно! Ты один из тех, кто ходит по стране и наводит смуту: речь твоя обличает тебя!»

Тогда Петр начал истово клясться и божиться, что не знает он того, кого пытаются церковники.

И вдруг раздалось первое громкое «ку-ка-ре-ку!» и с ужасом вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». И побежал он прочь от места того. И плакал он горько, осознав всю глубину своей трусости и подлости: ведь отрекся он от Иисуса, которого чтил за Учителя.

СМЕРТЬ ИУДЫ

Когда же настало утро, все первосвященники и старейшины народа имели совещание об Иисусе, чтобы предать его смерти, а потом, связав его, отвели к римскому прокуратору Иудеи – Понтию Пилату.

Иуда, находившийся в это время рядом с прокураторским дворцом, увидел, как повели Иисуса со связанными руками, и как люди, которые только еще вчера смотрели Иисусу в рот и получали от него милости, насмешничали, плевали на него и били его, чем попало. «Мерзко племя человеческое, – подумал Иуда, – вчера возносили на руках, а нынче попирают в прах. И вот ради них-то мы с Иисусом и жертвуем собой? Не страшно умереть, но оправдана ли жертва наша? Ведь этому быдлу только и надо, что набить пузо, налакаться вина да грашпы, а потом пощекотать себе нервы каким-нибудь зрелищем!»

Протиснувшись сквозь толпу любопытствующих, когда Иисуса проводили мимо, Иуда встретился с ним глазами. Он дотянулся до Иисуса, коснулся его рукой и сказал: «Мужайся, брат мой! Прости, что выбрал я для себя легкую смерть, а тебя посылаю на нечеловеческие мучения... Прощай!» На секунду остановившись, молча, только одними глазами ответил Иисус своему верному другу. Стражник грубо дернул замешкавшегося Иисуса, и его повели дальше под улюлюканье толпы. И тут каждый из них потерял из вида другого, ибо глаза обоих стали влажны от невольной набежавших слез...

Иуда, поняв, что Иисус будет осужден на смерть, пошел прочь из города. Он брел, как полоумный, не глядя под ноги, не разбирая дороги, спотыкаясь, падая, вновь поднимаясь... Он шел и шел, идя навстречу своей смерти, которую выбрал добровольно и нисколько не колеблясь. Было у него одно лишь сожаление, что не может он принять на себя муки Иисуса, которые ожидали того.

Ему опять стало нестерпимо больно, что друг его, лучший из людей, которых он когда-либо встречал, обречен на мучительнейшую казнь. Невольные слезы сострадания текли по его щекам, но он не замечал этого. Редкие попадавшиеся ему по пути прохожие с удивлением смотрели на плачущего человека, бредущего будто в сомнамбулическом сне: «Видать, у человека большое горе: может, потерял мать или отца, может, брата любимого...»

Иуда шел по пыльной дороге, по которой обычно крестьяне ездят в небольшую рощицу набрать сухого хвороста, да мальчишки бегают осенью по лесную ягоду.

Он нашел чуть в стороне от дороги крепкое дерево, залез на толстую ветку, которая была достаточно высоко над землей, проверил, прочна ли она, потом туго привязал к ней веревку, сделал петлю на другом конце и надел петлю себе на шею... После этого, как-то вдруг, будто вспомнил что-то очень важное, он полез в карман, достал оттуда тридцать серебряных монет, которые получил от первосвященника в уплату за предание Иисуса в руки стражников. Отрешенно посмотрев на монеты, Иуда с внезапным ожесточением изо всей силы бросил их далеко-далеко в придорожную пыль... Монеты, со звоном ударяясь о камни, покатались

по дороге, блестя на безразлично ярком солнце.

Иуде впервые вдруг захотелось, чтобы люди узнали все же правду о нем: нет, он не предатель! Может, найдя эти деньги поблизости от его окоченевшего трупа, люди догадаются – пусть не сразу, пусть через сто, пусть через тысячу лет - что он не предал Иисуса. Ведь если он предал Иисуса из-за денег, то зачем же он, выбросив эти деньги, в тот же день повесился?.. Но тут же отчаяние охватило его, что никто и никогда не поймет их с Иисусом заговора – шествия на казнь ради идеи.

«А нужна ли эта жертва?» – уже заколебался и Иуда. – Обречь себя на вечные людские проклятья!.. Ну, да Бог с ними, с людьми... Это во мне жалость к себе самому разыграла: не хочется вечно быть предателем в глазах даже тех, кого я не уважаю. На самом же деле, для успеха нашего с Иисусом плана я должен навеки остаться в людской памяти злодеем. Добро и зло... Свет и тьма... Тепло и холод... Одно не может существовать без другого!»

С этой последней мыслью Иуда бросился вниз. Он умер мгновенной и не мучительной смертью – хрястнули шейные позвонки, и душа Иуды отлетела в Царствие Небесное, если таковое действительно существовало...

ИИСУС У ПИЛАТА

Когда связанного Иисуса привели в римскую преторию, Пилат сидел в тени большого платана и с наслаждением пил красное вино, разбавленное холодной водой, которую специально для этих целей хранили в глубоком погребе. Пилату были по душе эти обычаи римских патрициев: сначала добровольно мучить себя жаждой в жаркие душные дни, а потом, когда уже казалось жизнь покидает тебя от жажды, позволить себе пить маленькими глоточками, давая буквально каждой капле проникать в иссушенную воздержанием полость рта...

Вот и сейчас, когда ему объявили о приходе иудейских первосвященников во главе с Каиафой и его братом Анной, Пилат наслаждался первыми глотками ледяного напитка. Махнув рукой вошедшему ординарцу, чтобы никого не впускал, он продолжал так же медленно, смакуя, пить. Что же ему прерывать из-за этих треклятых

святош удовольствие, к которому он готовил себя весь вчерашний день?

Лишь не спеша закончив пить, Пилат вышел к ним и сел на судилище, на месте, называемом Лифостротон, а по-еврейски Гаввафа. К нему подошел и низко поклонился в ноги Каиафа и сказал, что они потревожили Великого Прокуратора Иудеи, поскольку ими схвачен преступник, именующий себя то Сыном Божиим, то Царем Иудейским.

– Не велик грех называть себя как угодно... – вполголоса проговорил Пилат и потом уже громче добавил. – Так в чем вы обвиняете этого человека?

– Если бы он не был злодей, разве мы предали бы его тебе, о, Великий Прокуратор? – ответил Каиафа.

– Вы кончайте эти свои еврейские штучки отвечать на вопрос вопросом! – почти гневно прорычал Пилат. – Я спросил, в чем вина того человека? А коли и преступник он и виноват в чем, так возьмите и по закону вашему сами судите!

– Но, о, Великий, только лишь ты имеешь право предавать смерти...

– Столь серьезна вина его?.. Ну, давайте вашего преступника!

Представили Иисуса пред прокуратором. Худой, голубоглазый, с белокурыми слегка вьющимися волосами, он был похож скорее на какого-то северного языческого бога, чем на еврея-преступника. Пилат был уже наслышан об Иисусе, знал, что тот вовсе не преступник: просто неудобен он иудейской церковной верхушке, которая трясется за свою власть над душами граждан Израилевых.

Пилат спросил Иисуса:

– Много в чем тебя обвиняют собратья твои, евреи. Говорят, что на власть покушаешься. Правду ли говорят, что ты величаешь себя Царем Иудейским?

– Ты сказал, не я сказал, – в обычной своей уклончивой манере ответил Иисус, глядя Прокуратору прямо в глаза.

Задавал Пилат Иисусу и еще вопросы, но тот либо отмалчивался, либо отвечал уклончиво. Пилат опять спросил его:

– Ты ничего не отвечаешь? А ведь видишь, как много против тебя обвинений! Что ты скажешь в свою защиту?

Помолчав, Иисус ответил Пилату латинской пословицей, которая почему-то внезапно вспыхнула в его мозгу: «*Vincit omnia veritas*» («Правда побеждает все»).

– О, ты и латынь знаешь? – Изумился Пилат. – Но что есть правда? Чья правда? Твоя? Моя? Или правда этих... – Пилат не мог подобрать негрубого слова. – Ну, этих твоих обвинителей? И что такое твоя правда перед моей силой?

Иисус опять замолчал. Пилату даже начал нравиться этот тихий и уверенный в себе человек. Он не мог себе представить, чтобы такой человек был виновен в том, в чем его обвиняли его соотечественники.

– Ну, странный он, да, странный, – думал Прокуратор, – но что в этом преступного? Говорят, что ходит, исцеляет народ, даже мертвых якобы оживляет. Ну, а в этом чего плохого? Ведь не убивает же, а наоборот!

А то, что веру новую проповедует?.. Вот за это его первосвященники, в первую очередь, эти два ублюдка – Каиафа и Анна – и не любят. Так в этом ничего странного нет, что этот бродячий философ не любит их веру! И мне та вера не нравится: сколько высокомерия и чванства в самой идее «избранного народа». Ну, чем избранные-то? Сами же сначала придумали Бога, а потом, оказывается он же их и сделал избранными!

Пилат хорошо знал Иудейское Священное Писание: хочешь успешно править народом – знай его религию, культуру, обычаи, нравы. И как он ни ненавидел эту жаркую и убогую страну, как он ни рвался домой, на родину, в Рим, все же он считал своим долгом эту страну знать и понимать. Он считал ветхозаветного Моисея – если только таковой когда-либо существовал – одним из умнейших людей в истории человечества. Ведь человек, одолеваемый навязчивой идеей вывести свой народ из Египта – неведомо куда, в какую-то Землю Обетованную – понял, что не в человеческих это силах, совладать со стадом упрямых и своевольных людей. И тогда он придумал Бога. Как удобно: не он приказывал людям, куда идти, что делать, как молиться, а это Бог ему – и только ему! – поверял свои тайны!

Молодец! Как просто сказать: «По велению Господнему...»
А скажи он: «Я считаю, что...» Да кто стал бы слушать его?

И вдруг появляется какой-то Иисус. Объявляет себя Сыном Божьим. Подрывает устои Иудейской веры. Лечит бедных. Осуждает богатых. Кому это понравится?

Очнулся Пилат от своих мыслей. А первосвященники иудейские продолжали настаивать, говоря, что Иисус возмущает народ, проповедуя по всей Иудее, начиная от Галилеи до сего места, мысли враждебные не только вере Иудейской, но и правителям римским.

Пилат, услышав о Галилее, спросил: разве он Галилеянин? И, узнав, что Иисус из области Иродовой, послал его к Ироду Антипе, дворец которого находился недалеко от претории.

Нужно вам сообщить, что вообще-то Ирод Антипа был не в своего родителя, которого тоже звали Ирод, но с приставкой Великий. Был он мягок, даже бесхарактерен, всем хорошила его жена – Иродиада. Она и поженила его на себе, оставив своего мужа, который был никем иным, как братом Антипы. Она же и башку Иоанну Крестителю – помилуй меня, Господи – заставила отсечь и на блюде ей принести... Словом, Ирод Ироду рознь, да и вообще, сын за отца не отвечает!

Когда привели Ироду Иисуса, то он даже почти обрадовался, ибо давно желал видеть этого мага и исцелителя, потому как много прослышал о нем, и надеялся увидеть от него какое-нибудь чудо. Но Иисус был непреклонен, ни на какие уговоры не поддавался, не соблазняли его даже обещания Ирода Антипы замолвить словечко перед Канафой и выручить Иисуса из беды.

Много вопросов задал Ирод Иисусу, но тот ничего не отвечал ему. Тогда Ирод, обозлившись на надменного упрянца, со своими воинами, уничтожив Иисуса и насмеявшись над ним, как над блажененьким, одел его в светлые одежды и со скомо-рошьими почестями отослал его обратно к Пилату.

И сделались в тот день Пилат и Ирод друзьями между собою, ибо прежде были во вражде друг с другом. Вот так странно объединяет людей, казалось бы, незначительное событие в их жизни. Для них Иисус был одним из сотен обвиненных,

кто в измене, кто в смертоубийстве, кто в грабеже. Но что-то привлекало их обоих в этом тихом, уравновешенном и необычайно красивым по-мужски молодом человеке. Может быть, чувство собственного достоинства? Может, внутренняя убежденность в своей правоте?

Когда Иисуса привели от Ирода обратно, Пилат, созвав первосвященников, начальников и представителей народа, сказал им:

– Вы привели ко мне человека сего, якобы развращающего народ. Я при вас рассмотрел ваши обвинения к человеку сему, называемому Иисусом Назореем, и не нашел его виновным ни в чем из того, в чем вы обвиняете его. Я посылаю его и к Ироду Антипе, поскольку тот является четверовластным Галилеи, откуда вышеназванный Иисус родом. Но и Ирод также не нашел в действиях и поступках Иисуса состава какого-либо преступления. Я не вижу ничего, за что человек этот мог бы быть осужден на смерть. Я его накажу для порядка и отпущу.

Но иудеи отвечали ему, что по их закону Иисус должен умереть, потому что объявил сам себя Сыном Божиим. А и имя Божье само даже произносить вслух нельзя!

– Не вижу я и в этом великого греха, - проговорил Пилат.

И тогда начали исходить из себя в злобе первосвященники и старейшины, опять обращаясь к Иисусу и задавая оскорбительные вопросы, но и тут Иисус не проронил ни слова. Первосвященники гудели, как растревоженный улей, а народ, стоявший невдалеке, хранил пока свое обыкновенное безмолвие: пока лошадь не двинется – телега не стронется.

Пилат снова возвысил голос, желая отпустить Иисуса. Но тут кто-то из первосвященников крикнул режущим ухо фальцетом: "Распни, распни его!"

Пилата стало уже раздражать это ослиное упрямство иудейских священников. Он тогда обратился к толпе:

– Какое же зло сделал вам этот человек? Я же сказал, что ничего достойного смерти не нашел в нем, а посему, наказав, отпущу его.

Но тут начался такой бедлам, поднялся такой ор! Уже и на-

родные представители включились в общий хор и яростно вопили: «Р-р-р-распни-и-и!..Р-р-распни- и-и его!..»

Осточертело все это Пилату. Ненавидел он эту страну, не любил он этот упрямый и своевольный народ, презирал лицемерных и подобострастных первосвященников. К тому же уже яростно начало палить безжалостное южное солнце. Хотелось в тень, хотелось пригубить еще холодного вина, разведенного на треть родниковой водой. Хотелось забраться в прохладные покои и лечь с какой-нибудь из многочисленных книг любимого им Платона – он был поклонником греческой философии – и уплыть в своих мыслях далеко-далеко из этой вонючей провинции!

А толпа, между тем, продолжала с великим криком требовать распятия Иисуса. Прокуратор Иудейский, поднял руку, и тут же воцарилось гробовое молчание, порождая звенящую тишину... Был еще последний шанс, которым решил воспользоваться Прокуратор.

– На всякий праздник я правом Прокуратора Римского отпускаю вам одного из приговоренных к смерти узников, о котором вы попросите, – сказал глухим голосом Пилат. – Сейчас у меня в узах есть преступник по имени Варавва, известный своими убийствами и грабежами. Кого же мне отпустить: этого ли убийцу и грабителя или ни в чем неповинного Иисуса, про которого говорите вы, что он Царь Иудейский?

Пилат был уверен, что народное волеизъявление будет все же за освобождение Иисуса. Ну, заслужил он по каким-то их непонятным иудейским внутренним законам смерти, но ведь не страшнее же он злобного убийцы? Он знал, что еврейская знать предала его просто из зависти к его влиянию и из страха потерять контроль над своей паствой.

К тому же, когда сидел Пилат еще на судейском месте, Лифостротоне, жена его, послала гонца сказать ему, чтобы ничего он не делал праведнику Иисусу, ибо видела она во сне видение в его защиту.

Но первосвященники и старейшины буквально буйствовали и возбудили народ просить освободить Варавву, а Иисуса погубить.

И на вопрос Пилата, кого освободить им на еврейский

праздник пасхи, заорала орава: «Варавву-у- у! Варавву-у-у!»

– А что же мне сделать с Иисусом, называемым Христом? – спросил Понтий Пилат, все еще надеясь на милосердие и сострадание людское. Но в ответ лишь услышал из ополоумевшей толпы: «Р-р-распи-и-и-и! Р-р-р-аспи-и его-о-о!»

– Ни в чем неповинного человека осуждаете вы на казнь. Какое же зло сделал он вам? – мрачно спросил, не повышая голоса, Понтий Пилат, в очередной раз, пытаясь спасти Иисуса.

Но в ответ раздавалось, перекатываясь как валы бурного беспощадного моря: «Р-р-рас-с-с... Р-р-р-аспи-и-и-и!.. пни-и-и-и!.. пни-и-и-и!.. Р-р-р-аспи-и-и-и!» Это была какая-то темная и слепая стихия, остановить которую силами разума было невозможно...

Пилат, видя, что ничто не помогает, что смятение людское только увеличивается, что не в силах он переубедить озверевшую в предвкушении кровавого зрелища толпу, отпустил Варавву, а Иисуса предал на распятие.

Народ просто взбесился от радости, будто им даровали нечто такое, о чем они мечтали всю жизнь. Раздались радостные крики, кто-то свистел, кто-то хлопал в ладоши...

Пилат же, повернувшись к толпе спиной, поднял указательный палец правой руки, и по его сигналу тут же подскочил слуга с серебряным кувшином с водой и белым льняным полотенцем, перекинутым через плечо. И когда поливали ему на руки воду, Прокуратор изрек:

- Вот умываю я руки перед взорами вашими, жестокосердные и несправедливые. Невиновен я в крови праведника сего. Нет на мне крови этого человека. На вас кровь его... Я умываю руки.

Демонстративно, с презрительно-недовольной гримасой Понтий Пилат умыл руки, стряхнул с них воду, а потом тщательно, будто вытирая грязь, протер каждый палец по отдельности белоснежным полотенцем. Затем он повернулся спиной к толпе и скрылся в глубине дворца.

Толпа, добившаяся своего, медленно растекалась с площади по боковым улочкам...

ГОЛГОФА

Как было положено, Понтий Пилат собственноручно написал надписи на всех дощечках, которые прибывали к каждому кресту над головой распятых. Табличка, предназначавшаяся Иисусу, гласила: «Иисус Назорей, Царь Иудейский». Так решил Пилат, думая, что эта надпись меньше всего заденет честь казнимого: ведь на двух соседних крестах размещались отпетые головорезы и грабители.

Надпись та написана было по-арамейски, по-гречески и по-римски. Хотя бы одну из этих надписей смог бы прочитать человек, принадлежащий любому из народов, населявших тогда Иудею.

Первосвященники же Иудейские, увидев надпись, сказали Пилату с недовольством: «Почему написал "Царь Иудейский"? Не царь он. Это он себя называл царем, а царем-то он не был». Пилат ответил им на это: «Что я написал, то написал! И переписывать не буду. А вы меня своим упрямством уже малость притомили. Пшли вон, псы!!!»

И одели Иисуса в багряницу, и, сплетши терновый венец, возложили ему на чело, а в правую руку дали посох для потехи будто это жезл царский. И повели в таком виде к тому месту у подножия Голгофы, где лежали уже сколоченные для распятия кресты. Собравшаяся вокруг толпа, веселилась, ёрничала: «Радуйся, Царь Иудейский! Отца увидишь – кланяйся, привет от нас передавай!» Другие же плевали на него и, взяв его же посох, били его по голове и по спине и, становясь на колени, скоморошничали, низко кланяясь ему. А кто-то прокричал: «Возрадуйся, Царь Иудейский, повесился твой предатель Иуда! Да и остальные твои сотоварищи разбежались, кто куда!»

Понял Иисус, что Иуда уже сдержал свое слово. Это добавило сил Иисусу, он расправил плечи, поднял голову, не обращая внимания на издевательства толпы. Но, как он ни старался, ноги его с трудом слушались, каждый шаг давался с трудом. Да и понятно: бессонная ночь, издевательства стражи, суд... И уже второй день без маковой росинки во рту... Откуда же взяться силам? Однако он понимал, что надо держаться, надо владеть собой. Это последняя дорога в жизни, и свернуть с нее нельзя. Это последнее мучение – цель и апофеоз всей его жизни.

Когда подвели Иисуса к громадному кресту в два человеческих роста, то сняли с него багряницу, оставив только повязку вокруг бедер. Потом подняли слегка крест, заставив Иисуса подсесть, чтобы взвалить крест ему на спину, да не выдержал он и рухнул под его тяжестью. Толпа аж ахнула: чуть было ни заломало его насмерть. Но не было в том крике толпы сострадания, скорее было опасение, что будут они лишены щекочущего нервы зрелища, как корчится в предсмертной агонии человек, как корежится в нечеловеческих муках его лицо...

Иисус, попытался еще раз, собрав все свои последние силы, сам поднять и понести крест свой на Голгофу, но опять безуспешно. И дабы не потерять своего садистского наслаждения от предстоящей казни, заставили проходящего некоего Кириянина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест вместо Иисуса.

Был третий час пополудни. Немилосердно палило солнце. Двух разбойников и Иисуса, римские легионеры в шлемах, поблескивающих на солнце, вели вверх, на гору. Жадные до зрелищ иудейские плебеи шли рядом, обступив конвой и обреченных плотной и потной толпой. Два разбойника, казнимых вместе с Иисусом, безропотно несли свои кресты.

Возвели всех троих, наконец, на вершину высокого холма, Голгофы, называемой еще лобным местом, ибо это было основное место, где казнили преступников то ли через распятие, то ли через отсечение головы... Называли также в народе эту гору Лысой Горой по причине отсутствия всякой на ней растительности. Поговаривали, что место это проклятое, а потому не растет там ни травиночки убогой, ни былиночки забытой.

Когда привели Иисуса уже на место распятия, то, продолжая насмехаться над ним, дали ему вместо последней предсмертной чаши вина чашу уксуса, смешанного с желчью. Пригубив чашу и понявши, что люди продолжают издеваться над ним, Иисус подумал: «И вот за этих неблагодарных и жестоких мы с Иудой жертвуем своей жизнью? О Господи, если ты есть! За что? Не смерти я боюсь, не мучений, а человека, которого можно ли спасти, не знаю... Я старался творить только добро. И вот она, благодарность людская... Прав был Иуда, брат мой, что добро и зло переплетены в один клубок. Я учил на зло отвечать добром, а полу-

чаю за свое добро зло да еще сторицей!»

Полуденная жара не спала, солнце стояло все еще высоко.

Положили Иисуса на крест, привязали руки в локтях к перекладине, чтобы подвесить на кресте. По жестокому обычаю кисти рук приколотили к дереву огромными гвоздями. Было очень страшно в первый момент: ведь всегда ожидание боли страшнее самой боли. Потом было замирание сердца, когда палачи поднесли первый гвоздь к правому запястью... Иисус включил все свои внутренние силы, все то искусство ухода из мира, которому научился у индийских аскетов.

И вот после первого же удара, после первого ощущения пронзающей острой боли, все куда-то поплыло, боль будто растворилась. Немного замутилось сознание. Иисус, находясь в предобморочном состоянии вспомнил, как ему говорил Сумонтра, что есть болевой предел: «больнее, чем очень больно не бывает», говорил он. Как прибывали левую руку, он почти не помнил. Потом взметнулась резкая молния боли от пальцев ног в пах, когда приколачивали его ступни, но острая боль и тогда быстро пропала, сменившись чувством постоянной тянущей боли, очень сильной, но как-то переносимой. Потом и это все стихло. Сознание от боли помутилось, тело будто исчезло вовсе.

За все время пытки Иисус не проронил ни стоны. И глаза его были широко открыты. Только иногда веки подергивались, когда неожиданно резкая боль проступала через тупое состояния ничего не чувствующего, будто бы уже умершего тела.

И все же до последнего момента верил Иисус в чудо. Он вспомнил ту библейскую притчу о том, как Господь, искушая Авраама, повелел ему принести в жертву сына единственного своего Исаака, и как уже в тот момент, когда занес Авраам руку с ножом над сыном невинным своим, Господь подослал ему вместо той бесчеловечной человеческой жертвы овна, запугавшегося рогами в чаше... Он ждал, он ждал чуда! Но Бог остался слеп, глух и нем... Уже готов был Иисус проклясть этого безжалостного Бога, но вспомнился ему Иуда, который отдал свою жизнь... И ведь делают они все это не ради Бога, а ради людей! Ведь вера нужна не сама по себе, не для удовлетворения прихотей Господних, а для того, чтобы люди стали чище, светлее, добрее...

На соседних крестах корчились и стонали, безнадежно моля о

пощаде, два разбойника. Но вот и они затихли, слышны были только их грубые ругательства в адрес солдат и толпы.

Но нравственные мучения Иисуса были страшнее любой самой сильной физической боли. Ах, как же трудно потерять веру в праведность свершаемого, в правильность выбранного пути! Стоил ли результат все этих жертв, которые они с Иудой принесли на алтарь новой веры? Можно ли людей сделать людьми? Ему опять, как давеча на допросе у Прокуратора, пришла на ум почему-то латинская поговорка «animal bipes implume» – «животное двуногое и без перьев»... Да, человек – это животное... Страшное двуногое животное...

И вот уже кресты с приколоченными к ним приговоренными подняли и вставили в заранее вырытые ямы, потом завалили эти ямы камнями, плотно их утрамбовав, чтобы, не дай Бог, крест не пошатнулся и не упал.

Крест с Иисусом стоял посредине. Немного пришедшие в себя разбойники продолжали свою площадную брань и отборные проклятия, которые перемежались слезами и мольбами о милосердии... Умереть достойно - это тоже нужно уметь.

И вспомнил Иисус, как говаривал Иуда: «Двум смертям не бывать, одной не миновать...» А потом, под крики с соседних крестов, опять вспыхнула все та же навязчивая мысль: «А не напрасна ли наша с Иудой жертва? Можно ли это было обратить в человеческое состояние? Ведь сколько мы сделали им добра, а они в ответ радуются моим страданиям... Злобен человек и себялюбив... Нет, нет! Есть в человеке добро! Да, оно спрятано глубоко, но оно есть! И будут еще люди братьями. И будут они творить добро друг другу. И возлюбят они ближних своих. Нет, не напрасна наша с Иудой жертва... Кто-то должен быть первым... Прав был Иуда: Если не мы, то кто?! И если не сейчас, то когда?!...»

А внизу, под крестами толпился народ, и был он весел, как на праздничной гулянке. Проходящие внизу, под крестами продолжали бесноваться и злословили Иисуса, крича всякие пакости: «Эй, там на кресте! Коли ты и взаправду Сын Божий, сойди с креста! Попроси своего папеньку помочь тебе. Что, слабо?! Других спасал, а себя самого не можешь? Что кишка тонка, да? Сойди, сойди с креста и мы тут же уверуем в тебя как в Царя Израилева!» И даже распятые по левую и по правую руку разбойники злословили и

поносили его. Видать, чужое горе может и обрадовать и душеньку потешить!

Но не всем в радость было это трагическое зрелище. В отдалении стояли две женщины, обняв друг друга. Те две, которые беззаветно любили Иисуса: Мария Иосиева, мать Иисуса, и Мария Магдалина, его возлюбленная.

Рядышком стояли, сбившись в кучку, как воробышки, братья и сестра Сына Божьего. Не было с ними Иосифа, который умер, до последнего мгновения веря в божественное предназначение Иисуса.

Там же собралась и небольшая кучка людей, знавших и любивших Иисуса, но не было среди них апостолов. Только один из них, Иоанн, стоял рядом с матерью Иисуса и поддерживал рыдающую женщину. Обе Марии горько, хотя и беззвучно плакали.

Когда крест Иисуса подняли, они подошли к самому его основанию. Марии Иосиевой стало дурно, и Магдалина с Иоанном с трудом поддерживали ее, пока та не пришла вновь в сознание.

Прошло долгих три часа. Усталый от зрелища народ начал расходиться. Только обе Марии, опекаемые Иоанном, оставались у подножия Иисусова креста.

К Марии, матери Иисусовой, присоединилась и ее сестра – Мария Клеопова. Несмотря на мучительную монотонную боль во всем теле, которая не усиливалась, но и нисколько не затихала, Иисус сделал гримасу, отдаленно напоминавшую улыбку. Он привык все переносить стоически. Более того, чем хуже ему было физически, чем труднее было морально, тем больше он старался показать, что ему нормально, ему почти хорошо! Он даже пытался улыбаться, хотя лицо его отражало лишь некую труднопонимаемую гримасу... Ну, а что разве легче, когда ты стонешь и плачешь, а окружающие тебя люди начинают сочувствовать, всхлипывать и успокаивать тебя? Нет, нет: «двум не бывать, одной не миновать!»! Зачем портить жизнь себе и другим?

Иисус, собравшись силами, поднял голову, открыл глаза и увидел своих самых дорогих в мире людей совсем рядом, прямо под крестом. Он сначала подумал, что это ему просто мерещится от боли. Он увидел Магдалину, она увидела его взгляд и протянула к нему руки, будто зовя его сойти с креста. У Иисуса невольно на-

вернулись слезы. Но руки его принадлежали не ему, они принадлежали кресту, поэтому он не смог смахнуть незваную гостью, которая стекла по носу и капнула вниз...

Потом он увидел мать свою и Иоанна, стоявшего рядом... Он почти шепотом произнес: «Жено! Се, сын твой». А потом промолвил Иоанну: «Брат мой, се матерь твоя!» Мария и Иоанн скорее по губам прочитали, что им сказал Иисус. Они согласно кивнули головами.

Один из стражников, молодой и красивый римлянин из тех, что поставлены были под крестами, чтобы блюсти порядок, удивлялся стоическому поведению Иисуса. Он смотрел на этого мученика и почему-то невольно вспомнил образ своего отца, которого он потерял, когда ему было лет пятнадцать. Отец его был так же белокур и голубоглаз, он был так же ладно сложен. И конечно же, конечно, то же лицо, буквально то же лицо.

В это время другой солдат взял губку, смочил ее уксусом и, наткнув на острие копья, хотел поднести ее к устам Иисусовым – такое издевательство над обреченными всегда веселило толпу. Первый солдат грубо одернул второго, сорвал и выбросил намоченную уксусом губку, взял свежую, полил на нее из своей фляги красного вина и поднес губку к иссушенным губам Иисуса. Иисус жадно всосал в себя жидкость и чуть слышно произнес: «Спасибо, брат...»

Если бы он только догадался, насколько он был прав! Ведь его сходство с отцом того солдата было неслучайным!

Прошло еще три часа. Уже почти шесть часов продолжалась невероятная пытка, а в девятом часу не выдержал все же Иисус пытки и возопил громким голосом на арамейском языке: «Элои, Элои! Лама савахфани?» – «Боже Мой, Боже Мой! Для чего ты меня оставил?»

Но остался вопль Иисусов безответен... Да и что смог бы ответить отец сыну, послав его собственноручно на мучительную бесчеловечную казнь? А ведь известно, что и волос с головы не упадет без воли на то Божьей...

Наконец, последний раз набрав воздуха в ослабшие легкие, Иисус в последний раз громко воскликнул: «Бо-о-же-е! Бо-о-о-же-е-е!» и испустил дух.

Как уже вы знаете, в день казни была пятница, поэтому иудеи, дабы не оставить тел на кресте в субботу, которая была к тому же великим праздником Пасхи, просили разрешения перебить распятым голени, чтобы скорее те отошли к праотцам, и снять их с крестов. Итак, пришли воины, и у первого разбойника перебили голени, и у другого. Но, когда настала очередь Иисуса, то нашли они его уже умершим, а посему и не перебили ему голеней. Один же из стражников для проверки, не жив ли он, ткнул Иисуса копьём под правые рёбра, и тотчас истекла кровь и вода, и сникло тело Иисусово, как винный мех, пропоротый ножом...

К вечеру того же дня пришел из Аримафеи, города Иудейского, к Понтию Пилату богатый человек по имени Иосиф. Он тайно учился у Иисуса когда-то, но скрывал это от других членов совета. Был это добрый и праведный человек, хотя и член совета Синдериона, но не участвовавший в последнем несправедном его собрании. Это человек попросил Прокуратора Римского разрешить ему взять тело Иисусово для захоронения. Пилат, удивившись, что Иисус уже умер, разрешил Иосифу взять тело и со всеми возможными почестями захоронить его в склепе.

Рядом с тем местом, где распяли Иисуса, был черешневый сад, а в саду в скале был высечен новый склеп, в котором еще никто не был положен. Туда и понесли тело Иисусово.

Вместе с Иосифом из Аримафеи пошли и обе Марии – мать и возлюбленная Иисуса Магдалина. Были с ними и другие из числа тех, кто присутствовал при распятии. Осмотревши склеп, обе Марии положили тело, снятое с креста, и по обыкновению иудейскому, обвили тело чистою плащаницею с благовониями, которые принесли с собой. Когда процедура была завершена, Иосиф стал подтаскивать лежавшую недалеко каменную плиту, чтобы привалить ее ко входу в пещеру, чтобы звери какие не забрались внутрь и не осквернили тела Иисусова. Мария-мать и Мария Магдалина попытались помочь Иосифу, он им не позволил: «Отойдите, женщины, я и сам справлюсь!»

После чего все вместе удалились, а Мария Иосева с Марией Магдалиной, которую она признала почти за дочь, пошли готовить благовония и масти для натирания тела Иисусова.

Потом настала суббота – по заповеди Моисеевой день покоя. В этот день собрались первосвященники и фарисеи к Пилату и го-

ворили ему: «О Великий! Мы вспомнили, что обманщик тот, прозываемый Христом, еще будучи в живых, сказал, что после трех дней воскреснет. Прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики его, придя ночью, не украли тела его. Ведь потом будут внушать народу, что якобы воскрес их Учитель из мертвых. И будет тот последний обман еще похуже прежнего!»

Пилат сказал им: «Сами казнили, сами и сторожите. Не видел я и не вижу никакой вины за Иисусом. Пошли вон!» – И приказал стражникам вывести из дворца иудейских первосвященников и впредь не впускать их к нему, пока сам не позовет.

Однако в субботу не смогли первосвященники и старейшины найти никого, кто, нарушая закон Моисеев, захотел бы работать в святой день. Против закона не попрешь! Тем более, против Моисеева закона...

На рассвете первого дня недели, неся приготовленные ароматы, пришли обе Марии и с ними некоторые другие женщины опять к склепу. Пришел туда и Иосиф из Арифамей. Вот, что они увидели: камень, который был привален при входе в склеп, был отодвинут, а в самом склепе не оказалось тела Иисусова...

Женщины аж взвизгнули, а одна из них упала в обморок, рухнув, как сноп. Случился обморок и с Марией, матерью Иисуса. Но она быстро пришла в себя и сказала тихим испуганным голосом, что ей померещился светлый ангел, сидевший на камне, отваленном от склепа. Оказалось, что в толпе женщин еще кто-то видел что-то как бы медленно растаявшее в полумраке склепа...

Буквально в это же время подошли к склепу и стражники иудейские от Каиафы, чтобы стеречь тело Иисусово, дабы не украли его. Пришли и остолбенели, застыв с разинутыми ртами, да почесывая затылки: пуст был склеп!..

Мария Магдалина и Мария Иосиева тайком переглянулись, но не сказали ни слова, не сделали ни одного жеста, привлекающего бы к ним внимание.

Ни у кого среди пришедших не было сомнений: Иисус вознесся... А что же могло быть иначе? Камень отвален, тело Иисуса исчезло... А помните, он же говорил, что он воскреснет на третий день? Так ведь это как раз сегодня: пятница, суббота, воскресенье!

Ну, конечно, ВОС-КРЕ-СЕ-НИ-Е...

ISBN 978-1-4357-9666-9

90000

9 781435 796669